

ЗАУРАЛЬСКИЕ ПРАВОВЫЕ ЧТЕНИЯ

Материалы всероссийской научно-практической
конференции, посвященной 80-летию Победы
в Великой Отечественной войне
и Году защитника Отечества

«12» декабря 2025 года

Курган 2026

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Курганский государственный университет»

ЗАУРАЛЬСКИЕ ПРАВОВЫЕ ЧТЕНИЯ
Материалы всероссийской научно-практической конференции,
посвященной 80-летию Победы в Великой Отечественной войне
и Году защитника Отечества

«12» декабря 2025 года

Курган, 2026

УДК 34(063)
ББК 674я431лО
З 97

Зауральские правовые чтения: материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-летию Победы в Великой Отечественной войне и Году защитника Отечества : (Курган, 12 декабря 2025 г.) / отв. ред. А. Н. Глебов. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2026. – 208 с. [Электронное издание]. – URL: <http://dspace.kgsu.ru/xmlui>.

Рецензенты:

Михайличенко Илья Викторович, доцент кафедры юриспруденции Западного филиала федерального бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», кандидат юридических наук.

Абдулин Роберт Семенович, доктор юридических наук, заведующий кафедрой «Уголовное право», Заслуженный юрист РФ, судья Курганского областного суда в почетной отставке.

Печатается по решению научно-технического совета Курганского государственного университета.

Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Зауральские правовые чтения», состоявшейся 12 декабря 2025 года в Курганском государственном университете, посвящен 80-летию Победы в Великой Отечественной войне и Году защитника Отечества. В материалах конференции отражены результаты исследований по противодействию реабилитации нацизма, вопросам укрепления законности и правопорядка, правовому регулированию военной службы. Ряд статей анализирует зарубежный опыт, предлагая пути адаптации лучших практик в российскую правовую систему. Материалы будут полезны ученым-правоведам, практикующим юристам, преподавателям, аспирантам и студентам юридических вузов, а также всем, кто интересуется актуальными проблемами развития правовой системы России.

Редакционная коллегия: А. Н. Глебов, Е. А. Алексеева, А. Я. Неверов.

ISBN 978-5-4217-0753-0

© Курганский государственный
университет, 2026
© Авторы, 2026

Е. А. Алексеева

БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: УРОКИ ПРОШЛОГО

Аннотация. В статье приводятся основные показатели преступности в СССР в предвоенные годы и на основе исследования материалов уголовной статистики изучается состояние отечественной преступности в период Великой Отечественной войны. Проанализированы структурные изменения в правоохранительных органах СССР, направленные на повышение эффективности их деятельности по борьбе с преступностью в условиях военного времени, кадрового дефицита, многозадачности и во взаимосвязи с трансформацией уголовного законодательства.

Ключевые слова: состояние преступности, правоохранительные органы, Великая Отечественная война, предупреждение преступлений, уголовное законодательство ВОВ.

Великий подвиг советского народа по защите своей Родины и избавлению мира от военной агрессии нацистской Германии и ее союзников потребовал от СССР беспрецедентной концентрации сил общества и государства. Идеи патриотизма и гражданского самосознания советских граждан формировали единство тех, кто отважно сражался за Родину на фронте и совершал трудовые подвиги в тылу во имя обеспечения потребностей фронта и победы. Несмотря на невероятный патриотический и духовно-идеологический подъем общества и граждан, преступность как неотъемлемое социальное явление в данный период тягот военного времени оказывала особо дестабилизирующий характер. Значимость работы по предупреждению преступлений, их своевременному пресечению и раскрытию сочеталась со сложностями в ее эффективной реализации, обусловленными кадровым дефицитом в правоохранительных органах, резкими изменениями и пробелами в уголовном законодательстве, неблагоприятной динамикой преступности в первые годы Великой Отечественной войны, социально-экономическими и организационными сложностями в жесточайших военных условиях. Несмотря на все неблагоприятные обстоятельства, право-

охранительным органам СССР удалось стабилизировать состояние преступности в военные годы, оптимизировать свою деятельность и существенно повысить ее эффективность в кратчайшие сроки, что заслуживает научного анализа и изучения перспектив рецепции и совершенствования в современных реалиях.

За несколько лет до начала Второй мировой войны состояние общеуголовной преступности в СССР с момента его создания находилось на историческом минимуме. На территории Российской Советской Федеративной Социалистической Республики действовал Уголовный кодекс РСФСР 1926 г., а на территориях других союзных республик уголовно-правовое регулирование осуществлялось типовыми уголовными кодексами, принятыми в соответствии с положениями Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 г.

В 30-е гг. в уголовном законодательстве СССР произошли криминализация отдельных деяний (в сфере железнодорожного транспорта, здравоохранения и т. д.), ужесточение санкций за совершение общеуголовных преступлений и снижение возраста уголовной ответственности по отдельным составам преступлений (до 12 лет). В 1937 и 1938 гг. общее число осужденных в СССР по общеуголовным статьям составило 887 тыс. (минимальное значение с 1922 г.) и 919 тыс. человек (коэффициент преступности – 529 и 543) соответственно. На историческом максимуме находилось количество лиц, привлеченных к уголовной ответственности за контрреволюционные преступления: в 1937 г. – 945 тыс., в 1938 г. – 641 тыс. человек. В 1939 и 1940 гг. продолжился рост численности населения и преступности в СССР – 975 тыс. и 1 млн 191 тыс. осужденных (коэффициент преступности – 561 и 613,7) соответственно. В тот же период снизилось число осужденных за совершение контрреволюционных преступлений: 47 тыс. лиц в 1939 г. и 137 тыс. – в 1940 г. [5].

В 1940 г. государственными органами проводится ряд мероприятий, направленных на усиление аналитической работы в сфере состояния преступности, борьбы с ней, осуществляется структуризация подразделений уголовного розыска по видам преступлений, что в период 1941–1945 гг. позволило повысить эффективность милиции по борьбе с преступностью. В феврале 1941 г. дифференцировалась специализация правоохранительных органов – Народный комиссариат внутренних дел СССР преимуще-

ственно сконцентрировал свои полномочия на общеуголовных преступлениях, а выделенный из его состава Народный комиссариат государственной безопасности СССР – на «политических» преступлениях [6].

22 июня 1941 г. был принят Указ Президиума ВС СССР «О военном положении», которым ужесточались меры по поддержанию общественного порядка и расширялись полномочия сотрудников правоохранительных органов на местах. В качестве важной меры правового характера по профилактике преступности и общественных беспорядков следует отметить оперативное принятие 29 июня 1941 г. Директивы НКВД СССР № 148сс. Данный правовой акт предписывал сотрудникам НКВД «круглосуточное патрулирование по городу, изъятие уголовного, социально-вредного элемента, ... арест и доставление в РО НКГБ лиц, замеченных в антисоветской и контрреволюционной агитации, ... проведение мероприятий по розыску дезертиров и выявлению лиц, уклоняющихся от воинской службы»¹. В целях предупреждения преступлений сотрудники милиции и наряды комендатуры наделялись полномочиями по расстрелу на месте в местностях, находящихся на осадном положении при выявлении мародеров, провокаторов и вражеских агентов. Для поддержания общественного порядка, профилактики и пресечения совершения преступлений в СССР в 1941–1945 гг. учреждались новые правоохранительные органы. Указом Президиума ВС ССР 22 июня 1941 г. учреждались военные трибуналы и их полномочия в отношении военнообязанных и военнослужащих по обеспечению общественного порядка в прифронтовых местностях, находившихся на военном или осадном положении, подавлении там преступной и антисоветской деятельности. Указом Президиума ВС СССР № 39 от 19 апреля 1943 г. при дивизиях и других военных соединениях учреждались военно-полевые суды. «Указами Президиума ВС СССР от 8 сентября 1943 г. и от 24 мая 1944 г. военные трибуналы получили право рассматривать уголовные дела ранее подсудные военно-полевым судам по преступлениям, предусмотренным Указом Президиума ВС СССР от 19 апреля 1943 г. № 39 и другим уголовным делам» [4]. Т. е. структура и полномочия правоохранительных органов оперативно перестраивались по мере изменения социальных условий. По данным В. В. Лунеева, пик числа осужденных военными трибуналами пришелся на 1943 г. и составил 816 987 человек [5].

¹ Директива НКВД СССР № 148сс от 29 июня 1941 г. // Ведомости ВС СССР. 1941. № 29.

Эффективной борьбе с преступностью способствовала оперативная корректировка уголовного законодательства, не путем изменения кодифицированных уголовных законов, а дополнением его отдельными нормативно-правовыми актами (Указами Президиума ВС СССР), регламентирующими не только преступления и санкции, но и процессуальные вопросы (например, подсудность). Так, Указ Президиума ВС СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» вводил уголовную ответственность за «трудо-вые» преступления вплоть до тюремного заключения и исправительно-трудовых работ. В июне, сентябре и декабре 1941 г. Указами Президиума ВС СССР был удлинен режим рабочего времени, подсудность уголовных дел о трудовых преступлениях в прифронтовых районах отнесли к компетенции военных трибуналов, а уголовную ответственность за самовольный уход с предприятий, расположенных в таких районах, существенно ужесточили. Также Указами Президиума ВС СССР устанавливалась уголовная ответственность «за распространение ложных слухов, тревожащих население в военное время»¹, закреплялась подсудность дел о разглашении государственной тайны в компетенции военных трибуналов². Применение уголовного закона по аналогии позволяло оперативно закрывать пробелы правового регулирования. Так, Пленум ВС СССР пояснил, что «в условиях военного времени кражи личного имущества следует квалифицировать по п. «г» ст. 162 УК РСФСР (как «кражи, совершенные во время общественного бедствия»)»³, а совершенные при отягчающих обстоятельствах по аналогии закона с бандитизмом. В период 1941–1945 гг. «с целью противодействия преступности, активно применялась и внесудебная репрессия» [7]. Радикальное и быстрое усиление уголовно-правовых запретов, обусловленное военной обстановкой, отчасти вызвало рост преступлений: «возросший уровень преступности в СССР во время войны непосредственно связан не

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1941 г. «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения» // Ведомости ВС СССР. 1941. № 29.

² Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 ноября 1943 г. «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну» // Ведомости ВС СССР. 1943. № 49.

³ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 8 января 1942 г. № 1/1/у «О квалификации некоторых видов кражи личного имущества граждан в условиях военного времени» // Законодательные и административно-правовые акты военного времени. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1942. С. 35.

только с экстремальной военной обстановкой, но и с более широкой криминализацией малейших отклонений от императивных требований властей» [5].

По имеющейся статистике, в СССР осуждено всеми судами, включая трибуналы: 3 381 755 лиц в 1941 г.; 3 582 023 – 1942 г.; 3 222 556 – 1943 г., 3 089 374 – 1944 г.; 2 742 146 – 1945 г. Следовательно, в первые годы войны резко выросло число преступлений (максимум в 1942 г.), затем наметилась устойчивая динамика по снижению объема преступности в СССР.

По Указам Президиума Верховного Совета СССР, относящимся к уголовному законодательству военного времени, было осуждено: 1 153 323 лиц в 1941 г.; 1 501 052 – 1942 г.; 943 140 – 1943 г.; 1 095 130 – 1944 г.; 1 073 758 – 1945 г. В военные годы менялась не только динамика, но и структура преступности, если в 1941-42 гг. возросло число «воинских преступлений» (уклонение от мобилизации в армию, дезертирство и т. д.), то с 1943 г. их число снижалось, что позволило милиции сосредоточиться на борьбе с общеуголовной преступностью. В 1941–1945 гг. более 60 % преступлений составили кражи и спекуляция, почти в два раза возросло количество краж (с 250 тыс. до 445 тыс.), в четыре раза – скотокрадства. Наблюдался резкий рост тяжких преступлений против личности, в 2,5 раза с 1941 по 1944 гг. выросло число убийств (с 3 до 8 тыс. преступлений). Росло и число преступлений против собственности, где дополнительным объектом выступали жизнь и здоровье человека, например, в 3 раза (с 7,5 тыс. до 20 тыс. преступлений) выросло количество грабежей и разбоев в период с 1941 по 1944 г. Активнее всего совершали преступления ранее судимые граждане в тыловых областях и промышленных центрах [3].

Указанные характеристики преступности в 1941–1945 гг. были обусловлены максимальным расширением обязанностей сотрудников правоохранительных органов в первые годы войны и сменой приоритетных направлений деятельности на организацию истребительных батальонов, эвакуацию и благоустройство населения с контролем соблюдения санитарных норм, проведение разъяснительной работы с населением по основным законам, размещение и охрану имущества эвакуированных предприятий и учреждений, борьбу с детской беспризорностью, на ликвидацию агентов противника в тыловых районах, поддержание общественного порядка, задержание дезертиров из армии и с военного производства, борьбу с организованными преступными группами. Для обеспечения всех этих целей для

оперативного состава было введено казарменное положение, усилены патрульная и постовая службы милиции, в том числе транспортная, охрана общественного порядка обеспечивалась исходя из значимости объекта (предприятия, станции, железнодорожные пути и т. д.) в местах массового скопления граждан, также производилось ночное патрулирование, практиковалась кооперация с общественными объединениями, сельскими советами для выполнения вышеуказанных целей.

Как отмечают исследователи, «важнейшими направлениями деятельности органов милиции Урала в военный период были борьба с бандитизмом в первые годы войны, пресечение преступной деятельности расхитителей зерна и муки в колхозах и совхозах, предприятиях пищевой промышленности и в торговых сетях, борьба со злоупотреблениями продовольственными карточками» [1]. При этом к 1943 г. нераскрытыми органами милиции оставались 1877 убийств, в связи с чем в директивном порядке по линии НКВД СССР 16 августа 1943 г. устанавливалось требование по пересмотру уголовных дел в целях расследования всех нераскрытых преступлений: «Принимая во внимание стабилизацию стратегической обстановки на фронте, значительные успехи в развитии промышленности, органам внутренних дел представилось возможным сосредоточиться на решении проблем борьбы с преступностью» [7]. В результате оптимизации функциональных обязанностей милиции удалось повысить показатели раскрываемости преступлений с 20 % в 1941 г. до 35,5 % в 1944 г. [2].

Таким образом, в условиях военного времени правоохранительные органы смогли эффективно бороться с военной, антисоветской (политической) и общеуголовной преступностью благодаря постоянному и оперативному анализу криминальной обстановки в стране; выявлению приоритетных направлений деятельности, которые постоянно корректировались в процессе правоприменения; изменению способа правового регулирования в сфере уголовного законодательства на обеспечивающий большую мобильность с применением аналогии закона. Борьбе с преступностью способствовало расширение полномочий милиции на местах, создание новых правоохранительных органов, постоянная корректировка направлений их деятельности и полномочий. Поддержание общественного порядка обеспечивалось активным взаимодействием милиции с населением: разъяснительной и профилактической работой, привлечению населения к патрулированию и обеспечению соблюдения уголовных норм.

В настоящее время актуализируется опыт выявления и предупреждения деструктивных идеологических проявлений, поддержания общественного порядка полицией, особенно на территориях проведения специальной военной операции. Особо значимым становится умение правоохранительных органов своевременно анализировать криминогенную обстановку в стране, оперативно менять приоритетные направления деятельности по предупреждению преступлений, более активно вовлекать представителей общественности в борьбу с преступностью.

Библиографический список

1 Голубых Н. В. Деятельность органов милиции на Урале в период Великой Отечественной войны / Н. В. Голубых, В. А. Чашников // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2015. – № 2. – С. 2–7.

2 Гусак В. А. Правовое регулирование деятельности органов милиции по охране общественного порядка в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / В. А. Гусак // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 8. – С. 138–146.

3 Долгова А. И. Криминология / А. И. Долгова. – Москва : Норма, 2011. – 787 с.

4 Жадан В. Н. Об особенностях уголовного законодательства в годы Великой Отечественной войны / В. Н. Жадан // Юридическая наука. – 2020. – № 5. – С. 85–91.

5 Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции / В. В. Лунеев. – Москва : Изд-во НОРМА, 2021. – 912 с.

6 Сучилкин А. В. Нормативно-правовое регулирование борьбы с преступностью в годы второй мировой войны / А. В. Сучилкин, Е. В. Сучилкина // Известия ПГУ им. В. Г. Белинского. – 2012. – № 28. – С. 160–163.

7 Яковлева М. А. Уголовное законодательство и профилактика преступности в период Великой Отечественной войны / М. А. Яковлева, Е. М. Марченко, В. Б. Клишков // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2021. – № 2. – С. 180–185.

А. В. Белоусова

Научный руководитель: Т. В. Гриценко, канд. юр. наук, доцент

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ТАМОЖЕННЫМИ ОРГАНАМИ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются правовые и информационные аспекты участия таможенных органов Российской Федерации в противодействии преступлениям против государственной безопасности с детальным анализом применения цифровых технологий. Анализируются уголовно-правовые критерии квалификации составов, связанных с контрабандой стратегически важных товаров, а также процессуальный статус результатов работы РИС системы управления рисками (СУР) как доказательств. Помимо этого, в работе приводятся официальные статистические данные ФТС России за 2021-2024 гг., демонстрирующие увеличение показателя по выявлению преступлений благодаря цифровизации.

Ключевые слова: государственная безопасность, таможенные органы, информационные технологии, уголовная ответственность, доказательства.

Современные вызовы и тенденции обеспечения национальной безопасности государства определяют необходимость перехода к комплексному пониманию обеспечения общей национальной безопасности, включая экономический и технологические аспекты. В данной ситуации особая роль отводится таможенным органам, которые функционируют в правовой системе как органы дознания согласно п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ [2]. В рамках реализации своей деятельности таможенные органы обладают полномочиями по выявлению, пресечению и расследованию преступлений, угрожающих основам конституционного строя и территориальной целостности Российской Федерации [1].

В соответствии со ст. 2 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 03.08.2018 № 289-ФЗ (далее – ФЗ № 289-ФЗ) в сферу таможенного регулирования входят отношения, затрагивающие ввоз, вывоз товаров, их перемещение по территории РФ, декларирование и уплату таможенных платежей [3]. Именно в данной сфере актуальны преступления против государственной безопасности, такие как контрабанда стратегически важных товаров, сильнодействующих и радиоактивных веществ, оружия массового поражения (ст. 226.1 УК РФ), незаконный экспорт товаров и технологий с экспортным контролем (ст. 189 УК РФ), шпионаж (ст. 276 УК РФ) и диверсия (ст. 281 УК РФ) [1, 5].

Следует выделить правовую основу использования информационных технологий при осуществлении таможенного контроля, которая представляет собой совокупность применения положений ФЗ № 289-ФЗ и Таможенного кодекса ЕАЭС. В частности, речь идет о том, что таможенные органы наделяются правом осуществлять анализ рисков и применять специальные программно-технические средства для предотвращения нарушений, угрожающих национальной безопасности [5, с. 11].

Особое значение в данном контексте приобретают информационные технологии, а именно система управления рисками (далее – СУР), представляющая собой программно-технический комплекс, целью которого служит осуществление таможенного контроля с использованием риск-ориентированного подхода. В отличие от остальных ведомственных систем, СУР интегрирована в Единую автоматизированную информационную систему таможенных органов (далее – ЕАИС ТО) и при функционировании использует алгоритмы для формирования данных по профилям рисков, в том числе в целях выявления признаков преступлений против государственной безопасности [5, с. 11].

Следует отметить, что комплекс всех информационных ресурсов таможенных органов позволяет формировать целостную и объективную картину угроз экономической и цифровой безопасности [6, с. 22]. В этом контексте СУР занимается выполнением не вспомогательной, а процессуально значимой функции, в частности речь идет о рассмотрении результатов анализа системы, которые легитимизированы как часть проверочных мероприятий, предусмотренных ст. 144 УПК РФ [2, 4].

Рассматривая сферу деятельности СУР детальнее, следует выделить, что система позволяет:

— выявлять ранее неизвестные и подозрительные цепочки поставок, указывающие на попытки незаконного вывоза стратегически важных товаров (ч. 1 ст. 226.1 УК РФ);

— идентифицировать неверно заполненные декларации, маскирующие контрабанду товаров;

— обнаруживать неоднократные попытки декларирования одной и той же партии товаров под разными кодами ТН ВЭД ЕАЭС.

Рассматривая результаты деятельности СУР, стоит отметить, что самостоятельно они не могут являться доказательствами, однако, могут служить основанием для принятия процессуальных решений, а именно для проведения осмотра, личного досмотра, назначения экспертизы, задержания подозреваемого. Также хочется выделить факт того, что доказательственная сила информации, полученной при использовании ИТ-систем, зависит от соблюдения порядка ее фиксации и оформления. Поэтому при каждом зафиксированном срабатывании данной системы необходима обработка и реализация дальнейших мер контроля, включая их документальное фиксирование, а именно составление протокола осмотра, рапорта об обнаружении признаков преступления или постановления о назначении судебной экспертизы.

Помимо ранее упомянутой системы в рамках информационного обеспечения таможенного контроля можно выделить и другие специализированные программные средства. Стоит отметить, что не все они играют ключевую роль при выявлении преступления, однако являются не менее важными вспомогательными средствами, которые могут быть востребованы должностным лицом таможенного органа. Речь идет о следующих системах [4; 7]:

— АИС «АИСТ М»;

— АИС «Правоохрана»;

— КПС «Постконтроль»;

— ИАС «Тарифы 1» и др.

Немаловажно исследовать материалы касательно составов выявляемых таможенными органами преступлений против государственной безопасности:

1 Контрабанда товаров и технологий, подпадающих под экспортный контроль (ст. 189 УК РФ). Включает незаконный вывоз товаров, технологий, вооружения, военной техники, оборудования, сырья, материалов, а также научно-технической информации. Объективная сторона данного состава характеризуется действием, направленным на перемещение через таможенную границу ЕАЭС товаров, подлежащих государственному контролю, с сокрытием этого факта от таможенных органов. Субъективная сторона – прямой умысел.

2 Контрабанда патогенных биологических агентов, сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, иного вооружения, иной военной техники, а также сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации или результатов интеллектуальной деятельности, которые могут быть использованы при создании вооружения или военной техники, а равно стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей либо особо ценных диких животных, водных биологических ресурсов, растений, грибов (ст. 226.1 УК РФ). Объективную сторону в данном случае представляет перемещение товаров, включенных в список стратегически важных товаров и ресурсов, определенных Постановлением Правительства РФ от 13 сентября 2012 г. № 923 «Об утверждении перечня стратегически важных товаров и ресурсов для целей статьи 226.1 УК РФ, а также об определении видов стратегически важных товаров и ресурсов, для которых крупным размером признается стоимость, превышающая 100 тыс. рублей». В данной ситуации роль СУР предполагается в выявлении повторяющихся попыток недостоверного декларирования товаров с искаженными кодами ТН ВЭД ЕАЭС, что свидетельствует о наличии прямого умысла.

3 Государственная измена (ст. 275 УК РФ). В таможенной сфере данный состав определяется попытками сокрытия информации в документах. Наличие факта сокрытия данных в таможенных документах, выявленного алгоритмами СУР, может служить поводом для проведения проверочных мероприятий и впоследствии – возбуждения уголовного дела и производства неотложных следственных действий.

В ходе анализа практики было выявлено, что при квалификации пре-

ступлений против государственной безопасности ключевым аспектом является установление объекта посягательства. В приведенных ранее категориях составов можно предположить, что объектом правонарушений является национальная безопасность, к тому же важность составляет объем общественной опасности деяния.

В рамках использования информационных технологий следует учесть тот факт, что большую роль в выявлении правонарушений, связанных с противодействием государственной безопасности, играет обеспечение также и информационной безопасности [8]. Ведь в условиях работы с СУР профили рисков засекречены и известны только избранным должностным лицам, которые на то уполномочены. В данном случае это снижает вероятность возникновения ситуации, когда декларант уже заранее в курсе факта срабатывания конкретного риска и может заранее применить меры ухода от ответственности. Кроме того, немаловажен факт качественной обработки и фиксирования мер по минимизации данного риска. Ведь от этого будет зависеть дальнейший ход дела в случае его возбуждения.

Говоря о современных тенденциях цифровизации всех сфер жизнедеятельности общества, трудно представить, как можно автоматизировать реализацию таможенного контроля в сфере выявления правонарушений. Допуская ситуацию с развитием искусственного интеллекта, его применение невозможно в вопросе квалификации правонарушения (в связи с необходимостью оценки умысла, общественной опасности и причинной связи деяния и его последствий). Системы искусственного интеллекта могут выявить факт наличия ошибок либо же подозрительные факторы в профиле участника внешнеэкономической деятельности или в категории товара или транспорта. Однако принять процессуальное решение способен исключительно человек.

Таким образом, следует сформировать общий вывод, что обеспечение государственной безопасности с помощью информационных технологий таможенными органами осуществляется, однако остаются вопросы в части качества такого обеспечения состояния защищенности.

В данном случае речь идет сразу о нескольких факторах. В первую очередь это состояние правовой освещенности данной сферы. В настоящий момент можно сказать, что нынешнее законодательство, непосредственно связанное с реализацией таможенного контроля в области обеспечения

государственной безопасности, довольно скудное. Конкретных нормативно-правовых актов и даже научных трудов в открытом доступе крайне мало, либо же они являются устаревшими и не соответствующими действительности. Следует предположить, что таким образом обеспечивается информационная безопасность государства, однако этим же формируются трудности в образном представлении механизма работы и пошаговой детализации.

Кроме того, важно исследовать технологическое состояние информационной среды таможенных органов. Даже на основе имеющегося маленького объема информации об используемых программных средствах, следует предположить, что различных систем много, и для того, чтобы иметь полное представление о конкретной ситуации с товаром, декларантом или его истории в сфере ВЭД, необходимо использование целого множества различных комплексов программных средств, имеющих разные цели и сферы применения. Это и представляет трудность в реализации своего функционала должностным лицом таможенных органов в сфере обеспечения государственной безопасности.

Библиографический список

1 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ // СПС «Консультант плюс».

2 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ // СПС «Консультант плюс».

3 О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ // СПС «Консультант плюс».

4 Афонин П. Н. Информационное обеспечение в таможенных органах : учебник / П. Н. Афонин. – Санкт-Петербург : ИЦ «Интермедия», 2019. – 240 с.

5 Гриценко Т. В. Досудебное производство по делам о преступлениях, отнесенных к компетенции таможенных органов : учеб. пособие / Т. В. Гриценко. – Ростов-на-Дону : Российская таможенная академия, Ростовский филиал, 2024. – 151 с.

6 Гриценко Т. В. Меры пресечения, избираемые по судебному решению : учеб. пособие / Т. В. Гриценко, Я. А. Шараева. – Ростов-на-Дону : Российская таможенная академия, Ростовский филиал, 2022. – 159 с.

7 Афоина К. Д. Применение информационных систем для предупреждения правонарушений и преступлений в таможенной сфере / К. Д. Афоина // БИТ. – 2018. – № 1 (5). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-informatsionnyh-sistem-dlya-preduprezhdeniya-pravonarusheniy-i-prestupleniy-v-tamozhennoy-sfere> (дата обращения: 10.11.2025).

8 Скиба В. Ю. Современные автоматизированные информационные системы для совершения таможенных операций без участия должностных лиц таможенных органов / В. Ю. Скиба, К. Е. Позднякова // Вестник Российской таможенной академии. – 2022. – № 2 (59). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-avtomatizirovannye-informatsionnye-sistemy-dlya-soversheniya-tamozhennyh-operatsiy-bez-uchastiya-dolzhnostnyh-lits> (дата обращения: 10.11.2025).

С. А. Букрин

Научный руководитель: канд. юр. наук, доц. Е. А. Алексеева

СОСТОЯНИЕ И ДЕТЕРМИНАЦИЯ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена криминологическому анализу преступности несовершеннолетних в России, включая исследование ее количественных и качественных характеристик. Анализируются ключевые детерминанты преступности несовершеннолетних, особое внимание уделяется кризису института семьи и недостаткам воспитательной работы в школах. Также рассматриваются особенности механизма групповой преступности несовершеннолетних и проблема правового нигилизма среди подростков.

Ключевые слова: несовершеннолетние, преступность, детерминанты, социальные факторы, групповая преступность.

Состояние преступности несовершеннолетних является одним из критериев социального благополучия и требует изучения ее криминогенных факторов в семье и школе, системы ценностей молодежи и общества в целом. Количественные и качественные показатели позволяют выявить ключевые тенденции состояния преступности несовершеннолетних в России.

Согласно статистическому отчету МВД РФ в 2024 г, несовершеннолетними или при их соучастии было совершено 26 398 преступлений (т. е. -6 % в динамике), а за период с января по октябрь 2025 г. – 21 229 преступлений, что на 5 169 меньше, чем за аналогичный период 2024 г. Показатель территориального распределения характеризуется тем, что наибольшая доля несовершеннолетних преступников в 2024 г. зарегистрирована в Еврейском АО (8,2 %), Республиках Карелии (6,2 %) и Коми (6,1 %), а в 2025 г. – в Новгородской области (6,7 %), Республиках Бурятия и Тыва (6,6 %), а также в Новосибирской области (6,3 %). Удельный вес преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их участии, от расследованных преступлений составил 2,9 % в 2024 г. и 3,2 % за неполный 2025 г. Немаловажно отметить, что в 2024 г. несовершеннолетними или при

их соучастии было совершено 10 494 преступлений, относящихся к категориям тяжких и особо тяжких, а с января по октябрь 2025 – 9 824 таких преступлений [1].

По данным статистики Судебного департамента РФ за 2024 г., в число наиболее распространенных преступлений среди несовершеннолетних входит квалифицированные составы кражи (4394), незаконные действия с наркотическими средствами, психотропными и сильнодействующими веществами (1274), угон автомобилей или иных транспортных средств при отягчающих обстоятельствах (1048) и квалифицированные составы мошенничества (440). Среди преступлений против личности, совершенных несовершеннолетними, преобладают квалифицированные составы умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (261), насильственные действия сексуального характера (238), умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (217) [2].

Таким образом, прослеживается положительная социальная тенденция – снижение динамики преступности несовершеннолетних, хотя коэффициент снижения не отличается высокими темпами и требует закрепления, а объем преступности несовершеннолетних в 21 229 зарегистрированных преступлений представляется значительным. При этом наблюдается негативная криминогенная тенденция – рост доли тяжких и особо тяжких преступлений несовершеннолетних, так в 2024 г. она составила 0,7 %, а с января по октябрь 2025 г. – 0,8 % [1].

Вышеизложенные показатели преступности несовершеннолетних обуславливаются следующими криминогенными факторами. Во-первых, психологическими особенностями несовершеннолетних, способствующими девиантному поведению подростков. В подростковом возрасте лица находятся в стадии активного физического, психического и нравственного формирования. Они обладают повышенной уязвимостью, внушаемостью и неустойчивостью поведения. Это делает их более восприимчивыми к негативному влиянию малых социальных групп, таких как семья и группы сверстников.

Однако решающее значение в реализации этого позитивного потенциала или, напротив, в скатывании к девиантному поведению имеют социальные институты. Ключевая роль в нравственном становлении подростка принадлежит институтам социализации – семье и школе. Системные недостатки и упущения в воспитательной функции, как со стороны семьи, так и

педагогических работников, являются криминогенным фактором преступности несовершеннолетних [5]. Также вызывает внимание криминогенный потенциал семейного насилия и противоправного поведения родителей. Конфликтная семья, пораженная внутренними противоречиями, утрачивает свою основную функцию – быть психологическим убежищем, источником эмоциональной поддержки и главным агентом социального контроля. Травматический опыт насилия в семье наносит тяжелейший удар по эмоциональной сфере подростка, что зачастую провоцирует ответные проявления жестокости с его стороны и причиняет невосполнимый моральный ущерб обществу [3].

Например, в сентябре 2025 г. в Нижегородской области 13-летний подросток причинил тяжкий вред здоровью пожилой женщины с особой жестокостью – переломал женщине кости рук, ног и ребер, в результате чего женщина попала в реанимацию, обрил потерпевшую налысо, происходящее снимал на видео, за его действиями также наблюдали его сестры и друг. Из пресс-релиза правоохранительных органов следует, что подростки были предоставлены сами себе, мать работала в другом городе, отец участия в воспитании не принимал, ранее несовершеннолетние изымались из семьи органами опеки и попечительства. Виновный ранее направлялся в коррекционное образовательное учреждение, однако впоследствии был переведен матерью в общеобразовательное учреждение [4].

Подростковая преступность проявляется не только в виде жестоких индивидуальных действий, но и в коллективных формах. Отдельного рассмотрения требует феномен групповой подростковой преступности. Несовершеннолетние часто совершают преступления группой лиц по предварительному сговору либо в присутствии группы сверстников с целью завоевания авторитета в референтной группе и реализации истероидных черт характера. Данный поведенческий комплекс формирует так называемый «престижный» тип личности несовершеннолетнего преступника [7].

Например, вечером 7 ноября 2025 г. возле ТРЦ «Молл Матрица» в г. Ижевске собралась группа подростков и начала издеваться над сверстником – от юноши потребовали извиниться и встать на колени, на что он ответил отказом, после чего к нему подошел один из подростков и начал бить кулаком по лицу, к избиению присоединились еще несколько человек. Они нанесли множественные удары руками и ногами по голове и телу потерпевшего, противоправные действия снимались несовершеннолетними на видео [8].

Таким образом, внезапно возникшая личная неприязнь двух лиц быстро переросла в физическое насилие с эффектом «эмоционального заражения», снижением самоконтроля и подражанием противоправным действиям виновного остальных членов малой социальной группы – его друзей.

Немаловажным фактором преступности несовершеннолетних является распространенное среди них представления о безнаказанности, обусловленное возрастом, в том числе не достижением возраста уголовной ответственности, предусмотренным ст. 20 УК РФ [6]. Данное заблуждение зачастую становится катализатором противоправного поведения, совершения первое преступления.

Анализ судебной практики подтверждает, что большинство осужденных подростков совершили преступление впервые. Однако сохраняет остроту проблема устойчивости преступного поведения – значительное число правонарушителей ранее направлялись в спецшколы и спец-проф-техучилища либо освобождались от отбывания наказания, но продолжили преступную деятельность [9].

Анализ преступности несовершеннолетних в России позволяет констатировать, что, несмотря на регистрируемое статистикой снижение уровня подростковой преступности, ее характер приобретает качественно новые, более опасные черты. Повышение доли совершенных несовершеннолетним тяжких и особо тяжких преступлений, жестокость и групповой характер многих деяний свидетельствуют не просто о криминализации, а о серьезной социальной и ценностной деформации в среде несовершеннолетних. Вышеизложенное подтверждает необходимость системного переосмысления мер противодействия. С учетом характера профилактических мер, целенаправленного внедрения и разработки, а также аспектов, указанных в комплексном анализе несовершеннолетних, совершаемых ими преступлений необходимо сосредоточить усилия на предупреждении преступлений, совершаемых данной категорией правонарушителей, что позволит снизить уровень преступности среди несовершеннолетних и обеспечить своевременное выявление потенциальных рисков.

Библиографический список

- 1 О состоянии преступности в Российской Федерации : отчет МВД России // МВД России. – URL: <https://мвд.рф/> (дата обращения: 10.11.2025).
- 2 Отчет об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте и о числе лиц, осужденных за совершение преступлений в отношении несовершеннолетних за 2024 г. // Судебный департамент РФ. – URL: <https://cdep.ru/> (дата обращения: 10.11.2025).
- 3 Кожевникова Е. А. Детерминанты преступности несовершеннолетних / Е. А. Кожевникова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 19. – С. 68–71.
- 4 В Нижегородской области подросток жестоко избил пенсионерку и снял это на видео // ВестиRU. – URL: <https://vesti.ru> (дата обращения: 24.11.2025).
- 5 Алексеева Е. А. Детерминация преступности несовершеннолетних поведением лиц старшего возраста / Е. А. Алексеева, О. А. Чуенко // Актуальные проблемы правового обеспечения национальной безопасности в России. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2019. – С. 11–15.
- 6 Алексеева Е. А. Либерализация и гуманизация уголовного законодательства Российской Федерации / Е. А. Алексеева, А. К. Фомичева // Российский конституционализм: история, настоящее и будущее. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2020. – С. 367–372.
- 7 Алексеева Е. А. Криминологическая характеристика отдельных видов преступности / Е. А. Алексеева. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2021. – 124 с.
- 8 В Ижевске толпа подростков избил школьника и сняла это на видео // Аргументы и факты в Удмурти. – URL: <https://udm.aif.ru> (дата обращения: 24.11.2025).
- 9 О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.02.2000 № 7 // Верховный Суд Российской Федерации. – URL: <https://www.vsrp.ru/files/11185/> (дата обращения: 10.11.2025).

А. М. Ваганов

**АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЙ
В ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ НАУКЕ
СФЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ КАТЕГОРИИ
«БЮРОКРАТИЯ»**

Аннотация. В статье подчеркивается необходимость проведения исследований в рамках системы юридических наук в контексте решения главной задачи, стоящей на сегодняшний день перед российским обществом, – обеспечение технологического суверенитета. Раскрывается важность теоретико-исторической государственно-правовой науки в выявлении «самобытного образа» российской государственности и правовой системы для определения оптимального вектора развития отечественных государственно-правовых институтов, отвечающего требованиям экономического развития на инновационных принципах. Обозначается значимая роль в истории модернизационных преобразований России сферы государственного администрирования. Отмечая востребованность междисциплинарных исследований эволюции сферы государственного управления, делается предположение об эвристическом потенциале для теоретико-исторического юридического исследования общенаучной категории «бюрократия», способной, по мнению автора, связать управленческую сферу с государственно-правовой традицией. На основе предварительного анализа существующих исследований в области социогуманитарной науки формулируется авторское представление относительно общенаучной категории «бюрократия».

Ключевые слова: юридическая наука, теоретико-исторический блок юридического знания, российская государственность и правовая система, государственно-правовые традиции, сфера государственного администрирования, общенаучная категория «бюрократия», инновационное общество.

В современном, динамично меняющемся мире конкурентоспособность общества обуславливается способностью моделировать и реализовывать на практике инновационные методы хозяйствования. Основной ресурсной базой становится институциональная платформа, формирующая благоприятные условия для создания, развития и внедрения в жизнь новаций, способствующая становлению, привлечению высококвалифицированных специалистов и стимулирующая их максимальную самореализацию. Возможность создавать и претворять в реальность новейшие практики и технологии определяет в наши дни технологический суверенитет страны, а скорость данных процессов констатирует степень значимости государства в мире.

Необходимость формирования условий развития инновационного общества диктует потребность в оптимизации и адаптации государственно-правовых институтов с целью создания инновационных моделей ведения хозяйствования, в повышении эффективности коммуникаций науки и государственного управления, науки и бизнеса, в обеспечении благоприятной среды и стимулов для реализации интеллектуального потенциала людей. Вместе с тем, логика исследования любых общественных институтов требует рассматривать их не только в конкретно-исторической плоскости изучаемого периода, но и также проводить историко-генетические причинно-следственные связи. В этой связи приобретает особую актуальность теоретико-историческое государственно-правовое исследование становления и закономерностей развития государственно-правовых моделей определенного общества на ключевых этапах его эволюции.

Это особенно актуально для России – страны, имеющей исторически обусловленный, многовековой государственно-правовой опыт, характеризующийся большой значимостью публично-правовых институтов, при различных вариантах форм государства, в проведении масштабных модернизационных процессов. История данных модернизаций в России знает как периоды стремительных взлетов в экономике, науке, здравоохранении, образовании и иных сферах жизни общества, не имевших аналогов для своего времени, так и периоды длительных стагнаций, приводивших к глубоким кризисам.

В настоящее время наше Отечество сталкивается с острой потребностью в обеспечении суверенитета в сфере высоких технологий. Необходимость скорейшего выполнения данной задачи обусловлена повышением

технологической конкуренции в мире, высокой динамикой разработки и внедрения новаций и, как следствие, резким возрастанием зависимости обороноспособности и благосостояния государств от степени внедрения в их хозяйственную жизнь высоких технологий. Ситуация также осложняется беспрецедентным санкционным давлением на Россию со стороны стран коллективного Запада и их стремлением закрыть доступ к передовым научным достижениям, а также заблокировать рынки сбыта для исторически сложившегося в отечественной экономике сырьевого экспорта. Указанные факты бросают перед российским обществом очередной серьезный вызов на почти тысячелетнем пути его развития, уникальность которого состоит в необходимости и неотложности глубоких преобразований в области организации хозяйственной деятельности по инновационным принципам.

Задача по созданию оптимальной модели развития российских государственно-правовых институтов, отвечающих потребностям инновационного развития, ложится в основном на систему отечественной юридической науки и, прежде всего, на плечи теоретико-исторического блока юридического знания. В процессе исследовательской деятельности, как представляется, следует обратить внимание на позицию таких современных представителей теоретико-исторической юриспруденции, как Д. А. Керимова, О. Ю. Винниченко, И. Л. Честнова, А. В. Полякова, Д. А. Пашенцева, Н. Ф. Медушевской, А. Ю. Мордовцева, а также классиков отечественного государственно-правового знания – К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина [1]. В трудах исследователей отстаивается точка зрения о необходимости ориентации в поиске парадигмы динамичного, но в то же время гармоничного развития российских общественных институтов на правильную балансировку двух направлений: существующих передовых теоретических конструкций, эмпирических практик, которые показали свою эффективность в развитии зарубежных общественных институтов, и «самобытного образа» российской государственности, правовой системы.

Конечно, рассматриваемая исследовательская область чрезвычайно широка и выявление специфики развития всей совокупности государственно-правовых институтов определенного общества станет большим междисциплинарным направлением, в которое будут вовлечены представители разных школ государственно-правовой науки и иных направлений социогуманитарного знания. В этой связи полагаем научно обоснованным

сосредоточить исследовательское внимание, в первую очередь, на важнейшей структурной составляющей системы государственно-правовых институтов – сфере государственного управления (государственной бюрократии). Убеждены, что система государственного администрирования, выполняя ключевые правореализационные, правоприменительные функции, функции администрирования по претворению в жизнь задач преобразовательных процессов, является, по сути, стержневым элементом государственно-правовых институтов, эффективность работы которого во многом и определяла успешность проводимых в истории России модернизаций, в значительной степени повлияет на успешность их проведения также и в будущем.

Полагаем, что «самобытный образ» российской государственности как «качественного состояния государственно организованного общества, определяемого устойчивостью и преемственностью конкретных исторических, национальных, культурологических и др. факторов» [2; 8], и правовой системы как обусловленного спецификой исторического развития общества, комплекса всех правовых явлений, традиционно ему присущих: правоментальных установок, правовой культуры, правосознания, системы права, системы законодательства, правоприменительного механизма и т. д. [3], для отражения своей специфики в сфере государственного администрирования нуждается в подходящей категории. При исследовании данной сферы в рамках юриспруденции в основном принято использовать такие понятия как система органов государственной власти, аппарат государства, механизм государства, механизм осуществления функций государства, государственная служба, имеющие разные подходы в определении объема их трактовки. Принимая во внимание междисциплинарность исследовательского направления, считаем полезным обратиться к потенциалу использования в теоретико-исторических государственно-правовых исследованиях к общенаучной категории «бюрократия», существующая интерпретация которой в социогуманитарной науке способна, на наш взгляд, учитывать специфику традиционных черт государственности и правовой системы общества, в котором она функционирует.

Выявляя теоретические представления о феномене государственной бюрократии, сформированные в системе социогуманитарных наук, следует отметить, что практика исследовательской деятельности сферы государственного администрирования включает в себя богатый научный опыт -

представителей разных областей познания социальной действительности. На данный момент в рассматриваемой сфере выработано многообразие теоретико-методологических подходов и точек зрения по отдельным проблемным вопросам. Осуществляя их обобщение, можно прийти к выводу о наличии двух базовых исследовательских направлений в данной сфере: исследования с позиций социально-классовой обусловленности системы государственного администрирования и исследования через призму общесоциальной сущности сферы государственного управления [4].

Родоначальником первого теоретико-методологического направления в изучении государственной организации администрирования принято считать выдающегося немецкого ученого К. Маркса. Институт государства в целом, как и система государственного администрирования в частности, согласно данной теории представляется в качестве инструмента реализации своих целей господствующим классом, владеющим значительной собственностью, и полностью произведен от действующих в данном обществе экономических отношений [5].

Наибольший вклад в развитие второго теоретико-методологического направления был сделан другим выдающимся представителем социогуманитарной науки – М. Вебером. Исследователь де-факто ввел в научный оборот уже существовавший к началу XX века термин «бюрократия», имевший к тому времени преимущественно публицистическую форму с негативной окраской, и представил под ним необходимый для организации жизнедеятельности всего общества институт, обусловленный не только экономическими отношениями, но и государственно-правовыми традициями, действующими в данном социуме. Ученым была разработана теория развития государственной бюрократической системы, модель эволюции ее регуляторов, включая правовых, и определены характерные для идеального типа легально-рациональной бюрократии черты, обозначающие его как аппарат управления, в котором заняты профессиональные квалифицированные служащие, действующие в рамках юридически установленной компетенции [6].

Современные теоретико-методологические представления о системе государственного управления в большинстве своем опираются на положения второго научного направления. Вклад в развитие рассматриваемой научной парадигмы был внесен также такими исследователями, как Й. А. Шумпетер, Г. А. Саймон, Л. Мизес, Р. Бендикс, Н. А. Витке,

А. В. Оболонский, А. Ф. Зверев и др. [7]. Помимо углубления представлений о системе и структуре бюрократической организации в социальном пространстве, учеными обращалось внимание, в том числе, и на неизбежность отклонений от идеально-типической модели рациональной бюрократии, введенной в научный оборот М. Вебером, а также формировались рекомендации по нивелированию негативных проявлений управленческой системы [8].

Следует также обратить внимание на ряд важных положений, развивающих и дополняющих рассматриваемые теоретические представления об общесоциальной сущности бюрократической организации. Так, например, еще в XIX веке на необходимость разграничения политической должности, требующей выработки стратегических решений, ответственности за них, и бюрократической должности, предназначенной для практической реализации принятых стратегических решений, обращал внимание американский ученый и президент В. Вильсон, а в последствии данную проблематику развивали Р. Д. Стиллман, А. В. Макарин и другие ученые. [9]. На бюрократию как принцип организации управления в негосударственных организациях обращали внимание М. Я. Острогорский, Р. Михельс, С. Липсет, П. Бурдые [10]. Социально-экономический контекст бюрократической организации рассматривается в трудах таких исследователей, как У. А. Нисканен и М. Л. Альпидовская [11]. Взаимосвязь процессов бюрократизации и модернизации исследовал Р. Торстендаль [12]. В свою очередь В. Пинтнер, Д. Роуни и Р. Теобальд отмечали уникальный характер процессов бюрократизации в каждом обществе [13].

Таким образом, убеждены, что исследования российских государственно-правовых институтов в настоящее время должны проводиться в привязке к обеспечению решения неотложной задачи по укреплению технологического суверенитета страны. Представляют большую значимость научные работы по выявлению вектора развития государственно-правовых институтов, отвечающего потребностям инновационного экономического развития, в рамках теоретико-исторического государственно-правового знания, проведенные с опорой на изучение «самобытного образа» отечественной государственности и правовой системы. В этой связи необходимость поиска наиболее эффективных государственно-правовых моделей для решения поставленных современными вызовами задач требует от оте-

чественной юридической науки проведения совместных с иными социогуманитарными дисциплинами комплексных исследований закономерностей эволюции государственно-правовых институтов в контексте основных этапов преобразовательных процессов на значимых вехах развития российской государственности и правовой системы. Полагаем, что ключевым элементом в организации публичных институтов России, выполнявшем всегда колоссальный объем задач по претворению в жизнь модернизационных процессов, являлась сфера государственного администрирования, на которую прежде всего должен быть устремлен исследовательский взор. Обусловленность сферы государственного управления государственно-правовыми традициями диктует необходимость поиска категории, посредством которой «самобытный образ» российской государственности и правовой системы смог бы найти максимальное отображение в научной работе. Считаем возможным изучить эвристический потенциал для теоретико-исторической государственной-правовой науки междисциплинарной категории «бюрократия». Проведя первичный анализ существующих на сегодняшний день взглядов, приходим к выводу, что большинство исследователей в системе социогуманитарного знания отстаивают положения теории, основанной на признании общесоциальной сущности системы администрирования. Исходя из данных теоретических взглядов, бюрократическую систему можно определить как социально значимый институт, не лишенный при этом недостатков, обусловленный уникальной для каждого общества комбинацией характерных черт социально-экономического развития и существующих традиций, который призван осуществлять функции администрирования по претворению в жизнь стратегических решений, действующий как в государственных, так и в негосударственных организациях и состоящий из профессиональных служащих (работников), наделенных соответствующей компетенцией правовыми (корпоративными) нормами.

Библиографический список

1 См. Керимов Д. А. О методологии государствоведения / Д. А. Керимов // Право и образование. – 2006. – № 4. – С. 63–68 ; Винниченко О. Ю. Методология юриспруденции: кризис или новые возможности? / О. Ю. Винниченко // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2015. – Т. 1. –

№ 2 (2). – С. 90–96 ; Поляков А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода : учебник / А. В. Поляков. – Москва : «Проспект», 2016. – 832 с. ; Постклассическая онтология права : монография / под ред. И. Л. Честнова. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2016. – 688 с. ; Пашенцев Д. А. Концептуальные основания историко-правовой науки: от классических традиций к современным новациям / Д. А. Пашенцев // Журнал российского права. – 2024. – Т. 28. – № 9. – С. 5–14 ; Медушевская Н. Ф. Интеллектуально-духовные основания российского права : спец. 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : дис. ... д-ра юрид. наук / Н. Ф. Медушевская. – Москва, 2010. – 408 с. ; Мордовцев А. Ю. Российская государственность в ментально-правовом измерении : спец. 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : дис. ... д-ра юрид. наук / А. Ю. Мордовцев. – Ростов-на-Дону, 2010. – 330 с. ; Кавелин К. Д. Собрание сочинений. Т. 2. / К. Д. Кавелин. – Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1898. – 1258 с. ; Чичерин Б. Н. Вопросы политики / Б. Н. Бессонов, З. М. Зотова, Е. Л. Петренко // Антология мировой политической мысли. Т. 4. – Москва : Мысль, 1997. – С. 129–157.

2 Шабуров А. С. Государственность как общественно-политическое явление и научно-теоретическая категория государствоведения / А. С. Шабуров // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. науч. тр. – Курган : Изд-во КГУ, 2006. – С. 8.

3 См.: Матузов Н. И. Правовая система развитого социализма / Н. И. Матузов // Советское государство и право. – 1983. – № 1. – С. 18–26.; Матузов Н. И. Теория государства и права : учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – Москва : Юристъ, 2009. – С. 174 ; Перевалов В. Д. Теория государства и права : учебник / отв. ред. В. Д. Перевалов. – Москва : Норма, 2009. – С. 290–303 ; Карбонье Ж. Юридическая социология / Ж. Карбонье ; пер. и вступ. статья В. А. Туманова. – Москва : Прогресс, 1986. – С. 176–177.

4 См.: Зверев А. Ф. Теория бюрократии как составляющая организационно-управленческой социологии: марксистская и веберовская традиции / А. Ф. Зверев. – Тамбов : Изд-во Першина Р. В., 2014. – 130 с.

5 См.: Маркс К. Сочинения. Т. I – XXXIX / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Москва : Государственное издательство политической литературы, 1954. – 25160 с. ; Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. I – LV / В. И. Ленин. –

Москва : Издательство политической литературы, 1958. – 36520 с. ; Макаренко В. П. Бюрократия и буржуазное государство : становление историко-материалистических принципов исследования в работах К. Маркса и Ф. Энгельса, 1842–1847 гг. : спец. 09.00.03 «История философии» : дис. ... д-ра филос. наук / В. П. Макаренко. – Ростов-на-Дону, 1987. – 311 с.

6 См.: Вебер М. Хозяйство и общество : очерки понимающей социологии : в 4 т. / М. Вебер // Господство. Т. 4. – Москва : Высшая школа экономики, 2019. – 541 с. ; Вебер М. Политические работы / М. Вебер ; пер. с нем. Б. М. Скуратова ; послесл. Т. А. Дмитриева. – Москва : Праксис, 2003. – 421 с. ; Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер, пер. с нем. ; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденко ; коммент. А. Ф. Филиппова. – Москва : Прогресс, 1990. – 808 с. ; Беляева О. М. М. Вебер о типах легитимности государственной власти, бюрократии и патримониальном государстве / О. М. Беляева // История государства и права. – 2017. – № 16 – С. 52–58 ; Whimster S., Lash S. Max Weber, Rationality and Modernity. – London and New York : Routledge, 1987. – 416 p. ; Масловский М. В. Теория бюрократии Макса Вебера и современная политическая социология : монография / М. В. Масловский. – Нижний Новгород : Изд-во ННГУ, 1997. – 87 с. ; Масловский М. В. Веберовская концепция патримониализма и ее современные интерпретации / М. В. Масловский // Социологический журнал. – 1995. – № 2 – С. 95–109 ; Гайденко П. П. Проблема бюрократии у Макса Вебера / П. П. Гайденко, Ю. Н. Давыдов // Вопросы философии. – 1991. – № 3. – С. 174–182.

7 См.: Шумпетер Й. А. Капитализм, Социализм и Демократия / Й. А. Шумпетер ; пер. с англ. ; предисл. и общ. ред. В. С. Автономова. – Москва : Экономика, 1995. – 540 с. ; Simon H. A. Administrative behavior: a study of decision-making processes in administrative organization. – New York, Free Press. 1976. – 364 p. ; Мизес Л. Бюрократия / Л. Мизес. – Челябинск : Социум, 2006. – 200 с. ; Мизес Л. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность / Л. Мизес. – Москва : Дело, 1993. – 238 с. ; Pommerehne W. W., Frey B. S. Bureaucratic behavior in democracy: A case study // Diskussionsbeiträge des Fachbereichs Wirtschaftswissenschaften der Universität Konstanz. – 1977. – № 104 – P. 1–21 ; Зверев А. Ф. Бюрократия в зеркале социологии. (К 40-летию публикации первой социологической хрестоматии по бюрократии) / А. Ф. Зверев // Государство и право. – 1992. – № 8. – С. 115–122 ; Зверев А. Ф. Теория бюрократии: от М. Вебера

к Л. Фон Мизесу / А. Ф. Зверев // Советское государство и право. – 1992. – № 1. – С. 88–94 ; Зверев А. Ф. Бюрократия как социальный феномен: социологический анализ / А. Ф. Зверев. – Липецк : Липецкий гос. Технический ун-т, 2006. – 212 с. ; Чистякова К. А. Вклад Н. А. Витке в развитие управленческой мысли / К. А. Чистякова. – Москва : Компания Спутник+, 2006. – 97 с. ; Государственная служба: комплексный подход : учебник / отв. ред. А. В. Оболонский. – Москва : Издательство «Дело» АНХ, 2009. – 512 с.

8 См.: Selznick Ph. Foundations of the Theory of Organizations. // American Sociological Review. – 1948. – № 13. – P. 25–35 ; Мангейм К. Идеология и утопия / К. Мангейм ; пер. М. И. Левиной. – Москва : [б. и.], 1992. – 245 с. ; Паркинсон С. Н. Законы Паркинсона / С. Н. Паркинсон. – Москва : Эксмо, 2007. – 480 с. ; Мартьянова Н. А. Влияние бюрократической структуры на формирование личности в социологической концепции Роберта К. Мертона / Н. А. Мартьянова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Аспирантские тетради : научный журнал. – Санкт-Петербург, 2007. – № 9 (29) ; Пригожин А. И. Современная социология организаций : учебное пособие / А. И. Пригожин. – Москва : Интерпракс, 2000. – 375 с. ; Пушкарева Г. В. Государственная бюрократия как объект исследования / Г. В. Пушкарева // Общественные науки и современность. – 1997. – № 5 – С. 77–86 ; Оболонский А. В. Бюрократическая деформация сознания и борьба с бюрократизмом / А. В. Оболонский // Советское государство и право. – 1987. – № 1. – С. 52–53 ; Оболонский А. В. Бюрократия и бюрократизм (к теории вопроса) / А. В. Оболонский // Государство и право. – 1993. – № 12. – С. 88–98 ; Оболонский А. В. Бюрократия для XXI века?: модели государственной службы – Россия, США, Англия, Австралия / А. В. Оболонский. – Москва : Дело, 2002. – 165 с.

9 См.: Wilson V. The Study of Administration. // Political Science Quarterly. – Vol. 2. – No. 2 (Jun., 1887). – P. 197–222 ; Stillman R. J. Wilson and the Study of Administration. // American Political Science Review. – 1973. – № 67 – P. 582–588 ; Макарин А. В. Бюрократия в системе политической власти / Макарин А. В. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 2000. – 151 с.

10 См.: Острогорский М. Я. Демократия и политические партии / М. Я. Острогорский. – Москва : РОССПЭН, 1997. – 640 с. ; Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии / Р. Михельс // Диалог. – 1990. – № 3, 5, 7, 9, 13, 15, 18 ; – 1991. – № 3 ; Липсет С. М. Размышления о капитализме, социализме и демократии / С. М. Липсет // Пределы власти. – 1994. – № 1. – С. 10–26 ; Бурдьё П. Социология политики / П. Бурдьё ; пер. с фр. ; сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. – Москва : Socio-Logos, 1993. – 336 с.

11 См.: Niskanen W. A. Bureaucracy and Representative Government. – Piscataway, New Jersey, Transaction Publishers. 2007. – 251 p.; Niskanen W. A. Bureaucrats and Politicians // Journal of Law and Economics. – 1975. – Vol. 18. – № 3. – P. 617–643.; Альпидовская М. Л. Теория бюрократии: экономический аспект / М. Л. Альпидовская. – Москва : [б. и.], 2008. – 170 с.

12 См.: Torstendahl R. Modernization and loss of governability. European trends in state development in the 20th century // Уральский исторический вестник. – № 5–6 ; Модернизация: факторы, модели развития, последствия изменений / под ред. академика РАН В. В. Алексеева. – Екатеринбург, 2000. – С. 50–64.

13 См.: Pintner W., Rowney D. Officialdom and bureaucratization: An introduction. // Russian officialdom. – L., – 1980. – P. 3–19 ; Reader in bureaucracy / Ed. by R. Merton and others. – Illinois: Free Press, 1952 (second edition 1962). – P. 26–33 ; Зверев А. Ф. Бюрократия в зеркале социологии (К 40-летию публикации первой социологической хрестоматии по бюрократии) / А. Ф. Зверев // Государство и право. – 1992. – № 8. – С. 115–122 ; Theobald R. Research note: Patrimonialism // World politics. – 1982. – Vol. 34. – P. 548–559.

Л. Р. Вершинина

Научный руководитель: д-р юрид. наук, доц. Р. С. Абдулин

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННУЮ БАНКОВСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Аннотация. В статье рассматривается зарубежный опыт регламентации уголовной ответственности за незаконную банковскую деятельность в странах с разными правовыми системами и социальными условиями. Выявляются основные характеристики уголовной ответственности за данные преступления, проводится сравнение со ст. 172 УК РФ и рассматривается возможность рецепции с учетом национальной специфики.

Ключевые слова: незаконная банковская деятельность, уголовная ответственность, зарубежное законодательство, сравнительный анализ.

Незаконная банковская деятельность является уголовно-наказуемым общественно опасным деянием, посягающим на экономику государства, интересы граждан и юридических лиц, способствует отмыванию преступных доходов и росту преступности в обществе, в связи с чем особую значимость приобретает вопрос уголовно-правовой регламентации уголовной ответственности за незаконную банковскую деятельность в России, а изучение зарубежного опыта правового регулирования способствует повышению его эффективности посредством возможной рецепции.

Спецификой регламентации уголовной ответственности за незаконную банковскую деятельность в США является отсутствие единой нормы уголовного закона по данному вопросу, а регламентация ответственности происходит по средствам совокупности нормативно-правовых актов, включающих Закон о банковской тайне (BSA) (Bank Secrecy Act 1970), направленный против отмывания денег, Закон о RICO (Racketeer Influenced and Corrupt Organizations Act) для борьбы с организованной преступностью и кодифицированный в разделе 18 § 1960 United States Code (U.S.C.), а также нормы уголовного законодательства отдельных штатов.

Объектом преступного посягательства при незаконной банковской деятельности в США является финансовая система. Производится ее уголовно-правовая защита от преступных доходов, а также защита потребителей, обеспечение прозрачности, конкуренция на рынке, фискальные интересы государства и штатов (сбор налогов). При этом формулировка раздела 18 § 1960 U.S.C. широкая и функциональная, поскольку криминализируется сам факт ведения бизнеса по переводу денег без регистрации в FinCEN и властей штата. Объективная сторона состава формулируется как «бизнес по переводу денег» (Money Transmitting), т. е. более широкое понятие, чем банковская деятельность. Помимо банковской деятельности под него попадают криптобиржи, сервисы денежных переводов (включая неформальные системы, типа hawala), многие финтех-компании. При этом не требуется доказательств крупного ущерба или систематичности, акцент ставится на нарушении процедур регистрации и отчетности, а также на связях с другими преступлениями (легализация денег, добытых преступным путем, мошенничество и т. д.). Субъектом являются не только физические лица, достигшие возраста уголовной ответственности (в том числе специальный субъект – должностное лицо), но и юридические лица, которые осуществляют деятельность по переводу денег без соответствующей лицензии. Субъективная сторона раздела 18 § 1960 U.S.C. характеризуется прямым умыслом – обвиняемый преднамеренно нарушал закон, знал о требованиях регистрации и игнорировал их [2]. Санкция за незаконную банковскую деятельность в США отличается в зависимости от субъекта преступления, в отношении юридических лиц предусмотрено наказание – штраф (до нескольких миллионов по усмотрению суда) и конфискация суммы незаконного перевода. В отношении физических лиц максимальный срок наиболее строгого вида наказания составляет до 20 лет лишения свободы.

Сравнение уголовного законодательства США в сфере незаконной банковской деятельности со ст. 172 УК РФ позволяет прийти к выводу, что в США законы трактуются экспансивно, охватывая любые способы передачи ценности, включая криптовалюты, а в России применение закона более консервативно, часто требует прямого сходства с классическими банковскими операциями. При этом наказания в США чрезвычайно суровы как для физических лиц (длительные сроки), так и для компаний (разорительные штрафы, конфискация), а риск уголовного преследования очень высок.

В то время как в России отсутствует уголовная ответственность для юридических лиц, необходимость доказывания причинения крупного ущерба в результате незаконной банковской деятельности, при этом менее активная практика применения ст. 172 УК РФ снижает системные риски для крупных нелегальных схем [2].

В Великобритании аналог института уголовной ответственности за незаконную банковскую деятельность закреплен также как в США (что характерно для стран англо-саксонской правовой системы) в совокупности нормативно-правовых актов: Законе о финансовых услугах и рынках 2000 г. (Financial Services and Markets Act 2000 – FSMA), ст. 19 которого устанавливает запрет на осуществление регулируемой деятельности без авторизации и ст. 23, предусматривающая уголовное преступление за нарушение ст. 19. Объектом преступления являются общественные отношения, направленные на защиту стабильности финансовой системы, защиту потребителей (инвесторов, вкладчиков) и поддержание доверия к финансовому сектору. Объективная сторона ст. 19 FSMA устанавливает, что лицо не может осуществлять регулируемую деятельность (regulated activity) в Великобритании, если оно не является уполномоченным лицом (authorised) или исключенным лицом (exempt). Понятие регулируемой деятельности дается в Приказе о регулируемой деятельности 2001 г. (RAO). Это широкий перечень, включающий прием депозитов (собственно банковская деятельность), осуществление страхования, инвестиционной деятельности, управление активами, деятельность по переводу денег (money remittance) – ключевая зона риска, как и в США. Субъектом преступления является как физическое, так и юридическое лицо. Ответственность специальных субъектов – руководителей (directors) наступает, если преступление совершено с их согласия или по небрежности [1].

Непосредственно незаконная банковская деятельность в значении ст. 19 FSMA наказывается до 6 месяцев лишения свободы и/или штрафом, в то время как по совокупности преступлений с отмыванием незаконных денежных средств до 2 лет лишения свободы и/или штраф в сумме по усмотрению суда. Как и в США, незаконная деятельность почти автоматически ведет к обвинениям в отмывании денег, что резко ужесточает санкции.

Как и в США, состав является формальным, для привлечения к уголовной ответственности достаточно факта осуществления незаконной банковской деятельности вне зависимости от ее последствий – достаточно доказать факт осуществления «регулируемой деятельности» без «авторизации» от FCA. Однако, в отличие от США, максимальный срок лишения свободы в 10 раз ниже, в то время как сохраняется суровость и неограниченность сумм штрафов, а также закрепление института конфискации.

В законодательстве Франции уголовная ответственность за незаконную банковскую деятельность закреплена в нормах специализированного кодекса, что характерно для страны, относящейся к романо-германской правовой системе.

Денежно-финансовый кодекс Франции (Code monétaire et financier – CMF) содержит ключевые статьи, регламентирующие ответственность в рассматриваемой сфере: ст. L. 511-10 (незаконное осуществление банковской деятельности (activité bancaire)), ст. L. 522-15 (незаконное осуществление деятельности по оказанию платежных услуг (PSP)), ст. L. 571-3 (наказания за данные правонарушения). Объектом правовой защиты выступает финансовая стабильность, монополия государства на регулирование кредитно-финансовой системы, защита вкладчиков и клиентов от мошенничества и злоупотреблений. При этом ставится акцент на соблюдении пруденциальных норм – требований к капиталу, ликвидности, организационной структуре и т. д. С объективной стороны состав характеризуется как формальный – состав преступления образует любое регулярное осуществление банковских операций (привлечение средств от публики, кредитные операции, услуги по платежам) лицом, не имеющим статуса кредитного учреждения или платежного института, утвержденного регулирующими органами. Не требуется доказательства причинения реального ущерба или извлечения дохода. Сам факт незаконной деятельности криминализован. Субъектом преступления, как и в странах англо-саксонской правовой системы, рассмотренных выше, может быть не только физическое (санкция предусматривает до 5 лет лишения свободы и штраф до 375 000 евро), но и юридическое лицо (штраф может достигать 1 875 000 евро или пятикратного размера полученного дохода, также возможны дополнительные наказания: запрет на деятельность, принудительная ликвидация, конфискация активов). Субъективная стороны преступления характеризуется умышленной формой вины.

Франция занимает среднюю позицию между англо-саксонскими странами и Россией в вопросе регламентации уголовной ответственности за незаконную банковскую деятельность. Ее позиция более формальна, чем США и Великобритания, так как требует точного соответствия деятельности формальному определению в Кодексе, но менее формальна, чем Россия, так как не требует доказательств систематичности с целью извлечения дохода или наступления крупного ущерба. Достаточно факта регулярного осуществления операций.

Продолжая анализ уголовной ответственности в странах с романо-германской правовой системой, необходимо рассмотреть законодательный опыт Германии. Самостоятельный состав аналогичный ст. 172 УК РФ в уголовном законодательстве ФРГ отсутствует, однако закрепляются два состава преступления, схожие с незаконной банковской деятельностью в России по содержанию объективной стороны. Закон о кредитном деле (Kreditwesengesetz – KWG) закрепляет в § 54 KWG: ответственность за нарушение запрета на деятельность – осуществление банковской деятельности или оказание финансовых услуг без необходимого разрешения (Erlaubnis) от федерального органа надзора, а Закон о надзоре за платежными услугами (Zahlungsdiensteaufsichtsgesetz – ZAG) – ответственность за незаконную деятельность в сфере платежей. Объектом правовой защиты являются стабильность финансовой системы, кредиторов от потерь, обеспечение добросовестности делового оборота.

Состав преступления, предусмотренного § 54 KWG, является формальным, т. е. наказуемо само осуществление деятельности, попадающей под определение банковской бизнес-операции (Bankgeschäft) или финансовой услуги (Finanzdienstleistung) по § 1 KWG, без наличия письменного разрешения (Erlaubnis) от BaFin. Не требуется доказательства причинения ущерба, извлечения прибыли или систематичности. Банковской деятельностью, согласно § 1 KWG считается привлечение денежных средств от третьих лиц в качестве депозитов (депозитный бизнес); предоставление денежных займов (кредитный бизнес); осуществление безналичных платежей и расчетов, эмиссия платежных средств (платежный бизнес); доверительное управление, брокерские услуги, дилерская деятельность. Вышеперечисленные действия образуют объективную сторону преступления. Субъектами преступлений также являются как физические, так и юридические лица, од-

нако в отношении физических лиц требуется занятие определенной должности – фактические руководители, управляющие и т. д. Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом [5].

Санкции за указанное противоправное деяние предусматривают лишение свободы на срок до трех лет или штраф для физических лиц. В особо тяжелых случаях (например, при крупных масштабах деятельности или создании угрозы для многих вкладчиков) возможно квалифицированное преследование по другим статьям с более высокими санкциями. Распространено привлечение виновных к ответственности по совокупности преступлений с отмыванием денег (Geldwäsche) по § 261 Уголовного кодекса Германии (StGB). Юридические лица могут быть подвергнуты административному штрафу (Geldbuße) по § 56 KWG, который может достигать 1 млн евро или 10 % от годового оборота компании. Возможна также конфискация полученных доходов, которая применяется в соответствии с общими нормами Уголовного кодекса (§ 73 StGB).

Таким образом, Германия, как и Франция, представляет собой классическую континентальную модель с формальным составом. Однако немецкий подход даже более ярко выражен в своей превентивной сути: закон охраняет саму систему лицензирования как гарант стабильности. Это строже, чем в России (где нужен ущерб), и схоже с британским принципом «разрешительного доступа». Высокоструктурированный и детализированный KWG напоминает французский CMF, но является более ранним и влиятельным образцом для всего европейского банковского права. Четкое разделение между банковскими операциями (KWG) и платежными услугами (ZAG) – признак высокой степени правовой дифференциации.

Уголовная ответственность за незаконную банковскую деятельность в Китае устанавливается ст. 176 Уголовного кодекса КНР «Незаконное привлечение вкладов от населения». Объектом уголовно-правовой защиты являются финансовая безопасность экономики как часть государственной безопасности, а также интересы вкладчиков. Объективная сторона преступления, предусматривает привлечение вкладов от неопределенного круга лиц (общества) без разрешения государственных финансовых регуляторов (в первую очередь, Народного банка Китая и CBIRC). Ключевой критерий – факт привлечения вкладов, не конкретный ущерб, а также нарушение порядка лицензирования банковской деятельности, т. е. состав формальный. Под действие ст. 176 УК КНР попадает не только классическая

банковская деятельность, но и выпуск негосударственных финансовых продуктов или «акций»; сбор средств под видом инвестиционных проектов, без реальной хозяйственной деятельности; деятельность микрофинансовых компаний или платформ P2P-кредитования, вышедшая за разрешенные законом рамки. Субъектом преступления является физическое лицо, а субъективная сторона характеризуется умышленной формой вины. Санкция ст. 176 УК КНР предусматривает максимальный срок наиболее строгого вида наказания – до 10 лет лишения свободы со штрафом от 50 000 до 500 000 юаней. Юридические лица также могут быть подвергнуты крупным штрафам по решению суда. Однако на практике чаще конфискуются активы и прекращается деятельность [4].

Необходимо отметить, что китайская модель наиболее идеологизирована. Уголовное право здесь служит прямым продолжением государственной финансовой политики и инструментом защиты политической стабильности. Это фундаментальное отличие от западных моделей, где целью является защита рынка или потребителей. Центральный критерий – «публичность»: в отличие от западных систем, где ключевое значение имеет отсутствие лицензии (США, Великобритания, ЕС), в Китае главный акцент – на характере привлечения средств («от общества»). Это делает закон чрезвычайно подвижным и зависимым от судебного и политического толкования.

Анализ опыта правового регулирования рассматриваемого института в Республике Беларусь позволяет рассмотреть классический пример постсоветской правовой конструкции уголовной ответственности за незаконную банковскую деятельность [3]. Как и в России, Уголовный кодекс Республики Беларусь предусматривает отдельный самостоятельный состав – ст. 219 УК РБ «Незаконная банковская деятельность» («Незаконная банкаўская дзейнасць»). Норма носит бланкетный характер и отсылает правоприменителя к Банковскому кодексу РБ для характеристики содержания незаконной банковской деятельности, которая включает классические операции: привлечение денежных средств во вклады, размещение привлеченных средств от своего имени и за свой счет, открытие и ведение счетов.

Объектом преступления являются общественные отношения, направленные на установленный государством порядок осуществления банковской деятельности, стабильность финансовой системы и защита интересов вкладчиков и клиентов. Как и в России, ключевой акцент – на защите государственной монополии на регулирование банковского сектора.

Как и в ст. 172 УК РФ, ст. 219 УК РБ предусматривает объективную сторону, состоящую не только в факте противоправных действий, но и общественно опасных последствий. Преступлением признается осуществление банковской деятельности без специального разрешения (лицензии) Национального банка РБ, если это деяние: 1) повлекло причинение ущерба в крупном размере (на момент анализа это свыше 2500 базовых величин), либо 2) сопряжено с извлечением дохода в крупном размере (также свыше 2500 базовых величин).

Таким образом, ключевое отличие от многих западных моделей — необходимость доказать реальный крупный ущерб или крупный доход. Сам факт деятельности без лицензии, без последствий в этом размере, может повлечь административную, но не уголовную ответственность (по ст. 14.12 КоАП РБ).

Субъектом преступления являются исключительно вменяемые физические лица, достигшие возраста уголовной ответственности, и, как и в России, не предусматривается уголовная ответственность юридических лиц. Субъективная сторона состава характеризуется умышленной формой вины.

Санкция ст. 219 УК РБ предусматривает штраф, ограничение свободы на срок до 5 лет или лишение свободы на срок от 2 до 7 лет, а также лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве дополнительного вида наказания.

Квалифицированный состав (ч. 2 ст. 219 УК РБ) предусматривает совершение незаконной банковской деятельности организованной группой, либо с причинением ущерба в особо крупном размере/извлечением дохода в особо крупном размере (свыше 25000 базовых величин). Санкция устанавливает наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 12 лет с конфискацией имущества или без таковой, а также штраф в качестве дополнительного факультативного наказания.

Следовательно, правовая конструкция ст. 219 УК РБ практически идентична российской ст. 172 УК РФ. Одинаковый материальный состав, требующий доказательства крупного ущерба/дохода. Суровость санкций также сопоставима. В Беларуси, как и в России, уголовная ответственность наступает за последствия нарушения, а не за сам факт нарушения регуляторных процедур (как в США, Великобритании, ЕС). Это делает ее менее превентивной, но более жесткой в случае наступления последствий.

Анализ зарубежного опыта позволяет задуматься о перспективах правового регулирования уголовной ответственности за незаконную банковскую деятельность в России, с учетом того, что все рассмотренные зарубежные страны (за исключением Беларуси) закрепляют формальный состав аналогичных преступлений и стремятся к привлечению к ответственности не только физических лиц, но и юридических.

Библиографический список

1 Гришин Д. А. Вопросы совершенствования уголовной ответственности за незаконную банковскую деятельность на примере зарубежных стран / Д. А. Гришин, Н. В. Волкова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – № 10. – С. 54–58.

2 Козочкин И. Д. Уголовное право зарубежных стран : учебник для вузов / И. Д. Козочкин. – Москва : Юрайт, 2025. – 918 с.

3 Мильчехина Е. В. Незаконная банковская деятельность по уголовному законодательству стран СНГ / Е. В. Мильчехина // Проблемы экономики и юридической практики. – 2020. – № 2. – С. 87–91.

4 Новиков К. А. Сравнительный анализ уголовного законодательства Российской Федерации и других государств об ответственности за незаконную банковскую деятельность / К. А. Новиков // Закон и право. – 2024. – № 12. – С. 253–258.

5 Серебренникова А. В. Уголовное право Германии : учебник для вузов / А. В. Серебренникова. – Москва : Юрайт, 2025. – 124 с.

А. А. Гаврилов

Научный руководитель: канд. юр. наук Е. М. Смирнова

РОЛЬ ЗЕМСКИХ СОБОРОВ В ЗАЩИТЕ ОТЕЧЕСТВА В ПЕРИОД СМУТНОГО ВРЕМЕНИ XVII В.

Аннотация. В статье рассматривается роль земских соборов как высших органов государственной власти в защите суверенитета и территориальной целостности России в условиях Великой Смуты начала XVII в. Проводится анализ генезиса института земских соборов от времени, предшествующего Смуте, к периоду существования земских соборов как органов, легитимизирующих вступление на престол верховных правителей и их отрешение от власти, созданию и деятельности земских соборов при первом и втором ополчениях, и далее – избирательного собора 1613 г., выполнявших функции высшего органа государственной власти в отсутствие законного правителя вплоть до восшествия на престол Михаила Федоровича – первого представителя династии Романовых.

Ключевые слова: Земский собор, система государственного управления, Смутное время, ополчение.

Появление в системе государственного управления Московского царства такого элемента, как Земские соборы, относится ко времени царствования Ивана IV Грозного (1533–1584 гг.). При этом следует отметить, что сам термин Земский собор в достаточной мере условен и практика его широкого использования относится скорее к трудам историографов. В исторических документах XVI в. термин Земский собор практически не встречается, а в XVII в. такие случаи единичны [14, с. 63].

Первое собрание общероссийского совещательного органа, состоявшего из представителей Боярской думы, высшего духовенства, детей боярских и дворянства, было созвано по инициативе царя 27.02.1549 г. На нем обсуждались вопросы достижения межсословного консенсуса после большого московского бунта 1547 г., в силу чего оно получило наименование «Собора примирения». Именно Собор примирения историографы рассматривают как первый случай созыва совещательного органа, по своему типу отвечающего

признакам Земского собора [6, с. 17, 23; 12, с. 68; 4, с. 325–326].

На протяжении правления Ивана IV институт земских соборов становится постоянным элементом системы государственного управления высшего уровня. В период от 1549 по 1584 г. историки насчитывают 6 Земских соборов: 1551 г. – Стоглавый собор, посвященный церковным и государственным реформам, 1565 г. – об условиях возвращения Ивана IV на царство и введение опричнины, 1566 г. – о продолжении войны с Польско-Литовским государством, 1580 г. в январе – о церковном и монастырском землевладении, ноябрь 1580 – январь 1581 г. – о продолжении войны или мире с Польско-Литовским государством. Таким образом мы видим четкую тенденцию закрепления в политической жизни русского государства практики созыва Земских соборов как органов высшего государственного управления, созываемых для обсуждения и принятия решений по наиболее важным, стратегическим вопросам внешней и внутренней политики.

Еще более возрастает влияние Земских соборов как органов высшего государственного управления в период после смерти Ивана IV. Именно в это время в политической практике устойчиво закрепляется функция земских соборов как органов, легитимизирующих как избрание монархов на царство, так и их отрешение от нее.

В год смерти Ивана IV проходит первый Земский собор, посвященный избранию на царство нового царя – Федора Иоанновича. Со смертью в 1598 г. Федора Иоанновича, не оставившего наследников, прерывается династия Рюриковичей. Вопрос о престолонаследии встает еще более остро, и для его решения в том же году вновь созывается Земский собор. Итогом его работы становится избрание на царство Бориса Годунова. При этом следует особо отметить, что это первый Собор, в деятельности которого участвуют и представители городских низов, тяглых (черных) сотен и слобод, о чем прямо упоминается в приговоре по итогам его работы [9, с. 37].

Проводился или нет полноценный Земский собор при вступлении на трон сына Бориса – Федора Годунова – предмет дискуссии историографов. С одной стороны, о его существовании есть упоминания в разрядных записях за этот период [3, с. 133, 172, 199, 212]. С другой – полномочность и легитимность упоминаемого собора ставится учеными под большое сомнение. В частности, Я. Г. Солодкин подвергает сомнению сам факт проведения Земского собора и считает, что в данном случае имеет место попытка царского окружения выдать желаемое за действительное [13, с. 27], в то же

время В. Н. Козляков, не подвергая сомнению сам факт проведения Земского собора, отмечает, что в реальности «полноценный избирательный земский собор был подменен его видимостью» [5, с. 107].

В 1606 году при вступлении на престол Василия Шуйского соблюдается та же обязательная процедура поставления на трон царя через решение Земского собора, состоявшегося 17.07.1610 г. Сам собор проводился в явной спешке и у его организаторов не было возможности созвать делегатов со всей Руси, в силу чего его состав был ограничен только представителями московского посада [13, с. 28; 14, с. 152-153]. Это в дальнейшем ставилось неоднократно им в вину и служило основанием для утверждения о незаконности царя Василия IV. Тем не менее, и в том, и в другом случае знаковым является факт включения в процедуру интронизации нового царя проведения Земского собора как обязательного условия легитимации его правления.

Присовокупив к описанным выше: соборы 1607 г. – об освобождении от присяги Лжедмитрию I, 17.07.1610 – о лишении престола царя Василия Шуйского и 17.08.1610 – о признании русским царем королевича Владислава, 1619 – о поставлении Филарета Никитича Романова патриархом, мы получим картину, в которой практически все монархи этого периода, а также первый патриарх по завершении смутного времени возводились в достоинство через решения земских соборов.

В период междуцарствия, в условиях отсутствия законного правителя и вакуума власти, роль земских соборов еще более возросла. Фактически, именно они в этих условиях принимали на себя функции коллективного органа высшего государственного управления.

Неслучайно заключенный 14.02.1610 г. договор польского короля Сигизмунда III с московскими боярами о приглашении польского королевича Владислава на царство оформлен именно как ответ на обращение, составленное от имени земского собора. Другой разговор, что это обращение было составлено представителями «тушинской» группировки из приближенных Лжедмитрия II. Но здесь характерно именно то, что даже сторонники самозванца пытались придать своим решениям вес именно за счет оформления их как решений земского собора.

Формально этот «договор-ответ» предполагал создание унии между Московским царством и Польско-Литовским королевством во внешнеполитических делах, при сохранении за Москвой широкой автономии в делах

внутренней политики, устанавливалось требование осуществления будущим царем законотворчества и судопроизводства исключительно по согласованию с боярской думой и земскими соборами [1, с. 315–316]. Вместе с тем предполагавшиеся русской стороной при составлении проекта договора гарантии сохранения на Руси православной веры, перехода будущего царя в православие и отказа от насаждения католичества на русских землях, обыгрывался в договоре в весьма уклончивых выражениях: «кдгы Господь Богъ волю и час свой за успокоеньемъ доскональнымъ того господарства пошлетъ» и «для людей Римскоѣ вѣры потреба мѣть костель ... при которыхъ естли бы зъ Русскихъ людей кому быти трафилося ...» [1, с. 314].

Собственно, в столь уклончивых формулировках уже можно было уловить тенденцию к отказу от предоставления с польской стороны каких-либо гарантий сохранения независимости Москвы. даже в урезанном виде унии, и реализацию политики поглощения Польско-Литовским государством Московского царства. Истинные намерения польского короля Сигизмунда III хорошо видны из его переписки с генеральным провинциалом ордена иезуитов Клавдием Аквавивой и Римским папой Иннокентием XI [10, с. 109–117]. В представлении короля не предполагалось ничего иного кроме присоединения земель Московского царства к Польше на правах колонии и курса на жесткое окатоличивание населения.

Тем не менее, в условиях слабости власти Василия Шуйского идея умиротворения, пусть и ценой частичной потери суверенитета (напомним, истинные намерения польской стороны публично не озвучивались), крепко владела умами значительной части московской элиты – боярства и богатого купечества. Соответствующим образом эти настроения транслировались и народу, делая при этом упор на наведение порядка «природным» государем и опуская или смягчая вопрос о суверенитете будущего царства.

Все это привело к тому, что уже летом 1610 года в Москве, при подстрекательстве части бояр, произошло народное возмущение, в котором приняли участие посадские люди Москвы и окрестностей. В результате 17 июля Василий Шуйский был свержен и насильно пострижен в монахи. Одновременно на стихийно собравшимся «вече» было избрано правительство из бояр, получившее в историографии наименование «семибоярщины». При этом в официальных документах, в частности в грамотах, рассылавшихся боярским правительством, описанное выше народное собрание именовалось именно земским собором [14, с. 160–161].

Одним из первых решений нового правительства становится появление 17.08.1610 приговорной записи о признании русским царем польского королевича Владислава [12, с. 391, 399]. И вновь это решение оформляется как решение земского собора, хотя фактически это было собрание узкого состава, без представителей регионов. Так, Новый Летописец указывает, что «На Москвѣ жь бояре и вси людіе Московскіе не сослався з городами, избираша на Московское государство Литовского королевича Владислава ...» [8, с. 100].

Тем не менее, как точно отметил С. Ф. Платонов, «свержение московского государя было последним ударом московскому государственному порядку. На деле этого порядка уже не существовало, в лице же царя Василия исчезал и его внешний символ. Страна имела лишь претендентов на власть, но не имела действительной власти» [7, с. 288].

Окончательно иллюзия существования национального русского правительства во главе Московского царства исчезла вместе с падением «семибоярщины» 21.09.1610 г., когда польский гарнизон занял московский кремль и власть перешла к польскому коменданту А. Гонсевскому. В декабре 1610 г. распадается и земский совет, существовавший при русском посольстве к польскому королю Сигизмунду III под Смоленск [7, с. 314].

Между тем, в условиях окончательного разложения центрального аппарата, довершившего общий процесс распада властной вертикали, на региональном уровне система государственного управления Московского царства продемонстрировала устойчивую способность к регенерации и восстановлению. При малейшей возможности структура управления по образцу общероссийской естественным образом воссоздавалась на уровне местном. Еще с 1608 года, в условиях вакуума власти, в разных городах начинают создаваться местные советы, состоявшие из дворян, посадской старшины, а иногда – и представителей местного черносошного крестьянства. Эти советы принимали решения по вопросам местного земского управления, причем местная приказная администрация не только не препятствовала, но и активно сотрудничала с этими органами власти.

Собственно, именно с этого начинается история уже земских соборов, создававшихся «по инициативе снизу», в отличие от соборов, инициировавшихся центральной властью, постепенно вырождавшихся и утрачивавших свой реальный авторитет вместе с деградацией последней. Более того, именно эти региональные советы в конечном итоге послужили основой для

возрождения института земских соборов на общероссийском уровне, вернув ему реальный смысл и авторитет.

Регионами, вышедшими за рамки местного уровня и быстро выдвинувшимися на роль общероссийских центров сопротивления, стали Рязань, где воеводой служил Прокопий Петрович Ляпунов, а также Нижний Новгород и Ярославль.

От имени местных советов Рязани, Нижнего Новгорода и Ярославля рассылались грамоты о созыве первого ополчения в другие города. В состав таких советов входило местное духовенство, воеводы, дьяки, дворяне, дети боярские, стрелецкие и казацкие головы, иноземцы, земские старосты, целовальники, посадские люди, пушкарки, стрельцы, казаки [14, с. 172].

В результате, уже в феврале-марте 1611 г. началось движение к Москве нижегородских, ярославских и рязанских вооруженных отрядов, ставших основой первого земского ополчения, выступившего на борьбу с польскими оккупантами [7, с. 318]. С апреля эти объединившиеся отряды под руководством избранных войском начальников – П. П. Ляпунова, князя Д. Т. Трубецкого и казачьего атамана И. М. Заруцкого – начали осаду польского гарнизона.

Однако отсутствие согласия и непомерные амбиции руководителей приводили к постоянной распре и недовольству внутри ополчения. Характерно, что в этих условиях именно совет войска взял на себя инициативу о создании органов власти в ополчении и контролируемых землях, выработке четкой регламентации и инструментов контроля за их деятельностью. Вот как об этом говорит Новый Летописец: «Ратные жъ люди, видя ихъ нестроение и совѣтовавъ дворяне и всякіе служивые люди съ казаками, и написаша челобитную к нимъ ...» [8, с. 112].

Итогом этой инициативы снизу стала выработка и принятие 30.06.1611 г. Приговора земского собора, созданного из участников ополчения. Состав собора можно изучить по преамбуле Приговора: «... царевичи и бояре, и окольничие, и чашники и стольники, и дворяне, и стряпчие, и жильцы, и приказные люди, и князи, и мурзы, и дворяне из городов, и дети боярские всех городов, и атаманы, и казаки, и всякие служилые люди, и дворовые ...» [9, с. 45]. Таким образом, мы видим полный срез участников ополчения – от аристократии (включая представителей национальных меньшинств – царевичей и мурз), до «черных» сословий. Преобладал прежде всего военно-служилый элемент, при отсутствии представителей

купечества, посада и духовенства, что объясняется характером собравшегося общества.

В рассматриваемом документе для управления делами ополчения и подконтрольных ему земель предусматривалось создание правительства из числа бояр и воевод, избираемого «всею Землею» [9, с. 49]. По образцу старых московских общегосударственных создавались исполнительные органы – Поместный, Разбойный, Земский, Разрядный приказы, приказ Большого прихода и Четверти [9, с. 48-49]. И правительство, и исполнительные органы были подконтрольны «Совету всея земли», то есть фактически – постоянно действующему земскому собору, коллективному выборному органу, выполнявшему в условиях отсутствия верховного правителя роль высшего органа государственной власти. Ему же принадлежали функции высшей судебной инстанции (в частности, применение смертной казни предусматривалось исключительно по решению собора) [9, с. 49].

К сожалению, первое ополчение, даже после создания постоянно действующего «Совета всея земли» и органов управления, не смогло избавиться от внутренних противоречий, связанных с различием интересов входивших в него групп. Гибель Ляпунова от рук недовольного казачества, появление серьезной оппозиции Трубецкому и Заруцкому, самоуправство воевод и казацких старшин, выливавшееся в откровенный грабеж подконтрольных земель, – все это ослабило единство движения и повлияло на его военные успехи. Первому ополчению так и не удалось добиться своей главной цели – освобождения Москвы от иностранных интервентов.

На фоне неудач и разложения первого ополчения к осени 1611 г. на первый план в качестве центра сопротивления польской оккупации выдвигается Нижний Новгород. Нижегородский городской совет становится новым центром притяжения, вокруг которого собираются представители других городов и свободные ратные люди, составившие основу второго ополчения. Так, Новый Летописец отмечает: «Въ городахъ же слышаху въ Нижнемъ собранія, ради быша и посылаху къ нему на совѣтъ ... Слышаху же въ городѣхъ ратные люди, что въ Нижнемъ збираютца всѣ свободный чинь, поидоша изо всѣхъ городов» [8, с. 117]. Первым политическим руководителем нового движения становится нижегородский земский староста – Кузьма Минин. В качестве военного руководителя, по приглашению посольства, направленного Нижегородским советом, во главе движения становится воевода – князь Дмитрий Михайлович Пожарский.

Таким образом, мы вновь видим, что центральным органом административно-политического управления ополчения становится местный аналог земского собора – городской совет Нижнего Новгорода, который, после прибытия к нему представителей из других городов, переходит уже на уровень общего земского собора тех частей Московского царства, которые к нему присоединились.

По мере разрастания ополчения и его продвижения из Нижнего Новгорода к Москве при нем продолжает действовать «Совет всея земли». Окончательно функция высшего органа политического и административного управления освобожденных территорий закрепляется за этим советом после занятия вторым ополчением Ярославля, крупнейшего городского центра тогдашней северо-западной Руси. Причем политический курс руководства второго ополчения был направлен именно на объединение всех русских людей в едином совете для борьбы с интервентами и выбор нового самодержавного государя суверенного Московского царства [7, с. 350]. Аналогичным образом при формировании «Совета всея земли» курс был взят на создание общероссийского земского совета путем включения в него делегатов от местных городских советов, приглашаемых в Ярославль. В частности, в грамоте от князя Пожарского и совета при ополчении в Соль Вычегодскую говорилось: «И нынѣ, господа, мы всѣ православные христіане общимъ совѣтомъ, сослався со всею землею, ... противъ враговъ и разорителей вѣры христіанской ... стояти въ крѣпости неподвижно. ... И вамъ, господа, пожаловати, ... совѣтовать со всякими людьми общимъ совѣтомъ ... И по всемірному своему совѣту пожаловати бѣ вамъ прислати к намъ, въ Ярославль, изо всякихъ чиновъ людей человека по два, и съ ними совѣтъ свой отписати, за своими руками. ... А прислати бѣ, господа, вамъ для зѣмского совѣту къ намъ вскорѣ ...» [2, с. 356].

Подобная политика, в конечном итоге, дала свой результат. Еще более усилились позиции «Совета всея земли» после преодоления разногласий между лагерями второго и первого ополчений и их объединения в конце октября 1612 г. В объединенном ополчении были созданы единые, уже реально общегосударственные органы власти: новое «правительство» из лидеров обоих лагерей, приказы для административного управления [7, с. 359].

Как итог – 22.10.1612 г. войсками ополчения был взят Китай-Город, а 26.10.1612 г. польский гарнизон в Кремле сдался на милость победителей. Суверенитет «Совета всея земли» при втором ополчении как высшего органа

государственного управления был признан и польскими интервентами, и членами боярской думы, находившимися в осаде в Кремле [14, с. 186].

После освобождения Москвы «Совет всея земли» продолжал свою деятельность вплоть до начала действия земского собора, посвященного избранию на царство нового государя. О том, были ли это разные соборы или же продолжение деятельности того же собора, действовавшего ранее при ополчении, мнения историков разнятся. Так, В. Н. Козляков считает, что речь должна идти о созыве нового общегосударственного земского собора [5, с. 418], Л. В. Черепнин же считал, что поскольку нет данных о роспуске «Совета всея земли», пришедшего из Ярославля, избирательный собор 1613 г. есть своего рода продолжение деятельности того же совета, только в теперь уже реально общероссийском масштабе [14, с. 187–189]. Во всяком случае, несомненно, что именно «Совет всея земли» совместно с руководством ополчения выступил инициатором созыва избирательного собора и осуществлял организационную подготовку по его созыву (см., например, Новый Летописец, грамоту на Белоозеро от 19.11.1612 г. [8, с. 128, № 328; 11, с. 99]).

Итогом деятельности избирательного земского собора, начавшего свою работу в январе 1613 г. стало призвание 03.03.1613 г. на царство Михаила Федоровича Романова, ставшего первым царем новой династии, пришедшей на смену Рюриковичам. Фактом, ярко характеризующим роль земских соборов в общественно-политической жизни Московского царства первой половины XVII в., является и то, что вплоть до прибытия нового царя в Москву в мае 1613 г., фактическая высшая власть оставалась в руках земского собора. От его имени производились служебные назначения, выдавались земельные пожалования, осуществлялись контроль за поступлением денег в казну, приведение населения к присяге новому государю [14, с. 201].

Подводя итог вышесказанному, представляется возможным заключить, что земские соборы сыграли одну из решающих ролей в деле защиты Отечества в годы Смутного времени. Именно они выступали центрами, вокруг которых концентрировались силы защитников страны от иностранной оккупации, осуществляли функции высших органов государственной власти в отсутствие законного верховного правителя, руководили политической, административной, финансовой и отчасти – военной деятельностью обоих ополчений.

Фактически, ни один из военных начальников того времени не мог

осуществлять свою деятельность в общероссийском масштабе без подкрепления своих действий авторитетом совета сословных представителей, созданных и организованных по принципам земского собора. Именно земские соборы легитимизировали деятельность и первого, и второго ополчений, выводя их на уровень общероссийских движений.

Земский собор сыграл ведущую роль и в приходе к власти нового законного верховного правителя, положив конец тяжелой междоусобице Смутного времени и сохранив Россию как единое суверенное государство.

Библиографический список

1 Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI века / А. А. Зимин. – Москва : Издательство социально-экономической литературы, 1960. – 512 с.

2 Козляков В. Н. Смута в России. XVII век / В. Н. Козляков. – Москва : Омега, 2007. – 528 с.

3 Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскание о земской реформе Ивана Грозного / Н. Е. Носов. – Ленинград : Наука, 1969. – 606 с.

4 Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время) / С. Ф. Платонов ; отв. ред. Я. Н. Щапов, ст. Е. В. Чистяковой. – Москва : Памятники исторической мысли, 1994. – 5-е изд. – 470 с.

5 Черепнин Л. В. Земские соборы русского государства XVI–XVII вв. / Л. В. Черепнин. – Москва : Наука, 1978. – 420 с.

6 Белокуров С. А. Разрядные записи в смутное время (7113–7121 гг.) / С. А. Белокуров. – Москва : Тип. Штаба Московского военного Округа, 1907. – 343 с.

7 Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 4 : 1588–1632 гг. – Санкт-Петербург : Типография Э. Праца, 1851. – 584 с.

8 Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией имп. Академии наук. – Санкт-Петербург : 1598–1613. Т. 2. – Санкт-Петербург: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1856. – 413 с.

9 Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Императорской археографической комиссией. Т. 14, Ч. 1 – Санкт-Петербург : Тип. М. А. Александрова. 1910. – 154 [4] с.

10 Российское законодательство X–XX веков : в 9-ти т. Т. 3: Акты Земских Соборов / под. ред. О. И. Чистякова ; отв. ред. тома А. Г. Маньков. – Москва : Юрид. лит-ра., 1985. – 512 с.

11 Смутное время Московского государства: 1604–1613 гг. : материалы, изданные Обществом Истории и Древностей Российских при Московском университете. Вып. 3: Акты времени между царствованиями: 1610 г. 17 июля – 1613 г. / под ред. С. К. Богоявленского и И. С. Рябинина. – Москва : Тип. Г. Лиснера и М. Совко, 1915. – 264 с.

12 Смутное время Московского государства: 1604–1613 гг. : материалы, изданные Обществом Истории и Древностей Российских при Московском университете. Вып. 5: Акты подмосковных ополчений и земского собора / под ред. С. Б. Веселовского. – Москва : Синодальная типография, 1911. – 250 с.

13 Собрание государственных грамот и договоров. Т. 2. – Москва : изд. Гр. Н. Румянцева, 1819. – 612 с.

14 Солодкин Я. Г. Первые земские соборы XVII века / Я. Г. Солодкин // Вестник Нижневартского государственного университета. – 2011. – № 1. – С. 25–30.

**О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВ
УЧАСТНИКОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные аспекты реализации отдельных семейных и наследственных прав военнослужащих и приравненных к ним лиц. На основе анализа гражданского и семейного законодательства, исторических норм предлагаются решения вопроса оперативного удостоверения завещания в условиях боевых действий и действительности таких завещаний. Обсуждается вопрос допустимости включения в круг наследников по закону лиц, состоящих в фактических брачных отношениях с военнослужащим. Рассмотрены механизмы публично-правовой защиты имущества погибших военнослужащих и членов их семей от преступных посягательств. На основе законодательных норм и правоприменительной практики делается вывод о преимущественно экстраординарном правовом регулировании гражданских правоотношений с военнослужащих – участников специальной военной операции.

Ключевые слова: специальная военная операция, военнослужащие, боевые действия, завещание, наследование по закону, брак, фактические брачные отношения, недействительность брака, недостойные наследники, мошенничество, правовое регулирование.

Специальная военная операция на Украине (далее СВО) имеет не только международные, геополитические, публично-правовые основания и последствия, но и частно-правовые аспекты. Особенно уязвимыми оказались вопросы семейного и наследственного права, которые потребовали и требуют в настоящее время дополнительного правового регулирования. Опыт СВО показал, что именно в период военных конфликтов значительно актуализируются вопросы специального правового регулирования имущественных и личных неимущественных отношений с участием военнослужащих и членов их семей, в том числе и в области брачно-семейных отношений [1, с. 312].

Частное право изначально существовало и развивалось как право мирного времени, поэтому по большому счету гражданское и семейное законодательство не рассчитано на особые условия, которые и представляет собой СВО. Пленумом Верховного Суда РФ от 18.05.2023 года разъяснено, что условия боевых действий не означают автоматического применения права военного времени, предполагающего ограничение отдельных прав граждан. Но и в условиях военного времени и боевых действий правовое регулирование всех видов отношений должно в основном строиться на базе существующего права мирного времени [2, с. 23]. Такое правовое регулирование носит экстраординарный характер и не изменяет, не отменяет обычные нормы права, касающиеся семейных и наследственных отношений, но создает благоприятные условия для лиц, вовлеченных в защиту государства и общества.

В статье автору хотелось бы обратить внимание на отдельные моменты, связанные с наследственными правами участников СВО и членов их семей, выделить проблемные вопросы и предложить пути их разрешения. Учитывая специфику специальной военной операции, связанной с ведением боевых действий, основным удар при пересечении частного и публичного права приняли на себя вопросы социальных выплат, а также институты наследования по завещанию и по закону.

Одной из таких неразрешенных в законодательстве проблем является невозможность или затрудненность оформления наследственных прав участниками СВО посредством завещания. С начала СВО возникла необходимость дополнительного правового регулирования способов реализации активной завещательной правоспособности военнослужащих в условиях боевых действий. В дальнейшем при проведении частичной мобилизации частнопровые отношения потребовали усиленной защиты, а стандартные средства фиксации наследственных прав (нотариат) оказались не в силах в полной мере обеспечить реализацию завещательных прав граждан, выполняющих боевые задачи. Участники СВО лишены возможности в любое время обратиться за выдачей нотариальной доверенности, удостоверения, изменения или отмены завещания, поэтому возникает необходимость в создании оперативных способов оформления распоряжений военнослужащим или участником добровольческих формирований.

В гражданском законодательстве РФ и до начала СВО существовали особые способы закрепления прижизненных распоряжений, такие как завещания, приравненные к нотариальным, а также завещания, совершенные в чрезвычайных обстоятельствах. Критический анализ указанных норм гражданского законодательства свидетельствует о наличии лакун, влекущих неэффективность соответствующих норм, регулирующих наследственные правоотношения участников СВО. Так, например, удостоверение доверенности или завещания командиром (начальником) воинской части, как правило, носит плановый характер и малоприменим в условиях реальных боевых действий, в том числе и потому, что в современных условиях управление боевыми действиями может осуществляться и с помощью дистанционных технологий. Не стоит забывать, что для командиров (начальников) воинских частей удостоверение завещаний не является каждодневным, обыденным действием, вследствие чего высока вероятность ошибок при совершении действий, приравненных к нотариальным. Методические рекомендации для командиров (начальников) воинских частей и соединений, соответствующие современным реалиям по оформлению завещаний и доверенностей в отношении военнослужащих, были разработаны лишь в 2023.

К тому же, закон имеет ограничения по субъектному составу завещателей – пп. 4 п. 1 ст. 1127 ГК РФ по общему правилу применялась исключительно к военнослужащим, а распространение правил о необщей процедуре удостоверения завещания на участников добровольческих формирований произошло лишь в 2025 году с принятием специального федерального закона. Такая нерасторопность в законодательном регулировании распорядительных имущественных сделок участника боевых действий ведет к тому, что возникают длительные судебные споры о наследстве погибших участников СВО, предоставлении мер государственной поддержки.

Что касается совершения завещания в чрезвычайных обстоятельствах, то при применении данного института также имеются «подводные камни». Прежде всего, особенности действия гражданского законодательства в пространстве предполагают ограничение в своем действии государственной границей РФ, если иное не предусмотрено международным договором. Следовательно, любые завещания, совершенные командирами (начальниками) воинских частей, а также завещания, совершенные в чрезвычайных обстоятельствах на территории буферной зоны в Харьковской, Сумской области и Днепропетровской области в силу закона не будут

иметь юридической силы. В этом смысле гражданское законодательство нуждается в уточнении в той части, которая бы определяла возможность совершения завещания в экстраординарном порядке, доступном для специальных субъектов – военнослужащих, участников добровольческих формирований и приравненных к ним лиц, участвующих в боевых действиях. Для этого требуется предусмотреть в законодательстве возможность совершения завещания или фиксации иных распоряжений (например, об определении опекуна детям участника СВО) в специальном порядке, а именно внести в федеральный закон о введении в действие части третьей ГК РФ норму о завещании, совершенном в условиях боевых действий:

«Статья 17.

1 Завещанием, совершенным в условиях боевых действий, признается распоряжение имуществом военнослужащим, участником добровольческих формирований или приравненным к ним лицам, на случай смерти такого лица.

Правила настоящей статьи распространяются на случаи объявления лица, указанного в ч. 1 настоящей статьи умершим в соответствии с гражданским законодательством РФ.

2 Гражданин, который находится в положении, явно угрожающем его жизни, и в силу особых условий – боевых действий лишен возможности совершить завещание в соответствии с правилами статьями 1124-1129 Гражданского Кодекса РФ, может изложить последнюю волю в отношении своего имущества в простой письменной форме.

3 Завещание в условиях боевых действий совершается в присутствии не менее одного свидетеля. Завещатель вправе собственноручно написать и подписать документ, если иное не следует из обстановки боевых действий, состояния здоровья завещателя и иных обстоятельств. При невозможности собственноручно написать и подписать документ в результате ранения завещателя или иных обстоятельств боевых действий, завещание может быть записано со слов завещателя и подписано рукоприкладчиком. Совершенное завещание в условиях боевых действий при первой возможности передается командиру (начальнику) воинской части для совершения действий, установленных ч. 3 ст. 1127 Гражданского кодекса РФ.

4 В условиях боевых действий по правилам ч. 3 настоящей статьи может быть совершено закрытое завещание. Закрытое завещание совершает

завещатель собственноручно. Свидетель или свидетели подписывают запечатанный завещателем конверт, который при первой возможности передается командиру (начальнику) воинской части для совершения действий, установленных ч. 3 ст. 1127 Гражданского кодекса РФ.

5 При совершении завещания в условиях боевых действий допускается фото- и видеофиксация. Фото- и видеоматериалы, подтверждающие совершение военнослужащим, участником добровольческих формирований или приравненным к ним лицом завещания, при первой возможности передаются командиру (начальнику) воинской части и хранятся на материальном носителе вместе с завещанием.

6 Завещание, совершенное военнослужащим, участником добровольческих формирований или приравненным к ним лицом в условиях боевых действий, может быть признано недействительным по иску наследника или прокурора. Не допускается признание завещания недействительным на основании ст. 177 Гражданского кодекса РФ.

7 Завещание, совершенное в условиях боевых действий в соответствии с настоящей статьей, подлежит исполнению только при условии подтверждения судом по требованию заинтересованных лиц факта совершения завещания в условиях боевых действий и невозможность совершения завещания способом, установленным ст. 1129 Гражданского кодекса РФ. Указанное требование должно быть заявлено до истечения срока, установленного для принятия наследства.

8 Нормы настоящей статьи применяются и в случае участия военнослужащего, участника добровольческих формирований или приравненных к ним лиц в боевых действиях за пределами Российской Федерации».

Указанная норма устранит пробелы и сложности, связанные с возможностью совершения, изменения или отмены завещания в случае изменения семейного положения участника боевых действий, позволит оперативно и в законной форме выразить последнюю волю при ранении или в ситуации, не допускающей возможности воспользоваться иными законными средствами реализации завещательных прав. Также принятие особой нормы закона позволит членам семьи участника боевых действий избежать споров и судебных тяжб при определении круга наследников по завещанию, а также лиц, отстраненных от наследства.

Другим вопросом, связанным с семейными и наследственными правами участника СВО, является определение круга лиц, наследующих по закону, а также лиц, имеющих право на получение специальных льгот и выплат в случае гибели участника СВО. И в данном случае социальное законодательство, то есть законодательство, связанное с определением и гарантированием социальных выплат, шире, чем гражданское законодательство трактует понятие членов семьи участников СВО. Так, в соответствии с федеральным законом, принятым 31 июля 2025, в перечень лиц, имеющих право на социальные выплаты в случае гибели военнослужащего, участника добровольческих формирований и приравненных к ним лиц, входят лица, состоящие в фактических отношениях с погибшим участником СВО. Указанный закон определил критерии, согласно которым на социальные выплаты вправе претендовать лица, совместно проживавшие с погибшим, осуществлявшие ведение совместного хозяйства с ним и (или) имеющие совместных детей.

При этом в гражданское и семейное законодательство не было внесено изменений, допускающих возможность наследования такими лицами имущества погибшего участника боевых действий. Более того, находившийся на рассмотрении в Госдуме законопроект № 539969-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»», предусматривал гораздо более широкую защиту интересов членов «фактической» семьи военнослужащих, принимавших участие и погибших во время специальной военной операции. Среди прочего законопроект оперировал понятиями «фактического брака» и «фактических супругов». Указанный законопроект не был рассмотрен ввиду необходимости доработки предлагаемых законоположений из-за противоречий с действующим законодательством.

Взвешенное решение законодателя проверено временем и исторически обосновано. Как правильно отмечал более века назад профессор С. И. Раевич, «фискальные интересы, несомненно, говорят за ограничение круга лиц, призываемых к наследованию» [3, с. 938]. Ретроспективный анализ позволяет сделать вывод о том, что институт семьи и именно зарегистрированного брака важен для государства и общества даже в условиях участия граждан в боевых действиях. В 1944 году, после того как большая часть страны была освобождена от оккупации и русский солдат стал осво-

бождать Европу, был принят ряд взаимосвязанных указов Президиума Верховного Совета СССР (от 08 июля 1944 г. и от 10 ноября 1944 г.), закрепивший единственный вариант регистрации брака – в органах ЗАГС. Супругам, состоявшим в фактических брачных отношениях, предлагалось зарегистрировать брак с указанием срока фактической совместной жизни. Единственный вариант, допускавшийся для судебного установления фактических брачных отношений – это отношения, которые не могут быть зарегистрированы согласно статье 19 Указа вследствие смерти или вследствие пропажи без вести на фронте одного из лиц, состоявших в таких отношениях. Как правильно отмечает О. И. Рудык, названные выше указы четко укладывались в наметившуюся в 1930-е годы политику укрепления семьи [4, с. 21].

При несомненной необходимости защитить права лиц, которые состояли в близких отношениях с погибшим участником СВО, есть риск злоупотреблений в данной сфере. Детальный анализ судебной практики с 20-х по 40-е годы XX века, проведенный А. Г. Прокопец, позволяет убедиться, что за признанием фактических брачных отношений и принятием наследства обращались люди, не являвшиеся фактическими супругами (квартиранты, бывшие супруги, помощники по хозяйству, совместно проживавшие с умершим и т. д.) [5]. Поэтому законодатель поступил совершенно правильно, с одной стороны предоставив лицам, совместно проживавшим с участником СВО, право получить гарантированные выплаты и повышенную социальную защиту, а с другой стороны не допустив серьезных изменений в семейное и наследственное законодательство. Внедрение в гражданское и семейное законодательство фактического брака и приравнивание «фактических супругов» к членам семьи стало бы серьезным ударом по конституционно защищаемому и охраняемому институту брака и семьи, исказило бы смысл конституционных норм и норм семейного законодательства.

Однако и государственная регистрация брака не защищает самих участников СВО от неправомерных действий лиц, движимых лишь жадной наживой. В настоящее время судами все чаще рассматриваются иски о признании брака недействительными в отношении супругов умерших участников СВО. Но семейное законодательство не адаптировано к случаям, когда брак заключается без реального намерения создать семью,

а ради выплат, получения государственных льгот и иных форм поддержки от государства.

Бесспорно, брак представляет собой союз мужчины и женщины, возникающий на основании личных неимущественных отношений, как следствие вмешательство государства в вопросы брака ограничивается государственной регистрацией заключения и расторжения брака, а также исключительным случаем, имеющим публично-правовое значение, – признание брака недействительным. То есть по общему правилу в вопросах заключения и расторжения брака превалирует частный интерес. Именно поэтому согласно ст. 28 Семейного кодекса РФ право признать брак недействительным принадлежит только добросовестному супругу, а также прокурору.

Что касается участников СВО, то ситуация гораздо сложнее. Брачные отношения тесно связаны с личностью супруга, не подлежат правопреемству в случае его смерти, наследники умершего участника СВО лишены возможности признать брак недействительным. Это означает, что фиктивный брак после гибели супруга-участника СВО, объявления его умершим будет признаваться реальным, независимо от фактических намерений недобросовестного супруга. Но учитывая, что участники СВО исполняют функцию защиты государства и общества от внешних угроз, именно государство должно предоставлять им повышенную правовую защиту внутри государства. В этом контексте наблюдается идеальное совпадение частного и публичного интереса: частный интерес состоит в том, чтобы обезопасить имущество погибшего защитника Отечества от «случайных» лиц, обеспечить переход по наследству имущества членам семьи; публичный же интерес состоит в защите федерального и регионального бюджета от предоставления денежных выплат, льгот и преференций недобросовестным лицам.

Положения закона, не позволяющие или затрудняющие оспаривание недействительного (фиктивного) брака погибшего участника СВО, представляются не соответствующими духу закона, а значит, следует искать иные, действенные механизмы регулирования. В настоящее время право оспаривать недействительность брака в силу закона может прокурор, но прокурор имеет широкое усмотрение и не обязан подавать подобные иски даже при наличии заявления от родственников погибшего участника СВО. Более того, на сегодняшний день не существует каких-либо указаний Гене-

ральной прокуратуры РФ, определяющих необходимость участия прокурора в защите прав участников СВО и федерального бюджета посредством предъявлении иска о признании брака недействительным.

Защита прав погибших участников СВО посредством признания брака недействительным должна быть исключительной прерогативой государства. Наследникам погибшего или объявленного умершим участника СВО не может и не должно предоставляться право на признание брака недействительным посредством предъявления самостоятельного иска, однако они должны иметь реальную возможность обратиться к прокурору с соответствующим заявлением. Именно на сотрудников прокуратуры должна быть возложена обязанность по проверке таких заявлений, а в случае выявления признаков недействительности брака – недискреционная обязанность по предъявлению соответствующего иска.

В настоящее время сложилась, на взгляд автора, порочная практика, когда признаки недействительности брака устанавливаются в иных судебных решениях по искам наследников участника СВО (о лишении права на социальные выплаты, о признании недостойным наследником) в отсутствие предъявленного прокурором иска о недействительности брака. Эти справедливые по сути, но несоответствующие действующему законодательству по форме судебные акты говорят о неэффективности работы правоохранительных и надзорных органов. Более того, такие иски могут стать средством лишения реальных членов семьи погибшего участника СВО своевременных денежных выплат и иных социальных льгот. В то же время имеются и удачные примеры активного участия органов государства в защите прав членов семьи погибших или объявленных умершим участников СВО (см., например, решение Красногорского районного суда Брянской области по делу № 2-5/2025).

При правовой квалификации фиктивного брака особое внимание следует уделить вопросам разграничения недействительного брака от состоявшегося брака с фактически прекращенными брачными отношениями в отсутствие государственной регистрации расторжения брака. В случаях, когда брачно-семейные отношения супругов были прекращены сторонами, но супруги не узаконили расторжение брака, правила о недействительности брака применяться не должны. При этом сохраняется этико-правовая

проблема о возможности наследования имущества участниками СВО таковыми супругами, а также возможности получения ими установленных социальных выплат и льгот, предусмотренных в случае гибели супруга, брак с которым не расторгнут.

В этой связи следует согласиться с мнением, высказанным Е. А. Усачевой, рассматривающей брак как факт-состояние (с момента заключения до момента прекращения). Правовым последствием фактического прекращения брачных отношений, как отмечает Е. А. Усачева, выступает сужение временных рамок действия законного режима имущества супругов [6, с. 100]. Думается, что в отношении участников СВО обязательным правовым последствием фактического прекращения брака должна выступать недопустимость наследования по закону за погибшим в боевых действиях супругом, а также невозможность обращения за соответствующими социальными выплатами. Наследники погибшего участника СВО вправе обращаться в суд за установлением юридического факта прекращения брачных отношений и применения правовых последствий такого факта – установления режима раздельного имущества для таких супругов, невозможность наследования личного имущества наследодателя, отстранения от получения социальной помощи государства. Супруг, имевший возможность расторгнуть фактически прекращенный брак и не обратившийся для его расторжения в целях получения имущества, льгот, выплат, положенных при гибели участника СВО, также не может считаться добросовестным в случае получения такого имущества и может быть привлечен к ответственности, вплоть до уголовной.

Другим вариантом применения способов публично-правовой защиты может стать активное возбуждение уголовных дел, касающихся неправомерного получения социальных выплат и льгот, положенных членам семьи погибшего участника СВО. В этом случае заключение брака может рассматриваться не как реализация неимущественных прав гражданина, а как способ хищения денежных средств (способ мошенничества). Схема «знакомство – свадьба – хищение имущества путем обмана или злоупотребления доверием» [7, с. 117] является стандартной для брачных аферистов любого пола, давно известна сотрудникам правоохранительных органов, имеет разработанные методики расследования, поэтому вполне может быть использована при защите частных и публичных интересов. Средства

частно-правовой защиты, такие как иск о признании наследника недостойным, в данном случае вторичны и не должны выступать в качестве единственного безальтернативного варианта защиты имущественных прав членов семьи погибшего на СВО. Ни при каких обстоятельствах члены семьи гражданина, отдавшего жизнь в защиту государства и общества, не должны оставаться один на один с проблемами получения наследства, льгот и пособий, а государство обязано обеспечить всеми средствами сохранность имущества, доброго имени и благосостояния семьи погибшего защитника Отечества.

Можно с уверенностью отмечать, что в настоящее время в России формируется совершенно новый пласт законодательства – экстраординарного права, которое имеет воздействие на нормы публичного и частного права, позволяет в защиту публичных интересов отступать от общепринятых норм регулирования. Современная практика демонстрирует стремление к минимизации негативного воздействия экстраординарного права на права и свободы человека, для этого устанавливаются четкие временные рамки применения таких мер, определяются специфические условия и процедуры их активации, а также вводится обязательный контроль со стороны других государственных органов и общественности [8, с. 80]. Но и в рамках особого регулирования и правоприменения впоследствии могут быть заложены основы для изменения существующего наследственного и семейного законодательства в части защиты особо уязвимых членов семьи [9].

Тенденции экстраординарного правового регулирования имущественных и неимущественных отношений участников СВО и членов их семей исходит из принципа повышенной публично-правовой защиты, а также примата социальных норм над нормами цивилистики. Можно констатировать, что при экстраординарном регулировании система органов публичной власти действует точно, выверяя степень влияния на всю правовую систему, однако негативным фактором является «рваное», ситуативное регулирование, которое не всегда своевременно устраняет назревшую проблему. Но именно такое отчасти несовершенное экстраординарное регулирование сплетает воедино право и справедливость, сопровождая активный диалог государства и гражданского общества.

Библиографический список

1 Конохов М. В. Признание фактических брачных отношений с участием военнослужащих: историко-правовой аспект / М. В. Конохов // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 2. – С. 312–315.

2 Тарадонов С. В. Боевые действия, военные действия, военное время, законодательство военного времени: соотношение понятий, проблемы терминологии / С. В. Тарадонов // Право в Вооруженных Силах – военно-правовое обозрение. – 2023. – № 12 (317). – С. 15–23.

3 Раевич С. И. Из вопросов наследственного права. О праве пережившего супруга на наследование / С. И. Раевич // Еженедельник советской юстиции. – 1923. – № 41. – 19 окт. – С. 937–939.

4 Рудык О. И. Эволюция института брака в советском семейном праве: 1917–1996 гг. : спец. 12.00.01 «Теория и история права и государства»; история учений о праве и государстве» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О. И. Рудык. – Нижний Новгород, 2015. – 25 с.

5 Прокопец А. Г. Фактические брачные отношения с погибшими участниками СВО: советский опыт / А. Г. Прокопец. – URL: <https://steplaw.ru/journal/naucnaya-zizn/fakticeskie-bracnyie-otnoseniya-svo> (дата обращения: 09.01.2026).

6 Усачева Е. А. Правовые последствия фактического прекращения брачных отношений для имущественных отношений супругов / Е. А. Усачева // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – Т. 15. – № 4. – С. 91–111.

7 Антонов И. О. Криминалистическая классификация способов мошенничества в сфере брачно-семейных отношений / И. О. Антонов, М. Е. Клюков, А. Ю. Верин // Евразийская адвокатура. – 2024. – № 5 (70). – С. 117–122.

8 Богатырев М. Р. Экстраординарное право, как особый комплексный правовой институт / М. Р. Богатырев // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 2. – С. 79–81.

9 Арстанова А. Адвокат добилась пересмотра дела о признании недостойным наследником отца погибшего военнослужащего / А. Арстанова // Адвокатская газета. – 2025. – 22 дек. – URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokat-dobilas-peresmotra-dela-o-priznanii-nedostoinym-naslednikom-otsta-pogibshego-voennosluzhashchego/> (дата обращения: 09.01.2026).

И. С. Горохов

Научный руководитель: канд. филос. наук, доц. Л. Н. Чертова

РОЛЬ НЮРНБЕРГСКОГО ТРИБУНАЛА В ЭВОЛЮЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА: АНАЛИЗ ВЫЗОВОВ НЕОФАШИЗМА В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Аннотация. Нюрнбергский процесс 1945–1946 гг. представляет собой одно из наиболее значимых событий в истории международного права. Он не только подвел итог преступлениям национал-социалистического режима, но и создал основы индивидуальной уголовной ответственности за наиболее тяжкие нарушения норм человечности. В настоящей работе анализируется устойчивость этих основ в условиях современных проявлений идей, близких к идеологии XX века. Особое внимание уделяется столкновению нюрнбергских принципов с политической практикой в европейских государствах, США и Российской Федерации.

Ключевые слова: Нюрнбергский трибунал, международное уголовное право, преступления против человечности, преступление агрессии, индивидуальная уголовная ответственность, неофашизм, реабилитация нацизма, ультраправые движения, историческая память.

Нюрнбергское наследие сохраняет высокую степень актуальности в современном международном праве, несмотря на сложный процесс его формирования. Лондонское соглашение от 8 августа 1945 г. и Приговор Международного военного трибунала, оглашенный 30 сентября – 1 октября 1946 г., стали результатом компромисса между союзниками, имевшими существенные разногласия по формату суда. Как указывает А. Н. Савенков, на первых этапах подготовки процесса советская сторона предлагала обойтись без суда и просто привести в исполнение приговоры в отношении главных нацистских преступников. США и Великобритания, напротив, требовали открытого разбирательства, где обвиняемые могли бы защищаться и представлять свои доказательства [2, с. 150–180]. Самые острые споры возникли вокруг категории «преступления против мира». Именно американская делегация активно продвигала эту новеллу. Советские представители

относились к ней скептически, особенно из-за проблемы обратной силы закона, однако в итоге согласились. Этот компромисс стал возможен, и это подчеркивает уникальность достигнутого консенсуса. Он, по сути, и заложил прецедент для всего дальнейшего развития международного права.

Принцип индивидуальной уголовной ответственности стал одним из главных прорывов Нюрнбергского трибунала. Он впервые разрушил привычную доктрину функционального иммунитета должностных лиц. А. Кассезе сформулировал эту идею предельно точно: «преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными сущностями, и только путем наказания индивидов, совершивших такие преступления, могут быть обеспечены положения международного права» [1, с. 48]. Этот принцип получил дальнейшее развитие в ст. 27 Римского статута Международного уголовного суда и аналогичных нормах трибуналов по бывшей Югославии и Руанде. В современных условиях он сталкивается с вызовами, связанными с апелляцией ультраправых движений к национальному суверенитету. Как отмечает К. Мадде, подобные партии часто сочетают нативизм с авторитаризмом [5, р. 112–115], что проявляется в значительной электоральной поддержке «Национального объединения» во Франции в 2024–2025 гг. и устойчивом положении партии «Братья Италии» у власти с 2022 г., имеющей исторические связи с постфашистскими традициями [6, с. 210–225].

Значимым вкладом Нюрнбергского трибунала стало выделение преступлений против человечности в самостоятельную категорию, не требующую обязательной связи с вооруженным конфликтом. Трибунал квалифицировал систематическое уничтожение групп населения как нарушение фундаментальных норм даже в мирное время. В Российской Федерации данный принцип последовательно реализуется через ст. 354.1 УК РФ. Практика применения подтверждается конкретными делами: осуждение жителя Вологодской области в декабре 2025 г. [8]; заочный приговор директору Нарвского музея к десяти годам лишения свободы в сентябре 2025 г. [9].

В других юрисдикциях подходы отличаются. В США отсутствие федерального запрета на отрицание Холокоста обеспечивает защиту подобных высказываний Первой поправкой к Конституции. В Венгрии политика исторической памяти до сих пор несет в себе элементы релятивизма. В мемориалах и школьных программах нередко преуменьшают роль местных коллаборационистов [7, с. 12–18]. Г. Верле и Ф. Ессбергер прямо указывают: такая разница в национальных подходах создает реальную угрозу для

единообразного применения нюрнбергских принципов [4, с. 320–325]. Не менее сложная ситуация складывается и с квалификацией преступления агрессии. Нюрнбергский трибунал назвал планирование и ведение агрессивной войны «верховным международным преступлением». Позже этот подход был закреплен в Резолюции ГА ООН 3314 (XXIX) 1974 г. и в Кампальских поправках к Римскому статуту. В России он последовательно проводится через борьбу с фальсификацией истории Великой Отечественной войны. Однако в некоторых странах Восточной Европы все чаще звучат утверждения, что те или иные агрессивные действия были «превентивными». Подобные нарративы прямо противоречат выводам Нюрнберга.

Нюрнбергский трибунал так и не ввел ответственности за пропаганду ненависти в мирное время. Сегодня этот пробел ощущается особенно болезненно. Неофашистская угроза давно вышла за рамки традиционных партий и ушла в интернет. Классики вроде К. Мадде и А. Маммоне изучали в основном партийные структуры и транснациональные сети [5; 6]. Современные исследователи, напротив, показывают, как через мемы, троллинг и альтернативные платформы идеи превосходства распространяются децентрализованно и становятся доступны миллионам людей без всякой партийной дисциплины [12, с. 10–25; 13, с. 45–60]. В Российской Федерации данный пробел восполняется нормами об экстремистской деятельности (Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ) и ст. 282 УК РФ. Примером служит осуждение группы неонацистов в Подмосковье в июле 2025 г. на сроки до 19 лет за подготовку теракта [10; 11]. В западных странах проблема онлайн-пропаганды и активности ультраправых групп остается острой [1, с. 350–360; 4, с. 450–455].

Подводя итог, можно сказать: принципы, сформулированные Нюрнбергским трибуналом, по-прежнему являются основой для современного международного уголовного права. Отказ от иммунитета должностных лиц, выделение в качестве отдельной категории преступлений против человечности и признание агрессии верховным международным преступлением стали именно теми тремя столпами, которые нашли свое отражение во всех последующих международных инструментах, от статутов *ad hoc* до Римского статута МУС.

Вместе с тем анализ современных политико-правовых реалий показывает существенные вызовы: политическая нормализация ультраправых сил в ряде европейских государств (Италия, Франция), вариативность подходов

к наказуемости отрицания Холокоста и реабилитации нацизма (включая отсутствие строгих федеральных запретов в США и элементы исторического релятивизма в Венгрии), а также рост онлайн-пропаганды создают риски для универсализации нюрнбергских норм.

Автор полагает, что усиление международного сотрудничества, гармонизация национальных норм по противодействию реабилитации нацизма и пропаганде ненависти, а также развитие просветительских программ по сохранению исторической памяти представляют собой необходимые меры для сохранения и укрепления нюрнбергского наследия в глобальном контексте.

Библиографический список

1 Cassese A. *International Criminal Law* / A. Cassese. – 3rd ed. – Oxford : Oxford University Press, 2013. – 472 p.

2 Савенков А. Н. *Нюрнберг: Приговор во имя Мира : монография* / А. Н. Савенков. – Москва : Проспект, 2021. – 760 с.

3 Козаев Н. Ш. Противодействие реабилитации нацизма и формированию неонацистской идеологии в Российской Федерации / Н. Ш. Козаев, Д. А. Рясков // *Право и государство: теория и практика*. – 2023. – № 12. – С. 18–25.

4 Werle G. *Principles of International Criminal Law* / G. Werle, F. Jeßberger. – 4th ed. – The Hague: T.M.C. Asser Press, 2020. – 708 p.

5 Mudde C. *The Far Right Today* / C. Mudde. – Cambridge: Polity, 2019. – 212 p.

6 Mammone A. *Transnational Neofascism in France and Italy* / A. Mammone. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015. – 298 p.

7 Kovács B. The Hungarian right's new class theory: socialist managers, liberal ideologues and the betrayal of the democratic transition / B. Kovács // *Journal of Political Ideologies*. – 2024. – Vol. 29, iss. 3. – P. 1–23.

8 Жителя Вологодской области осудили за реабилитацию нацизма // ТАСС. – 2025. – 5 декабря. – URL: <https://tass.ru/proisshestviya/25827115> (дата обращения: 13.01.2026).

9 Директора Нарвского музея заочно приговорили к десяти годам за реабилитацию нацизма // РИА Новости. – 2025. – 25 сентября. – URL: <https://ria.ru/20250925/prigovor-2044204297.html> (дата обращения: 13.01.2026).

10 Готовившие теракт в Подмоскowie неонацисты получили до 19 лет колонии // ТАСС. – 2025. – 30 июля. – URL: <https://tass.ru/proisshestviya/24668521> (дата обращения: 13.01.2026).

11 В Подмоскowie осудили неонацистов, готовивших теракт на День Победы // РИА Новости. – 2025. – 30 июля. – URL: <https://ria.ru/20250730/podmoskove-2032425564.html> (дата обращения: 13.01.2026).

12 Post-Digital Cultures of the Far Right: Online Actions and Offline Consequences in Europe and the US / ed. by M. Fielitz, N. Thurston. – Bielefeld: Transcript Verlag, 2019. – 210 p.

13 Froio C. Digital Right-Wing Extremism: A Comparison of the Online and Offline Presence of Far-Right Actors // Perspectives on Terrorism. – 2023. – Vol. 17, No. 2. – P. 34–52.

В. Е. Греков

Научный руководитель: канд. филос. наук, доц. Л. Н. Чертова

КОНТРОЛЬ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ КАК ЭЛЕМЕНТ ИНФОРМАЦИОННОГО СУВЕРЕНИТЕТА ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В настоящей статье анализируется система российского законодательства, формирующего правовые основы исторической политики, и механизмы государственного контроля за его исполнением. Обосновывается тезис о том, что эффективный правовой контроль в данной области является условием сохранения суверенного информационно-исторического пространства, защищающего общество от деструктивных фальсификаций и обеспечивающего гражданскую идентичность.

Ключевые слова: информационный суверенитет, историческая политика, правовое регулирование, государственный контроль, историческая память.

В современных условиях глобализации информационных процессов и обострения геополитической конкуренции проблема защиты суверенитета государства приобретает новые, комплексные измерения. Одним из ключевых аспектов этой защиты становится информационный суверенитет, под которым в теории права и практической государственной политике понимается «способность государства независимо формировать, распространять и контролировать информационные потоки на своей территории, а также защищать свое информационное пространство от внешнего деструктивного воздействия, направленного на подрыв конституционного строя, общественной стабильности, исторической памяти и культурных ценностей» [2, с. 71].

А. А. Петров пишет: «Информационный суверенитет является неотъемлемой частью национального суверенитета в целом и выступает правовой основой для реализации государством своей юрисдикции в информационной сфере» [5, с. 14]. В этом контексте особое значение приобретает

сфера исторической политики, которая представляет собой целенаправленную деятельность государства, институтов гражданского общества и иных субъектов по формированию, интерпретации и распространению знаний о прошлом, направленную на консолидацию общества, укрепление национальной идентичности и обеспечение преемственности исторического развития. Соответственно, историческая политика оказывается напрямую связанной с информационным суверенитетом, поскольку историческое нарративное пространство является важнейшей составляющей общего информационного поля, на котором происходит идеологическое и ценностное самоопределение нации.

Правовое регулирование исторической политики в Российской Федерации представляет собой структурированную систему норм, закрепленных в различных отраслях законодательства. Основополагающее значение имеют нормы Конституции Российской Федерации, в частности, положения преамбулы о сохранении исторически сложившегося государственного единства (ч. 5 ст. 13), а также ч. 3 ст. 67.1, устанавливающая, что «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды и не допускает умаления значения подвига народа при защите Отечества» [4]. Данная конституционная норма является прямым основанием для законодательной деятельности государства в сфере исторической памяти и ключевым ориентиром для контроля за соблюдением соответствующего законодательства.

Специальное законодательство, образующее нормативную базу исторической политики, можно условно разделить на несколько блоков. Первый блок связан с установлением памятных дат и дней воинской славы России (Федеральный закон от 13 марта 1995 года № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» [7]), что создает официальный исторический календарь, подлежащий популяризации и соблюдению в публичном пространстве. Вторым блоком направлен на охрану объектов культурного и исторического наследия (Федеральный закон от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [10]), обеспечивая материальную основу исторической памяти. Третий, наиболее динамично развивающийся блок касается противодействия фальсификации истории и умалению значения подвига советского народа в Великой Отечественной войне, а также охраны памяти о событиях, имеющих судьбоносное значение для России.

Центральное место здесь занимает Федеральный закон от 19 мая 1995 года № 80-ФЗ «Об увековечении победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» [11]. Четвертый блок связан с обеспечением информационной безопасности и включает нормы Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [9], а также «Доктрину информационной безопасности Российской Федерации» [12] (утверждена Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 года № 646), где одной из угроз прямо названо распространение ложных исторических представлений.

Контроль за соблюдением данного законодательства является тем механизмом, который трансформирует декларативные правовые нормы в реальные гарантии информационного суверенитета в исторической сфере. Под контролем в данном случае понимается система наблюдения, проверки и надзора за соответствием деятельности физических и юридических лиц, государственных органов, общественных объединений, а также содержания распространяемой информации нормам действующего законодательства. Этот контроль носит многоуровневый и полисубъектный характер. Важнейшая роль принадлежит органам прокуратуры Российской Федерации, которые в соответствии с Федеральным законом от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» осуществляют надзор за исполнением законов, в том числе «в сфере защиты государственных и общественных интересов» [8], что напрямую коррелирует с задачами сохранения исторической правды. Прокурорский надзор может выражаться в принесении протестов на противоречащие закону правовые акты, в вынесении представлений об устранении нарушений закона, а также в возбуждении дел об административных правонарушениях или направлении материалов в следственные органы для решения вопроса об уголовном преследовании.

Значительный объем контрольных полномочий сосредоточен в руках федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по контролю и надзору в сфере массовых коммуникаций, информационных технологий и связи, – Роскомнадзора. В рамках своих полномочий, вытекающих из законодательства об информации и о СМИ, данный орган вправе осуществлять мониторинг информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», на предмет выявления запрещенной информации. К такой информации, согласно ст. 15.3 Федерального закона

№ 149-ФЗ, могут быть отнесены «сведения, направленные на пропаганду или оправдание нацизма, реабилитацию нацизма, отрицание фактов, установленных приговором Нюрнбергского трибунала, а также распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны» [9]. При выявлении подобного контента Роскомнадзор в установленном порядке взаимодействует с правоохранительными органами и может принимать решения об ограничении доступа к соответствующим информационным ресурсам.

Отдельный аспект контроля связан с образовательной и научной сферой. Правоведы утверждают: «Федеральные государственные образовательные стандарты, историко-культурный стандарт, который лег в основу единой линейки учебников по истории России, представляют собой формы опосредованного государственного контроля за содержанием исторического образования, направленного на формирование уважительного отношения к отечественной истории и недопущение распространения фальсификаций в учебном процессе» [1, с. 47]. Контроль здесь осуществляется Министерством просвещения Российской Федерации и Министерством науки и высшего образования Российской Федерации как через лицензирование и аккредитацию образовательной деятельности, так и через экспертизу учебной литературы. В научной сфере контроль носит преимущественно этико-экспертный характер, однако государственная политика в области грантов и финансирования научных исследований задает определенные приоритеты в изучении исторического прошлого.

Особого внимания заслуживает судебный контроль как наиболее императивная форма правовой реакции на нарушения законодательства в сфере исторической политики. В зависимости от характера и тяжести деяния, нарушающего установленные запреты, может наступать административная (по ст. 13.15, 13.21, 20.3 КоАП РФ) или уголовная ответственность (по ст. 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма»). Применение данных норм судами является «окончательной, властной оценкой соответствия тех или иных действий или высказываний требованиям закона» [3, с. 124]. Судебные решения по таким делам не только выполняют карательную и превентивную функции, но и формируют правоприменительную практику, конкретизируя содержание законодательных запретов и тем самым очерчивая границы допустимого в публичном историческом дискурсе.

Таким образом, система государственного контроля за соблюдением законодательства в сфере исторической политики представляет собой не просто совокупность надзорных процедур, но и сложный, многофункциональный правовой механизм, обеспечивающий практическую реализацию информационного суверенитета государства. Данный механизм выполняет ряд взаимосвязанных функций: охранительную, направленную на пресечение конкретных нарушений правовых запретов; превентивную, создающую сдерживающий эффект для потенциальных нарушителей; и, что наиболее важно, конструктивно-стабилизирующую, которая заключается в активном формировании и защите целостного, суверенного информационно-исторического пространства.

Именно через призму контроля абстрактные нормы Конституции и федеральных законов обретают действенную силу, трансформируясь в конкретные решения уполномоченных органов, судебные акты и, в конечном счете, в параметры публичного дискурса. А. В. Соколов подчеркивает: «Эффективность и легитимность этого контроля являются прямыми индикаторами способности государства отстаивать свой суверенитет в условиях глобальной информационной конкуренции, где история стала полем стратегического противоборства» [6, с. 35]. Однако ключевым условием долгосрочной устойчивости данной системы является ее соответствие принципам правового государства. Это требует от законодателя предельной четкости в формулировке правовых норм, исключающей их произвольное и расширительное толкование, а от правоприменителя – высочайшей профессиональной культуры, основанной на строгом следовании букве и духу закона.

Примечательно, что контроль не должен подменять собой свободный научный и общественный диалог о прошлом, гарантированный ч. 1 ст. 44 Конституции РФ, а должен быть нацелен исключительно на противодействие действиям, носящим противоправный, экстремистский или сознательно деструктивный характер, прямо указанный в законе.

Дальнейшее совершенствование системы, включая возможную детализацию процедур досудебного взаимодействия контролирующих органов с субъектами исторической политики (научными и образовательными учреждениями, СМИ, культурными институтами), развитие экспертного сообщества, призвано укрепить баланс между незыблемой защитой основ кон-

ституционного строя и исторической памяти народа, с одной стороны, и гарантиями интеллектуальной свободы – с другой. Такой сбалансированный подход позволяет обеспечить долгосрочный, основанный на праве и общественном согласии информационный суверенитет, формирующий историческую политику как фактор национальной консолидации.

Библиографический список

1 Власов В. И. Историческая политика и право: конституционные основы и законодательное регулирование / В. И. Власов // Журнал российского права. – 2022. – № 8. – С. 45–58.

2 Зиновьев А. В. Правовые механизмы противодействия фальсификации истории в контексте информационной безопасности Российской Федерации / А. В. Зиновьев // Государство и право. – 2020. – № 11. – С. 67–75.

3 Ковалева Н. Н. Информационный суверенитет: теоретико-правовое исследование / Н. Н. Ковалева. – Санкт-Петербург : Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2020. – 312 с.

4 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru).

5 Петров А. А. Законодательство о защите исторической памяти: проблемы реализации и судебной практики / А. А. Петров // Российская юстиция. – 2023. – № 4. – С. 12–16.

6 Соколов А. В. Конституционные основы защиты исторической правды в Российской Федерации / А. В. Соколов // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 5. – С. 33–37.

7 О днях воинской славы и памятных датах России : федеральный закон от 13.03.1995 № 32-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 1995. – № 11. – Ст. 943.

8 О прокуратуре Российской Федерации : федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1995. – № 8. – Ст. 366.

9 Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 2006. – № 31 (часть I). – Ст. 3448.

10 Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации : федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 2002. – № 26. – Ст. 2519.

11 Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов : федеральный закон от 19.05.1995 № 80-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 1995. – № 21. – Ст. 1928.

12 Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 // Собрание законодательства РФ, 1995. – № 50. – Ст. 7074.

М. А. Зинина

Научный руководитель: канд. юр. наук, доц. А. Я. Неверов

МУНИЦИПАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ КАК СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ЯВЛЕНИЕ: ПОНЯТИЕ, ФУНКЦИИ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье рассматривается муниципальный контроль как комплексное социально-правовое явление, сочетающее властно-управленческую (публично-правовую) и общественно значимую (социальную) природу. Обосновывается, что муниципальный контроль выступает не только юридическим механизмом обеспечения соблюдения обязательных требований на местном уровне, но и инструментом согласования интересов населения, бизнеса и органов местного самоуправления. Анализируются функции муниципального контроля, его принципы, место в системе публичного управления, а также проблемные аспекты правоприменения и перспективы развития с учетом риск-ориентированного подхода и цифровизации.

Ключевые слова: муниципальный контроль, местное самоуправление, обязательные требования, публичная власть, профилактика правонарушений, риск-ориентированный подход, социальная эффективность, доверие к власти.

Муниципальный контроль занимает особое место в системе публичного управления, поскольку осуществляется органами местного самоуправления и направлен на обеспечение законности и порядка в пределах муниципального образования. Его актуальность обусловлена двойственной природой: юридически он является разновидностью публичного контроля, а социально – механизмом защиты и реализации интересов местного сообщества, поддержания качества городской среды, безопасности и справедливого доступа к муниципальным ресурсам. В научном плане муниципальный контроль представляет интерес как междисциплинарный объект, находящийся на стыке муниципального права, административного права и социологии управления.

Цель статьи – раскрыть муниципальный контроль как социально-правовое явление, определить его сущностные признаки, функции и направления совершенствования.

Задачи включают:

- уточнение понятия и признаков муниципального контроля;
- анализ его социального назначения;
- выявление проблем правового регулирования и практики;
- формулирование предложений по развитию.

Практическая значимость статьи состоит в возможности использования ее выводов и предложений в правоприменительной деятельности органов власти, судов, а также в процессе дальнейшего совершенствования отечественного законодательства.

В соответствии с Федеральным законом от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) «под государственным контролем (надзором), муниципальным контролем в Российской Федерации (далее – государственный контроль (надзор), муниципальный контроль) в целях настоящего Федерального закона понимается деятельность контрольных (надзорных) органов, направленная на предупреждение, выявление и пресечение нарушений обязательных требований, осуществляемая в пределах полномочий указанных органов посредством профилактики нарушений обязательных требований, оценки соблюдения гражданами и организациями обязательных требований, выявления их нарушений, принятия предусмотренных законодательством Российской Федерации мер по пресечению выявленных нарушений обязательных требований, устранению их последствий и (или) восстановлению правового положения, существовавшего до возникновения таких нарушений» [1].

Исходя из анализа научной литературы следует отметить следующее. В. В. Дьяконов, исследуя сущность и содержание контроля в системе функций государства, рассматривает «контроль как деятельность государственных органов по обеспечению целесообразного и эффективного функционирования государства и общества посредством установления соответствия фактического состояния общественных отношений социальным, прежде всего, юридическим установлениям» [4, с. 23].

Т. М. Белякина определяет «контроль как форму юридической деятельности уполномоченных органов и лиц, сущность которого заключается в проверке соответствия результатов заданным параметрам. Содержание же, по мнению ученого, состоит еще и в анализе результатов воздействия субъектов управления на управляемые объекты; в выявлении степени отклонения от поставленных целей и запланированных результатов; в непосредственном принятии мер по устранению этих отклонений и привлечении к ответственности виновных» [2, с. 28].

Муниципальный контроль можно определить как деятельность органов местного самоуправления (и уполномоченных должностных лиц), осуществляемую в пределах компетенции и в установленной законом процедуре, направленную на предупреждение, выявление и пресечение нарушений обязательных требований, связанных с вопросами местного значения и управлением муниципальной собственностью [3, с. 67].

К ключевым признакам исследуемого института относятся:

- публично-властный характер, выражающийся в наличии контрольных полномочий и возможности применения мер реагирования;
- локальная направленность – ориентация на общественные отношения, непосредственно затрагивающие муниципальное образование;
- нормативная обусловленность – осуществление в рамках компетенции, установленной федеральными и региональными актами и муниципальными правовыми актами;
- процедурность и гарантированность – наличие процессуальных рамок, обеспечивающих права контролируемых лиц;
- профилактическая доминанта – современная модель контроля предполагает приоритет предупреждения нарушений, а не карательное воздействие.

Муниципальный контроль в условиях реформирования контрольно-надзорной деятельности все более сближается с сервисной моделью управления: контроль акцентируется на снижении рисков вреда охраняемым ценностям (безопасность, благоустройство, имущество, права граждан), на консультировании и информировании.

Социально-правовая природа муниципального контроля состоит в следующем:

Рассмотрение муниципального контроля как социально-правового явления предполагает анализ взаимосвязи правовой формы и социального содержания.

Правовая составляющая выражается в том, что контроль:

- основан на законе и подзаконном регулировании;
- реализуется через установленные процедуры (проверочные мероприятия, обследования, выдачу предписаний, меры административного воздействия и др.);
- подчинен принципам законности, соразмерности, обоснованности, равенства и защиты прав контролируемых лиц.

Социальная составляющая проявляется в том, что контроль служит интересам местного сообщества, обеспечивая:

- безопасность и комфорт среды проживания;
- сохранность и эффективное использование муниципального имущества и ресурсов;
- справедливое распределение благ и ограничение недобросовестных практик;
- доверие жителей к институтам власти через прозрачность, предсказуемость и результативность.

Муниципальный контроль можно понимать как своего рода «социальный контракт» между местной властью и населением: граждане ожидают поддержания порядка и защиты общественных интересов, а органы местного самоуправления, реализуя контроль, обязаны действовать строго в правовых рамках и обеспечивать открытость и подотчетность.

Функции муниципального контроля как социально-правового механизма определены следующим:

Функциональная характеристика муниципального контроля позволяет показать, каким образом его правовая форма превращается в социальный результат. Во-первых, охранительная функция: защита общественных отношений от нарушений (например, в сфере благоустройства, землепользования, использования муниципального имущества). Во-вторых, профилактическая функция: предупреждение нарушений через информирование, консультирование, предостережения и иные меры, снижающие административную нагрузку при сохранении управленческой эффективности. В-третьих, регулятивная функция: упорядочение поведения участников

местных отношений путем формирования устойчивых стандартов добросовестного поведения и взаимодействия. В-четвертых, коммуникативная функция: обеспечение обратной связи между населением, бизнесом и органами власти. Муниципальный контроль фиксирует проблемные зоны городской среды и преобразует социальные сигналы (жалобы, обращения, данные мониторинга) в управленческие решения.

В-пятых, легитимирующая функция: законное и прозрачное осуществление контроля укрепляет доверие и способствует восприятию муниципальной власти как работающего института.

Таким образом, обозначим некоторые проблемные аспекты правового регулирования и правоприменения. Несмотря на значимость муниципального контроля, в его реализации сохраняется ряд проблем.

– Во-первых, неопределенность и фрагментарность регулирования. В отдельных сферах обязательные требования и компетенция муниципалитета описаны неодинаково подробно, что затрудняет единообразие практики и создает риски оспаривания решений.

– Во-вторых, кадрово-организационные ограничения. На уровне муниципалитетов часто наблюдается дефицит специалистов, высокая нагрузка, недостаток методической поддержки. Это ведет к формализму: проверка фиксирует нарушения, но не всегда решает социальную проблему, лежащую в ее основании.

– В-третьих, риск «карательного перекоса». При доминировании санкционного подхода контроль воспринимается населением и бизнесом как давление, что снижает готовность к добровольному соблюдению требований.

– В-четвертых, недостаточная цифровизация и слабая интеграция данных. Без достоверной аналитики и цифровых каналов обратной связи контроль не может быть риск-ориентированным и адресным.

– В-пятых, проблема соразмерности вмешательства. Муниципальный контроль, будучи частью публичной власти, обязан соблюдать баланс между общественной пользой и минимизацией административных барьеров. Нарушение этого баланса трансформирует социальную функцию контроля в источник конфликтности.

Таким образом, рекомендуем следующие направления совершенствования муниципального контроля. Развитие муниципального контроля целесообразно рассматривать как переход к модели «умного контроля», в которой право служит достижению измеримых социальных результатов.

К основным направлениям можно отнести:

- усиление профилактики: консультации, разъяснения, предостережения, чек-листы, обучение подконтрольных субъектов;
- внедрение риск-ориентированного подхода: приоритизация объектов и мероприятий контроля в зависимости от вероятности и тяжести возможного вреда;
- цифровизацию процедур: электронные уведомления, фиксация результатов в информационных системах, использование фото- и геоданных, открытые реестры предписаний и итогов;
- развитие механизмов общественного участия: учет обращений граждан, инициативные проекты, общественные обсуждения муниципальных правил, публичная отчетность;
- повышение стандартов правовых гарантий: прозрачные регламенты, понятные сроки, доступность обжалования, стандарты доказательств, оценка соразмерности мер реагирования;
- методическая поддержка муниципалитетов: единые рекомендации, обучение, типовые регламенты, обмен практиками между территориями.

На основании вышеизложенного резюмируем, муниципальный контроль как социально-правовое явление представляет собой не только юридический механизм обеспечения соблюдения обязательных требований, но и социальный институт, обеспечивающий качество жизни, безопасность и справедливость на местном уровне. Его ключевая особенность – необходимость постоянно поддерживать баланс между публичным интересом и правами контролируемых лиц.

Таким образом, эффективность муниципального контроля следует оценивать не только по количеству выявленных нарушений, но и по социальным результатам: снижению повторных нарушений, улучшению городской среды, росту доверия населения и снижению конфликтности.

Перспективы развития связаны с профилактической, риск-ориентированной и цифровой трансформацией контроля при укреплении гарантий законности и открытости.

Библиографический список

1 О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) : федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собр. законодательства РФ. 03.08.2020. – № 31 (часть I). – Ст. 5007.

2 Бялкина Т. М. О некоторых вопросах определения, правовой регламентации и практической реализации муниципального контроля / Т. М. Бялкина // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. – 2019. – № 2. – С. 35–37.

3 Грибоедова О. В. Понятие и правовая сущность муниципального контроля / О. В. Грибоедова // Молодой ученый. – 2022. – № 46 (441). – С. 200–203.

4 Дьяконов В. В. Контроль и надзор в системе функций государства: теоретический аспект : дис. ... канд. юрид. наук / В. В. Дьяконов. – Москва, 2006. – С. 11.

5 Кулаев А. Р. Муниципальный контроль в Российской Федерации / А. Р. Кулаев // Кронос. – 2019. – № 6 (33). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/munitsipalnyy-kontrol-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 14.01.2026).

Е. Д. Криволапова, П. А. Королев

ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ УМАЛЕНИЮ ГЕРОИЗМА ЗАЩИТНИКОВ ОТЕЧЕСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются средства правового противодействия умалению героизма защитников Отечества. Соответствующий правовой механизм актуализируется обстоятельствами, складывавшимися на протяжении длительного периода времени как в самой России, так и за ее пределами.

Ключевые слова: защита Отечества, подвиг, героизм.

Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 года № 809 утверждены «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В данном документе обозначен стратегический национальный приоритет «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти».

Также в Указе обозначены сами традиционные ценности, например, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

Люди преодолевают собственный страх и рискуют своей жизнью, чтобы помочь другим или спасти то, что им дорого. Такой поступок называется подвигом. Подвиг – это действие, направленное на изменение негативного хода вещей к лучшему во имя людей [1, с. 49]. Человек, совершающий подвиг, становится героем, а само данное явление называется героизмом. В России патриотизм и героизм относятся к основополагающим принципам конституционного строя государства. В Конституции Российской Федерации закрепляются важность подвигов народа при защите Отечества (ст. 67.1, п. 1).

Способами умаления героизма защитников Отечества может выступать ложная информация, распространяемая в СМИ, дискредитация вооруженных сил РФ, осквернение воинских мемориалов и прочие действия, подрывающие целостность духовного единства российского народа.

Подобное воздействие может привести к разрушению системы традиционных духовно-нравственных ценностей российского народа, культивированию эгоизма, вседозволенности, безнравственности, отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству и т. д. Поэтому в рамках противодействия такой неправомерной деятельности в отношении подвигов народа при защите Отечества предусмотрены различные виды юридической ответственности.

Так, например, ст. 59 Конституция РФ устанавливает обязанность для граждан России защищать Отечество. Уклоняющиеся от ее выполнения лица преследуются в административном (ст. 21.5 КоАП РФ) и уголовном порядке (ст. 338 УК РФ). В первом случае за неисполнение гражданами обязанностей по воинскому учету назначается административный штраф. Во втором случае за дезертирство полагается лишение свободы на срок от 5 до 15 лет.

Ст. 243.4 УК РФ запрещает уничтожать, повреждать или осквернять воинские захоронения, объекты, увековечивающие память погибших при защите Отечества и т. д. За любые проявления вандализма предполагаются штрафы, обязательные или принудительные работы, лишение свободы.

Ст. 354.1 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за реабилитацию нацизма, а также за распространение заведомо ложной информации о деятельности ветеранов Великой Отечественной войны. Подобные деяния наказываются уголовными штрафами, принудительными работами, лишением свободы, лишением права занимать должность или заниматься определенной деятельностью.

Дискредитация вооруженных сил РФ и распространение заведомо ложной информации о них, равно как и аналогичные действия в отношении лиц, содействующих ВС РФ, пресекаются по ч.1 ст. 207.3, ч.1 ст. 280.3 и ч. 2 ст. 280.3 УК РФ (штраф до 5 млн рублей и лишение свободы на срок от 5 до 15 лет), а также по ст. 20.3.3 КоАП РФ (налагаются административные штрафы).

Федеральный закон № 22-ФЗ от 28 февраля 2007 года устанавливает 9 декабря День Героев Отечества, в память об учреждении 9 декабря

1769 года Екатериной II Ордена Георгия Победоносца, которым награждались воины, проявившие доблесть в бою.

Таким образом, в современной России наблюдается системная и целенаправленная деятельность по созданию механизма правового противодействия попыткам умаления героизма защитников Отечества. В данный механизм входят как конституционные нормы и федеральные законы, так и разнообразные меры юридической ответственности для нарушителей.

Библиографический список

1 Трофимова А. В. Общечеловеческая и историческая семантика подвига / А. В. Трофимова // Вестник Том. гос. ун-та. – 2007. – № 303. – С. 49–50.

Е. Д. Криволапова, П. А. Королев

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ НЕОФАШИЗМА ВОПРЕКИ ЕГО ОСУЖДЕНИЮ НА НЮРНБЕРГСКОМ ТРИБУНАЛЕ

Аннотация. Несмотря на осуждение фашизма и нацизма на Международном трибунале в Нюрнберге, в настоящее время неофашизм не только существует, но и поддерживается в некоторых государствах властью. Данное обстоятельство является не только политическим инструментом эскалации международных отношений, но и нарушением основополагающих принципов международного права.

Ключевые слова: Нюрнбергский процесс, международное право, неофашизм.

Создание Нюрнбергского Трибунала повлияло на развитие международного права, в частности уголовного права. Появилась новая модель судебного разбирательства, были определены основные наказания главных военных преступников европейских государств. Соблюдались предусмотренные Трибуналом процессуальные гарантии подсудимым. Главной целью трибунала являлось утверждение справедливого и быстрого суда. Эти новшества после воплотились в общепризнанные принципы международного права.

Нью-йоркский юрист М. Бернейс занимался подготовкой проекта судебного преследования нацистских военных преступников после Второй Мировой войны. Его план предполагал, что должны подвергнуться суду национал-социалистические учреждения. Сам М. Бернейс говорил: «Союзники всегда были единодушны в том, что хорошо организованные судебные процессы гораздо предпочтительнее военно-полевых судов и казней на месте, фашистские мифы с большей вероятностью будут распространяться, если обвиняемым не будет предоставлена возможность выступить в суде, и в любом случае осуждать даже самых незначительных преступников без суда – это неправильно» [3, с. 56]. Его проект претерпел многочисленные поправки и обсуждения, но все же был одобрен президентом Г. С. Трумэном и стал фундаментом для всего Нюрнбергского процесса.

Во второй главе Устава Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (это было полное название Международного Трибунала – прим. авторов) указаны юрисдикция и общие принципы Нюрнбергского Трибунала. Например: преступления против мира, военные преступления и т. д. Эти положения влекли за собой индивидуальную ответственность. В четвертой главе указаны процессуальные гарантии для подсудимых, которые поддерживали обеспечение справедливого суда над ними [7].

Предлагалось судить немецких обвиняемых по практически неизвестному в законодательстве Германии и в международном праве обвинению. В военные годы не было получено поручения о как таковых предупреждений или наказаний потенциальным военным преступникам. В международном праве обычные военные преступления были широко известны, но союзники не сообщали о судебных наказаниях за подобные деяния. В мире осуждали такие необдуманно принятые решения, которые субъективно признавали те или иные действия преступными. Поэтому в отношении справедливости международного права был положен такой принцип, как презумпция невиновности, что входило в систему не только международного, но и других отраслей права.

Нюрнбергский процесс радикально поменял принципы международного права того времени. В результате него было принято множество международно-правовых документов, которые используются до сих пор для борьбы с терроризмом и экстремизмом.

В глазах немцев Трибунал не был судом справедливым и законным, немцы были склонны воспринимать Нюрнбергский процесс как месть победителей. Из-за обратной силы закона и философско-правового характера некоторых положений Устава Международного Трибунала противодействие силам неонацистов не оказывалось, а лишь формально закреплялось. Конечно, формирование принципов международного уголовного правосудия и индивидуальная ответственность за преступления давали толчок для размышления над проблемами фашизма, но преступления против человечности, которые прописаны в Уставе, не затрагивали неонацизм в его других аспектах. Например, в Уставе имеются положения о применении насилия по расовому, этническому и религиозному признаку, которое выражается в убийстве, истреблении гражданского населения до или во время

войны (статья 6, пункт с), и больше никакого упоминания о других проявлениях неофашизма, что препятствует решению вопросов, связанных с такой противоправной деятельностью.

Неофашизм – это крайне правая идеология в послевоенный период, которая включает в себя идеи национального превосходства и расизма [4, с. 17]. Несмотря на то, что Нюрнбергский процесс осудил фашизм, движения неофашистов продолжают появляться и распространяться.

Неофашистские движения в современном мире, как правило, являются маргинальными: они не побеждают на выборах и не пользуются широкой общественной поддержкой. Однако нельзя утверждать, что так будет всегда. Если вспомнить историю Второй Мировой войны, то фашисты и нацисты пришли к власти на волне сильнейших экономических кризисов (после Первой Мировой войны и «Великой депрессии» соответственно). В связи с этим, если в обозримом будущем случится аналогичный затяжной и глубокий экономический кризис, который наложится, например, на взрывоопасную ситуацию с мигрантами в Европе, то нельзя исключать роста неофашизма и прихода его представителей к власти.

На данный момент неофашистские проявления на уровне государственной политики фиксируются в отдельных европейских государствах: в Эстонии, в Латвии [6, с. 97], на Украине [2, с. 113]. В этих государствах не пресекается чествование участников добровольческих формирований СС – организации, осужденной на Нюрнбергском трибунале, не пресекается демонстрация советской символики, не осужденной на уровне международного права. При этом в законодательстве отмеченных государств одинаково осуждаются национал-социализм и коммунизм. На Украине отдельные вооруженные формирования открыто используют нацистскую и советскую символику, что не пресекается политическим руководством государства. Логика возрождения неофашизма вдоль границ России позволяет предположить, что данный процесс является целенаправленным и управляемым. Целью его выступает втягивание Российской Федерации в военные конфликты с неофашистскими русофобскими режимами по периметру своих границ для разрушения как российской, так и европейской экономик, а возможно, и самих государств. С правовой точки зрения возрождение неофашизма произошло благодаря политике «двойных стандартов» США, нанесшей непоправимый ущерб авторитету международного права.

Таким образом, с правовой точки зрения, то, что сегодня происходит на Украине, в Эстонии и в Латвии, – это нарушение основополагающих принципов международного права, закрепленных на Нюрнбергском трибунале. Его решения были окончательны, а реабилитация и героизация осужденных ими нацистов и фашистов есть международное преступление само по себе.

Библиографический список

1 Конярова Ж. К. Нюрнбергский процесс: зарождение международных стандартов, гарантирующих право на справедливое судебное разбирательство / Ж. К. Конярова, Н. Ю. Решетова // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2011. – № 2 (22). – С. 19–24.

2 Лучкина Т. А. Украинский неофашизм – от истоков до денацификации / Т. А. Лучкина // Денацификация: история и современность. материалы Всероссийской научной конференции. – Донецк, 2024. – С. 111–114.

3 Нечаев С. Ю. Нюрнбергский процесс / С. Ю. Нечаев. – Москва : АСТ, 2023. – 281 с.

4 Сальников Е. В. Неофашизм и философско-правовые проблемы Нюрнбергского трибунала / Е. В. Сальников // Среднерусский вестник общественных наук. – 2012. – № 4–1. – С. 14–17.

5 Смирных С. Е. Значение Нюрнбергского процесса для дальнейшего развития международного права / С. Е. Смирных // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 3. – С. 163–166.

6 Шадрин А. В. Возрождение национализма и профашистские тенденции в Прибалтике / А. В. Шадрин, Д. А. Никонов // Государство и безопасность: исторические, правовые и экономические проблемы : сборник материалов научных трудов. – Белгород, 2025. – С. 95–99.

7 Устав Международного военного трибунала // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Москва : Политиздат, 1955. – № 11. – С. 166–183.

УДК 343.253

Т. С. Козлова

Научный руководитель: советник юстиции, ст. препод.

Л. В. Предеина

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ НАЦИСТАМИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, И ПРОЯВЛЕНИЕ НЕОНАЦИЗМА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению и анализу преступлений, совершенных нацистами в годы Великой Отечественной войны, предусмотренным мерам ответственности, а также проявлениям неонацизма в современном мире и способам противодействия данному явлению.

Ключевые слова: военные преступления, геноцид советского народа, фальсификация истории и реабилитация нацизма, противодействие неонацизму.

В мае 1945 года Советский народ одержал победу в Великой Отечественной войне. 80 лет прошло с той памятной даты, но следы преступлений нацистов в отношении мирного населения и военнопленных находят на нашей земле до сих пор.

В современном обществе объемы информации безграничны, и человек, в силу возможности манипулирования его сознанием, беззащитен перед многочисленными информационными атаками, в связи с чем считаем выбранную тему актуальной. Признание геноцида советского народа в годы Великой Отечественной войны на юридическом уровне послужит неоспоримым доказательством для мирового сообщества, что СССР был основной жертвой агрессии германского нацизма, и одновременно станет эффективным инструментом противодействия попыткам западных государств исказить и даже фальсифицировать итоги Второй мировой войны.

Для обеспечения устойчивого будущего Российской Федерации критически важно не допустить фальсификации истории, стремления оправдать или реабилитировать преступления нацистов. Эта задача имеет особое

значение не только для настоящего и прошлого, но и для будущего нашей страны. На сегодняшний день поисковые отряды различных организаций проводят раскопки не только на территории России, но и за ее пределами. Проводимые мероприятия позволяют выявить факты, ранее неизвестные истории или не подтвержденные вещественно.

Ранее выявленные факты показывают, что, руководство противника отдавало приказы, не отличавшиеся особой гуманностью по вопросам снабжения питанием населения оккупированных территорий и военнопленных. Вследствие действий нацистских оккупационных сил наблюдалось систематическое разграбление и хищение материальных ресурсов, включая жилой фонд, производственные мощности, продовольственные запасы и топливо. Данные действия имели катастрофические последствия для населения оккупированных территорий Советского Союза, приводя к массовому голоду и смертности. Не менее разрушительным было и уничтожение культурного наследия: были разграблены и уничтожены научные и художественные учреждения, исторические памятники, школы, больницы, религиозные объекты.

В период оккупации немецкие власти с чудовищной жестокостью истребляли мирное население и советских военнопленных. Специальные немецкие формирования применяли различные способы уничтожения: от расстрелов и повешения, до отравления ядовитыми газами и заражения инфекционными болезнями. Предварительно советских людей заставляли выполнять изнурительные каторжные работы, часто их выгоняли на разминирование дорог, а также подвергали истязаниям и пыткам [3].

Карательные подразделения были закреплены за конкретными зонами ответственности.

В Орловской области, где во время оккупации было уничтожено около 50 тыс. мирных граждан и более 370 тыс. военнопленных, действовал карательный отряд «Украинская компания» под командованием Николая Гетмана. Отряд был сформирован в мае 1942 г. и в большинстве своем состоял из выходцев с Украины. Каратели занимались подавлением партизанского движения и массово уничтожали мирное население, в первую очередь, людей, которые по старости, малолетству или болезни не могли быть использованы в качестве рабской силы. [5, с. 40].

Во всех представленных эпизодах прослеживается один фашистский почерк:

- группы формировались по этническому признаку;
- группами проводились карательные операции с полным уничтожением людей и имущества;
- преступления характеризовались особой жестокостью.

Тяжесть совершенных преступлений и их разрушительные последствия не остановили военных преступников от попыток избежать ответственности. Используя поддельные документы, они безнаказанно продолжали свою жизнь после войны на территории Германии и ее бывших союзников, территории Советского Союза, включая и территорию Курганской области.

Результаты экспертиз останков служат очередным неопровержимым доказательством того, что действия нацистского режима, проявлявшиеся в карательных операциях против мирного населения и военнопленных, – не вымысел, а факт. Геноцид – это не только массовое физическое уничтожение людей определенной этнической принадлежности, но и целенаправленное разрушение самобытности и самосознания данного этноса.

Наравне с иными фактами, доказывающими преступления немецко-фашистских захватчиков, большую значимость представляют доказательства в виде материалов, рассекреченных Федеральной службой безопасности России, Министерством внутренних дел России, Министерством обороны и рядом других органов.

Так, органами государственной безопасности в 1972–1973 гг. шесть преступников были найдены и преданы суду. Почти все из них на протяжении почти 30 лет после тех страшных событий вели мирную благопристойную жизнь и ничем не отличались от обычных граждан.

Энн Иоханович Оодла, 1909 г. р., был взят в плен чехословацкими партизанами. Находился в фильтрационном лагере, скрыл свою карательную деятельность. В 1946 г. вернулся в Тарту, работал печником в различных организациях. Женился, в браке имел совершеннолетнюю дочь.

Вальтер Юганович Кукк, 1923 г. р., служил в немецкой армии до 31 марта 1945 г. Находился в фильтрационном лагере до 7 сентября 1946 г. А уже с 6 декабря 1946 г. по 8 февраля 1949 г. служил в Советской армии. Затем работал в Нарве водителем. Характеризовался положительно. Был несколько раз в браке, на момент ареста имел несовершеннолетнего сына [4, с. 89].

Военное положение неизбежно внесло коррективы в законодатель-

ство Советского Союза. С целью привлечения к ответственности за преступления против советского гражданского населения и пленных красноармейцев, Президиум Верховного Совета СССР принял Указ № 39 от 19.04.1943. На основании Указа был расширен круг лиц, подлежащих ответственности. Помимо военнослужащих немецкой армии и их союзников в него были включены советские граждане, замеченные в шпионаже и измене Родине.

В соответствии с положениями данного документа, пункт первый устанавливает, что наказанию подлежат «иностранные преступники – граждане стран оси: Германии, Италии, Венгрии, Финляндии, Румынии». Для данной категории преступников предусматривалась смертная казнь через повешение. Пункт второй документа определяет наказание в виде каторжных работ на срок от 15 до 20 лет для «пособников из местного населения, уличенных в оказании содействия злодеям». Вынесение приговоров в обоих случаях осуществлялось военно-полевыми судами.

Изменения законодательства продолжились и в послевоенное время. В Указе от 4 марта 1965 года №3332-VI «О наказании лиц, виновных в преступлениях против мира и человечности и военных преступлениях, независимо от времени совершения преступлений» Президиум Верховного Совета СССР в соответствии с общепризнанными принципами международного права, нашедшими свое выражение в Уставе Международного Военного Трибунала и в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН, постановил: «Нацистские преступники, виновные в тягчайших злодеяниях против мира и человечности и военных преступлениях, подлежат суду и наказанию независимо от времени, истекшего после совершения преступлений».

В Российской Федерации на сегодняшний день приняты важные нормативные акты, направленные на обновление уголовно-правовых механизмов противодействия искажениям исторической правды. В Уголовный кодекс Российской Федерации – раздел «Преступления против мира и безопасности человечества» – включены статьи, предусматривающие ответственность за геноцид, а также планирование, подготовку, развязывание или ведение агрессивной войны. В целях защиты исторической памяти Федеральным законом от 5 мая 2014 года № 128-ФЗ Уголовный кодекс РФ был дополнен статьей 354.1 – «Реабилитация нацизма». Цель статьи – пресечь попытки исказить правду о подвиге советского народа в годы Второй мировой войны и не допустить повторения тех страшных событий.

За прошедшие три года Следственным комитетом Российской Федерации возбуждено более 350 уголовных дел, по 199 из них расследование завершено. Возбужденные дела связаны с расследованием фактов массовых убийств советских граждан в годы Великой Отечественной войны.

Все преступления, совершенные в отношении мирного населения и пленных красноармейцев нацистами и их пособниками, признаны российскими судами в период с 2022 по 2025 гг. геноцидом советского народа, который осуществлялся в 1941–1945 гг. на территориях, относящихся на сегодняшний день к более чем 33 субъектам Российской Федерации. Количество жертв геноцида советского народа составило 6 млн 862 тыс. 890 человек [2].

Уголовное законодательство Российской Федерации защищает честь героев Отечества и память о них. Ответственность предусмотрена за осквернение символов воинской славы, оскорбление памяти защитников Отечества и унижение чести и достоинства ветеранов Великой Отечественной войны, в том числе совершенные публично.

Отметим, что роль уголовного права в противодействии реабилитации нацизма и фальсификации истории переоценить трудно. Ответственность за такого рода деяния существует в уголовном законе с 2014 г. Особо важно отметить то, что с каждым годом количество деяний в сфере реабилитации нацизма растет (в 2019 г. зарегистрировано 13 уголовных дел о преступлениях, в 2022 г. – 69, за первое полугодие 2025 года более 100 человек привлечены к уголовной ответственности) [1, с. 50].

Судебная практика в этой области разнообразна.

Так, Верховный суд Республики Дагестан вынес приговор двум жительницам региона по ч. 4 ст. 354.1 УК РФ (оскорбление памяти защитников Отечества, совершенное публично).

В судебном заседании было установлено, что в 2023 году женщины в Центральном парке культуры и отдыха имени Ленинского комсомола города Махачкалы в присутствии прохожих стали варить кофе в двух турках на пламени Вечного огня перед памятником Воину-освободителю, посвященному борьбе с фашизмом. Осужденным назначено наказание в виде штрафа в размере 2 млн рублей каждой.

Другим примером служит приговор, вынесенный Свердловским областным судом в отношении 19-летнего уроженца Узбекистана по делу о реабилитации нацизма (ч. 3 ст. 354.1 УК РФ). 28 июня 2025 года молодой

человек в Среднеуральске осквернил мемориал и оскорбил память защитников Отечества, совершая недопустимые действия возле символа Победы (прикурил сигарету от вечного огня). Судом назначено наказание в виде обязательных работ на срок триста двадцать часов.

Курганский областной суд вынес приговор в отношении 30-летнего иностранного гражданина. Он признан виновным по ч. 3 ст. 354.1 УК РФ. Установлено, что мужчина, находившись в состоянии алкогольного опьянения, 01.03.2023 около 5 часов 40 минут умышленно совершил противоправное деяние у Обелиска Победы в память курганцев, погибших в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, расположенного в г. Кургане по ул. Пушкина, 137а (прикурил сигарету от открытого пламени и стал танцевать в указанном месте). Суд назначил ему наказание в виде штрафа в размере 2 млн рублей.

Также суд признал виновной по ч. 3 ст. 354.1 УК РФ жительницу города Кургана, которая в июле 2025 года, находясь в состоянии алкогольного опьянения, была задержана за танцы на Мемориальном комплексе воинам-зауральцам, погибшим в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века. Курганским областным судом ей назначен штраф в размере 1 миллиона рублей.

Резюмируя вышесказанное, приходим к выводу, что в современном правовом поле вопросы противодействия распространению нацистских идей среди молодежи становятся все более актуальными. М. Г. Левандовская указывает на общеевропейскую тенденцию к популяризации нацизма. Усиливающаяся лояльность к нацизму в Европе, ставшая очевидной в период Специальной военной операции России на Украине, создает потенциальные угрозы для российского общества и правовой культуры россиян.

Основными тенденциями распространения нацизма в современном обществе являются:

- 1 Распространение фактов реабилитации, пропаганды и оправдания нацизма и преступлений нацистских преступников. Расширение географии нацизма. Отмечается рост числа деяний, подпадающих под признаки статьи 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, причем эта тенденция прослеживается не только на территории нашей страны, но и в ряде других стран Содружества Независимых Государств.

- 2 Интернациональный характер реабилитации нацизма. Преступления в данной сфере все чаще совершаются представителями зарубежных

стран. Их действия, как правило, направлены на искажение исторической правды, замалчивание преступлений, совершенных нацистами в годы Второй мировой войны, в том числе для оправдания современной политики.

3 Усиление влияния социальных, политических, экономических и других факторов на возрождение нацизма.

Возрождение нацизма – это не абстрактная и маловероятная опасность, а реальность нашего времени, которая представляет угрозу национальной безопасности Российской Федерации и требует комплексных мер по недопущению ее распространения. Жители Курской области стали свидетелями бесчеловечной жестокости и неонацизма в различных его проявлениях. Украинские вооруженные формирования, наносившие целенаправленные удары по гражданским объектам, не щадили никого. Злодеяния совершены против мирного и безоружного населения. Все действия киевского режима детально фиксируются для привлечения виновных к ответственности.

Следовательно, введение нормы о реабилитации нацизма в Уголовный кодекс Российской Федерации актуально и своевременно, однако имеет определенные пробелы, которые в свою очередь могут привести к различным проблемам в правоприменительной практике.

В эпоху глобализации сети Интернет проблема реабилитации нацизма стоит весьма остро, так как попадающая в сеть информация мгновенно распространяется и размещается на различных платформах. В связи с чем предлагаем ужесточить ответственность за реабилитацию нацизма с использованием сети «Интернет» и внести соответствующие изменения в часть 2 и часть 4 статьи 354.1. УК РФ.

В целях недопущения дальнейшего распространения идей нацизма целесообразно создать на межгосударственном уровне систему противодействия, включающую в себя совокупность субъектов противодействия, и нормативные правовые акты, регулирующие их деятельность по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию реабилитации нацизма, а также по дальнейшему выявлению фактов геноцида советского населения на оккупированных территориях.

Также с учетом новых вызовов современности считаем небезосновательным дополнение диспозиции части 1 статьи 354.1 УК РФ формулировкой «отрицание геноцида советского народа в годы Великой Отечественной войны».

К приоритетным задачам относится и формирование у молодежи нравственных и патриотических качеств. В этом процессе ключевую роль играют образцы мужества и самопожертвования, продемонстрированные советским народом в годы Великой Отечественной войны, а также участниками Специальной военной операции. В связи с этим, необходимо активно работать над увековечением памяти героев, сохранением исторических памятников и обеспечением доступа к правдивым историческим материалам. Время, прошедшее с окончания войны, позволяет нам более глубоко осмыслить исторические события и создать непредвзятую картину преступлений нацистского режима.

Деятельность по противодействию военным преступникам и их пособникам в СССР была существенно поддержана органами контрразведки и НКВД, которые осуществляли документирование совершенных злодеяний и идентификацию их исполнителей. В наши дни установление фактов преступлений нацистов и геноцида советского народа является прерогативой ряда государственных структур. Их задача выходит за рамки уголовно-правовой квалификации, требуя также обоснования неразрывной связи этих деяний с преступлениями нацистской Германии, уже установленными приговором Нюрнбергского трибунала.

Намеренное искажение истории и распространение ложной информации о прошлом представляют собой форму вреда для молодого поколения, создавая серьезные риски для будущего страны, ее самобытности и национальной безопасности. Юридическое закрепление факта геноцида советского народа является инструментом противодействия возрождению нацистских идей, предотвращению фальсификации истории и осуждения нацистских преступлений против человечества, которые не имеют срока давности.

Библиографический список

1 Агапов П. В. Противодействие распространению нацизма и его реабилитации: тенденции / П. В. Агапов, К. В. Шевелева // Без срока давности. Преступления нацистов против человечности: история и современность : аналитические материалы Международного научно-практического форума. – Москва : Фонд «Историческая память», 2023. – С. 50–53.

2 Геноцид народов СССР: Судебные решения о признании геноцида народов СССР // Наука. Общество. Оборона. – URL: <https://www.no-journal.ru/genotsid-sovetskogo-naroda/> (дата обращения: 25.11.2025).

3 Интервью Председателя Следственного комитета России Александра Бастрыкина «РИА Новости» о расследовании геноцида народов Советского Союза в годы Великой Отечественной войны // Следственный комитет Российской Федерации. – URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/1550174/?print=1> (дата обращения: 13.11.2025).

4 Кузьмин В. Г. Эстонский след в преступлениях против мирного населения на оккупированных территориях в годы Великой Отечественной войны / В. Г. Кузьмин // Без срока давности. Преступления нацистов против человечности: история и современность : аналитические материалы Международного научно-практического форума.. – Москва : Фонд «Историческая память», 2023. – С. 89–93.

5 Никитин А. К. Роль органов прокуратуры в установлении и признании фактов геноцида советского народа в годы Великой Отечественной войны / А. К. Никитин // Без срока давности. Преступления нацистов против человечности: история и современность : аналитические материалы Международного научно-практического форума. – Москва : Фонд «Историческая память», 2023. – С. 40–43.

УДК 370.725.945.1

К. В. Коробов

Научный руководитель: канд. юр. наук, доц. А. Я. Неверов

МЕХАНИЗМЫ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПАМЯТНИКОВ И МЕМОРИАЛОВ ГЕРОЯМ ВОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Данная статья посвящена изучению механизмов правового регулирования памятников и мемориалов в Российской Федерации. В ней рассматриваются правовые механизмы государственной охраны и защиты исторической памяти о погибших в Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: памятники, мемориалы, историческая память.

В 2025 году Российская Федерация отметила знаменательную историческую дату – 80-летие победы в Великой Отечественной войне. Эта дата не только символизирует великий подвиг советского народа, сокрушившего нацистский режим, но и ставит перед современным обществом ответственную задачу – сохранить и защитить историческую память для будущих поколений. Для российской государственности, являющейся правопреемником СССР, защита исторической памяти – это нравственный долг и конституционная обязанность, закрепленная на высшем уровне правовой иерархии. Еще в 2023 году в рамках проекта «Мемориальное наследие Великой Отечественной войны», был создан единый реестр военных памятников героям ВОВ, расположенных на территории России [4, с. 132]. Тем самым, государство подчеркивает свое особое отношение к вопросу сохранения исторической памяти.

Конституция Российской Федерации содержит две ключевые нормы, формирующие правовую основу защиты памятников ВОВ. Ст. 44, ч. 3 устанавливает прямую обязанность для каждого гражданина Российской Федерации проявлять заботу о сохранении культурного, исторического наследия нашей страны, в том числе, беречь памятники. Эта норма преобразует нравственный императив в юридическое обязательство. В ст. 67.1 содержится очень важный принцип, являющийся основой организации государственной политики в области защиты национальной памяти о великом событии прошлого: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества,

обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается». Данная статья является правовой основой для борьбы с фальсификацией истории, создавая предпосылки для законодательного закрепления всех норм, касающихся защиты памяти о солдатах, которые пожертвовали своей жизнью в Великой Отечественной войне.

Федеральный закон от 14.01.1993 № 4292-І «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» был принят для воплощения в жизнь конституционного закрепления защиты исторического наследия, представляя собой комплексный механизм правовой защиты. Его ключевые статьи формируют многоуровневую систему охраны памятных объектов. В ст. 1 ФЗ-4292-І указано, что именно подлежит увековечению, включая в список своей охраны всех военнослужащих, выполнявших долг как на территории бывшего СССР, так и на территории других государств [1]. Тем самым, норма закрепляет экстерриториальность захоронений и гарантирует всеобщее значение исторической памяти для российского государства. Помимо этого, в ст. 2 ФЗ-4292-І перечислены виды увековечения памяти погибших в ВОВ с указанием статуса мемориальных музеев, памятных знаков на местах боевых действий и иных форм, создавая тем самым систему памятных объектов, включающую все возможные виды воинских захоронений.

В ст. 3 ФЗ-4292-І подробно перечисляются формы воинских захоронений. Так, в данный перечень входят: колумбарии и урны с прахом, места гибели боевых кораблей, воздушных судов, индивидуальные и братские могилы, в том числе и военные мемориальные кладбища. Полный перечень охватывает все возможные варианты захоронений, которые подлежат охране со стороны государства.

Для обеспечения содержания захоронений создается двухуровневая система ответственности, закрепленная в ст. 5 федерального закона. Местное самоуправление занимается охраной мемориалов на открытых территориях, тогда как на закрытых территориях, где расположены воинские гарнизоны, эти обязанности исполняют начальники гарнизонов. Закон также закрепляет обязанность установки информационных надписей, возлагаемую на федеральные органы, региональную власть и муниципалитеты в зависимости от ведомственной принадлежности объекта.

Ст. 6 вводит охранный режим для территорий захоронений. Согласно этой норме, необходимо, чтобы земляные работы, способные повредить воинские захоронения, а также любые дорожные и строительные знаки обязательно согласовывались с органами местного самоуправления для сохранения целостности.

В ст. 11 представлена информация, регламентирующая полномочия органов государственной власти Российской Федерации и в ее субъектов. Она также предоставляет соответствующую компетенцию органам местного самоуправления для организации работ по увековечению памяти погибших при защите Родины. Особые обязанности имеет уполномоченный федеральный исполнительный орган, отвечая за разработку государственных планов, программ, нормативных документов. Данный орган определяет правила финансирования всех связанных с мемориалами и памятниками мероприятий, ведет централизованный учет своей деятельности, создает реестр мемориальных сооружений, находящихся вне воинских захоронений, содержащих Вечный огонь и Огонь памяти. В его компетенцию также входит учет воинских захоронений и погибших военнослужащих. Отвечающим за данную деятельность органом выступает на текущий момент Министерство обороны Российской Федерации, что закреплено в ст. 1 Указа Президента РФ от 22 января 2006 года № 37 «Вопросы увековечения памяти погибших при защите Отечества» [5, с. 25].

Органы местного самоуправления обязаны поддерживать в надлежащем состоянии все расположенные на территории их округа воинские захоронения, мемориальные сооружения и памятники, посвященные погибшим защитникам Отечества на своих муниципальных территориях. От них требуется выполнение работ по уходу за иностранными захоронениями на территории России в рамках международного права. Например, Россия действует согласно «Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия», принятой ЮНЕСКО в 1972 году, и «Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта» от 1954 года, которые требуют защиты и охраны мемориальных памятников даже во время боевых конфликтов [3, с. 160]. Ст. 12 закрепляет принцип смешанного финансирования: расходы на увековечению памяти могут покрываться за счет федерального, регионального и местного бюджетов, а также добровольных пожертвований. Формулировка «могут осуществляться» создает дискреционные полномочия, а не обязанность.

Ст. 13 устанавливает принцип государственной охраны всех воинских захоронений и памятных сооружений, а также ответственность за их нарушение в виде административной, уголовной или иной ответственности.

Конституционные нормы и положения Закона № 4292-І дополняются и конкретизируются Федеральным законом от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». В закон включены все объекты историко-культурного наследия, в том числе военные мемориалы. Федеральный закон от 07.06.2025 № 142-ФЗ устраняет возникшие в течение многих лет проблемы, связанные с ненадлежащей охраной мемориальных сооружений и памятников, позволяя приспособить правовые основы к современным условиям, включающим частые проблемы с финансами у муниципалитетов. В измененном в 2025 году ФЗ-73 в ст. 6 указывается, что именно понимается под содержанием памятников. В эту деятельность входит обширный перечень возможных мер по уходу за данными сооружениями:

1) Во-первых, это могут быть инженерные системы – ремонт и замена поврежденных элементов, отвечающих за электро-, тепло-, газоснабжение, системы противопожарной защиты и общей безопасности, видеонаблюдения за участками. Для воинских мемориалов это особенно важно, поскольку в большинстве городов установлены «вечные огни», которые необходимо постоянно снабжать газом и следить за тем, чтобы они функционировали безопасно.

2) Во-вторых, для содержания мемориалов и памятников необходимо обеспечивать надлежащее и своевременное техническое обслуживание, то есть осуществлять ремонт необходимого для эксплуатации памятника оборудования в мемориальных музеях и иных местах, где расположены памятники. В этот перечень входит и обработка металлических деталей от коррозии, и биозащита деревянных конструкций, и все иные формы технического обеспечения, например, антикоррозийная обработка металлических стел или защита деревянных частей памятников.

3) В-третьих, обязательно проведение реставрационных работ, включающих локальный ремонт покрытий, штукатурных слоев, создании защитной окраски для кровли, проведение очистки монументов от загрязнений. Уход за мемориалами должен быть постоянным и своевременным.

4) В-четвертых, требуется благоустройство территорий возле мемориалов, то есть создание специализированных парков, площадей и иных территориальных форм, на которых должна обеспечиваться необходимая для перемещения и осмотра памятников инфраструктура. Земля должна быть ухожена – деревья подстрижены, растения скошены и так далее. Территории должны быть хорошо благоустроены, независимо от своего местоположения.

Важно отметить, что закон позволяет совершить перепланировку помещений в жилых домах, признанных объектами культурного наследия, однако проведение реконструкции воинских мемориалов часто бывает крайне дорогим и требует согласования с властями.

Стоит обратить внимание на то, что в законе установлен срок охраны объектов культурного наследия для своевременного оперативного реагирования на всю информацию о планируемых работах в виде семи дней. Поэтому муниципалитет и общественная организация, планирующие работы по содержанию памятника, должны сначала получить письменный положительный ответ на свои предложения, а только потом приступать к работе.

Система ответственности, намеченная ст. 13 Закона № 4292-І, получает развитие в ст. 243.4 УК РФ. Эта норма устанавливает специальную уголовную ответственность за посягательства на воинские захоронения и мемориальные объекты. Уголовный кодекс защищает воинские захоронения в России и за рубежом, памятники, стелы, обелиски, посвященные погибшим защитникам Отечества, мемориальные музеи и памятные знаки на местах боевых действий. В этот же список входят все объекты, значимые для дней воинской славы в нашей стране. За основной состав преступления предусматривается штраф до 3 млн рублей, принудительные работы до 3 лет или лишение свободы на тот же срок. Наказание строже, чем за обычный вандализм, поскольку закрепляет особый статус государственной поддержки мер по охране воинской памяти. Квалифицированные составы назначаются, если преступление совершено: организованной группой; в отношении памятников ВОВ периода 1941–1945 гг.; с применением насилия или угрозой его применения. Наказание по этим составам назначается в виде штрафа от 2 до 5 млн рублей, принудительных работы до 5 лет или лишение свободы на тот же срок. УК РФ создает мощный уголовно-правовой щит, но он направлен на реакцию на уже совершенные посягательства,

в то время как ФЗ-73 и ФЗ-4292-I призваны предотвращать такие посягательства через систему содержания.

На территории Зауралья насчитывается 951 памятное сооружение, посвященное героям ВОВ. В Кургане, в частности, находится 26 таких объектов. Однако анализ бюджетных документов выявляет системный пробел в правовом механизме. В Постановлении Главы города Кургана от 19.11.2025 № 117-гк предусмотрено выделение Департаменту социальной политики Администрации города всего 3500 тыс. рублей на «финансовое обеспечение затрат Курганской городской общественной организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов, связанных с организацией и проведением работы с ветеранами с целью патриотического воспитания молодежи в городе Кургане». [2]

Анализ выявленных правовых проблем позволяет заметить следующие недостатки существующей системы:

1 Делегирование основной ответственности: федеральный закон возлагает прямую ответственность на муниципалитет (ст. 5 Закона № 4292-I, ст. 6 ФЗ-73), но фактически не препятствует передаче полномочий общественной организации, что противоречит принципу публичности муниципальной власти и создает риск игнорирования сферы.

2 Недостаточность финансирования: сумма в 3,5 млн рублей на все мероприятия, связанные с памятью о ВОВ, от выплат ветеранам до организации патриотических мероприятий является весьма малочисленной для расходов на содержание, консервацию и реставрацию памятников.

3 Отсутствие таргетирования: бюджетная статья сформулирована расплывчато, средства направляются на работу с ветеранами и патриотическое воспитание, но не на прямое содержание памятников, что создает лазейки для ненаправленного использования и нарушает требования ст. 6 ФЗ-73 о целевом финансировании работ по содержанию памятников.

4 Процедурные нарушения: фактическое делегирование полномочий общественной организации способно привести к такому положению, когда уведомления о работах будут подаваться неуполномоченным лицом, а органы охраны в силу недофинансирования не смогут оперативно реагировать в семидневный срок.

Существующая модель создает риск формального выполнения конституционной обязанности. Для ее устранения необходимы следующие меры:

Во-первых, введение минимальных бюджетных стандартов. Необходимо закрепить в федеральном законодательстве (в ст. 12 Закона № 4292-1 и ст. 6 ФЗ-73) формулу минимального объема финансирования на основе количества памятных объектов на территории муниципалитета; их категории федерального, регионального, местного значения; стоимостных нормативов содержания, аналогичных нормативам в сфере ЖКХ.

Во-вторых, необходимо ужесточить административную ответственность за ненадлежащее содержание памятников, в т. ч. финансовые санкции для должностных лиц в размере до 50 % годового оклада. Стоит пресекать недостаточное выделение средств в размере ниже установленного норматива.

В-третьих, стоит ввести в бюджетную классификацию отдельную статью «Содержание памятников и мемориалов ВОВ» с запретом ее сокращения ниже уровня предыдущего года и обязательным ростом не ниже инфляции. Министерство обороны РФ как уполномоченный орган должно не только вести реестр, но и проводить выборочные проверки содержания объектов на местах, взаимодействуя с органами прокуратуры.

Восьмидесятилетие Победы – это не только повод для торжеств, но и момент истины для правовой системы. Конституция и три федеральных закона создали солидную правовую базу, но без механизмов принудительного исполнения и адекватного финансирования они рискуют стать декларациями. Перевод ответственности на общественные организации с минимальным бюджетом – это не эффективное правоприменение, а формальное соблюдение буквы закона в ущерб его духу. Защита памяти героев требует не только слов, но и конкретных финансовых обязательств, четкого распределения ответственности и эффективного контроля. В 2026 году законодателю предстоит доказать, что историческая память – это не предмет политической конъюнктуры, а неотъемлемая ценность, которую государство готово защищать не только на словах и уголовными санкциями, но и реальными бюджетными ресурсами, обеспечивающими ежедневный уход за каждым памятником.

Библиографический список

1 Российская Федерация. Законы. Об увековечении памяти погибших при защите Отечества : федеральный закон от 14.01.1993 № 4292-1 : ред. от 09.11.2024. – URL: <https://base.garant.ru/1583840/> (дата обращения: 12.11.2025).

2 О бюджете города Кургана на 2026 год и плановый период 2027 и 2028 годов : решение Курганской городской Думы от 24.12.2025 № 181. – URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/kurgan/2032507/> (дата обращения: 24.12.2025).

3 Уголовно-правовая оценка деяний, посягающих на мемориальные объекты: воинские захоронения, памятники, стелы, обелиски, мемориальные комплексы, посвященные событиям Великой Отечественной войны // Уголовное право. – 2020. – № 4. – С. 78–84.

4 Шаруева М. В. Правовые основы сотрудничества по сохранению исторической памяти о Великой Отечественной войне на пространстве СНГ / М. В. Шаруева // Великая Отечественная война в современной историографии стран СНГ : сборник учебно-методических и просветительских материалов / отв. ред. Е. И. Пивовар. – Москва, 2025. – С. 123–144. – URL: https://rsuh.ru/upload/main/ieivi/VOV_v%20sovr_istoriografii_SNG.pdf (дата обращения: 07.12.2025).

5 Егошин О. А. К вопросу о создании военного мемориального кладбища на территории Республики Марий Эл / О. А. Егошин // Марийский юридический вестник. – 2023. – № 1. – № 2(41). – С. 24–27.

А. Н. Миронова, К. А. Крашенинина

Научный руководитель: канд. юр. наук, доц. Е. А. Алексеева

ОНЛАЙН-ГРУМИНГ КАК УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье проводится комплексный криминологический и уголовно-правовой анализ онлайн-груминга как современной угрозы безопасности несовершеннолетних в цифровой среде. На основе социологического опроса и анализа эмпирических данных демонстрируются масштабы распространения этого явления в России и низкий уровень осведомленности о нем, несмотря на высокую способность респондентов интуитивно распознавать манипулятивные тактики. На примере кейса с участницами группы «Ранетки» раскрывается классическая схема манипулятивного воздействия, перерастающего в реальную эксплуатацию. Делается вывод о необходимости комплексного противодействия, сочетающего совершенствование законодательства, развитие цифровой грамотности и формирование доверительных отношений в семье.

Ключевые слова: онлайн-груминг, несовершеннолетние, киберпреступность, уголовная ответственность, профилактика.

В современную эпоху, характеризующуюся тотальной цифровизацией социальных взаимодействий, возникают принципиально новые формы общественно опасного поведения, требующие адекватного криминологического осмысления и уголовно-правового реагирования [2]. Одной из наиболее острых и скрытых угроз для психического и физического благополучия подрастающего поколения стал феномен, известный как онлайн-груминг. Исторически понятие «груминг» (от англ. grooming – «ухаживание», «подготовка») было адаптировано криминологической наукой в 1980-х годах для описания методик установления эмоционального контроля над несовершеннолетним с целью его последующей сексуальной вик-

тимизации. Развитие интернет-коммуникаций к началу XXI века трансформировало классическую схему, породив ее цифровую версию, отличающуюся глобальным охватом, анонимностью и повышенной латентностью [5].

Согласно данным современных исследований, подавляющее большинство российских детей в возрасте от 7 до 17 лет активно пользуются смартфонами и имеют аккаунты в социальных сетях. Эта постоянная включенность формирует обширное поле для злонамеренных действий [4]. Онлайн-груминг можно определить как преднамеренный, многоэтапный и систематический процесс, в рамках которого совершеннолетнее лицо использует информационно-телекоммуникационные сети (социальные сети, мессенджеры, игровые платформы) для формирования доверительных, эмоционально зависимых отношений с несовершеннолетним [3]. Конечной целью данного процесса является подготовка условий для последующей сексуальной эксплуатации жертвы. Высокая общественная опасность этого деяния обусловлена его глубоко манипулятивной природой, направленной на преодоление естественных психологических барьеров ребенка, и катастрофическими, долгосрочными психотравмирующими последствиями для его личности [9].

Сотрудник «Международного центра по проблемам пропавших и эксплуатируемых детей» (ИСМЕС) С. Марченко выделяет три психологических типа преступников, практикующих груминг: «ухаживающий», «приспосабливающийся» и «гиперсексуальный». Каждый из них использует специфическую стратегию взаимодействия с жертвой.

«Ухаживающий» грумер искренне верит в романтический характер своих отношений с несовершеннолетним, рассматривая все действия как взаимное согласие и не осознавая их противоправности. Вопреки стереотипу о скрытности таких преступников, данный тип не маскирует свою личность и ведет открытую коммуникацию. Он уделяет значительное время выстраиванию дружеской привязанности, и только после этого переходит к противоправным действиям. Его конечная цель – перенести отношения из виртуальной сферы в реальную жизнь.

«Приспосабливающийся» грумер считается наиболее опасным. Он использует множество фальшивых профилей, гибко подстраиваясь под интересы, язык и манеру общения каждой конкретной жертвы. Эта адаптивность делает его манипуляции высокоэффективными и трудными для распознавания.

«Гиперсексуальный» грумер сфокусирован преимущественно на получении от жертв материалов интимного характера (фото и видео). В отличие от «ухаживающего» типа, он не заинтересован в личных встречах. Для него характерна тактика скоротечного груминга, где для быстрого установления контакта и достижения цели могут использоваться несколько привлекательных для ребенка образов [8].

Статистические данные подтверждают масштабность и актуальность проблемы в российском цифровом пространстве. Как показывают исследования, значительный процент несовершеннолетних пользователей сталкивался с попытками установления подозрительных контактов со стороны незнакомых взрослых, причем во многих случаях эти попытки носили не разовый, а стратегический, настойчивый характер, направленный именно на завоевание доверия. Согласно данным «Лаборатории Касперского», каждый шестой российский ребенок сталкивался с угрозой онлайн-груминга. Более детальный анализ показывает, что 21 % несовершеннолетних пользователей получали запросы на дружбу от незнакомых взрослых в социальных сетях, при этом в 16 % случаев такие контакты носили систематический характер с целью втереться в доверие.

Парадоксальным образом при такой распространенности явления уровень его концептуального понимания в обществе остается низким. Проведенное анкетирование среди более 100 респондентов преимущественно молодого возраста (18–20 лет – 70 %) с юридическим образованием или получающих его (58 %) выявило противоречивую картину осведомленности о проблеме. Несмотря на актуальность проблемы, понятие «онлайн-груминг» было хорошо знакомо лишь 15 % респондентов до участия в опросе, в то время как 42 % слышали это слово, но не знали его точного значения, и еще 42 % не были знакомы с ним совсем. При этом интуитивное понимание «красных флагов» опасного общения продемонстрировали 86 % опрошенных, верно идентифицировав все предложенные манипулятивные тактики (настойчивые просьбы отправить интимные фото, обсуждение сексуальных тем, требование сохранения тайны и давление с целью организации личной встречи). Это свидетельствует о необходимости просветительской работы, несмотря на широкую распространенность явления [10].

Примером реализации описанного механизма груминга, переходящего в реальную эксплуатацию, является случай с участницами поп-группы «Ранетки», публично рассказавшими о систематических домогательствах со

стороны лиц из их продюсерского окружения. Продюсеры и руководители, которые занимались их карьерой, искусственно создавали отношения, как «семьи» и наставников. Все это формировало у молодых девушек чувство зависимости и слепого доверия, которыми в итоге злоупотребляли. Как отметила одна из участниц, это насилие не было прямым, а маскировалось под поддержку и заботу, что и является признаком груминга. После обсуждения личных переживаний 16-летней девушке дарили предмет интимного назначения, предлагали «посмотреть» на совершение полового акта и «принять участие».

Когда другая участница группы попыталась сообщить о домогательствах, ее обвинили во лжи, что усилило атмосферу безнаказанности для нарушителей и чувство беспомощности у пострадавших, полностью блокировав возможность защиты. Этот случай из реальной российской практики наглядно показывает, как онлайн- и офлайн-груминг, начавшись с психологической манипуляции, закономерно трансформируется в подготовку и совершение конкретных противоправных действий [6].

По данным эмпирического исследования, подавляющее большинство респондентов (95 %) считают занятия по распознаванию манипуляций в сети необходимыми. Наиболее эффективными мерами профилактики являются воспитание критического мышления (70 %), проведение специальных уроков (68 %) и повышение осведомленности родителей (60 %).

Согласно опросу, подростки с наибольшей вероятностью сообщают о подозрительном контакте близкому другу (74 %), но не родителям (9 %). Главными барьерами являются страх наказания (75 %), чувство стыда (68 %) и недостаток доверительных отношений (65 %). Наиболее эффективным методом защиты респонденты считают выстраивание открытых отношений с ребенком (72 %), а не строгий контроль (3 %).

Действующее законодательство РФ не содержит специального состава, криминализирующего онлайн-груминг как самостоятельное деяние. Этот пробел подтверждается позицией юридического сообщества: 57 % опрошенных специалистов указывают на недостаточность существующих норм, а 96 % поддерживают введение новой статьи.

Доказывание прямого умысла на совершение в будущем действий, квалифицируемых по ст. 134 или 135 УК РФ, на ранней «доконтактной» стадии груминга представляет значительную, часто непреодолимую процессуальную сложность.

Важно подчеркнуть, что онлайн-груминг по своей правовой природе – это не этап приготовления к преступлению против половой неприкосновенности, а самостоятельное общественно опасное деяние. Его суть заключается в намеренном злоупотреблении доверием ребенка и коррупции его воли в цифровой среде, что само по себе наносит серьезный вред психическому здоровью и нормальному развитию несовершеннолетнего. Статья 135 УК РФ не может полностью охватить это деяние, так как предполагает совершение развратных действий, имеющих внешний, объективно выраженный и очевидно сексуализированный характер [7]. Груминг же на критически важных начальных стадиях использует внешне «нейтральные» или «дружеские» методы коммуникации (постоянное общение, комплименты, обсуждение личных проблем, виртуальная поддержка), которые, однако, подчинены единой цели – установлению отношений контроля и зависимости для последующей эксплуатации.

Таким образом, логичным и обоснованным шагом в совершенствовании уголовного законодательства видится введение специальной нормы в рамках тренда по усилению уголовной ответственности за преступления, совершенные в отношении несовершеннолетних [1]. Целесообразно разместить ее в Главе 18 УК РФ («Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности») в качестве ст. 135.1. Эта новая норма призвана защищать смежный, но более ранний и уязвимый объект уголовно-правовой охраны – психологическую безопасность, эмоциональное благополучие и нормальное психосексуальное развитие несовершеннолетнего в цифровой сфере. Она обеспечит защиту от манипулятивного вовлечения в отношения, которые готовят почву для сексуальной виктимизации.

Предлагаемая конструкция состава преступления – ст. 135.1 УК РФ «Онлайн-груминг» – должна обладать следующими ключевыми характеристиками. Во-первых, состав должен носить формальный характер. Преступление должно считаться оконченным не с момента причинения физического вреда или совершения сексуальных действий, а с момента осуществления систематических, целенаправленных действий по установлению манипулятивных доверительных отношений, если при этом доказана специальная цель – последующее склонение этого несовершеннолетнего к действиям сексуального характера. Такой подход позволит правоприменителю пресекать опасную деятельность на ранней, доконтактной стадии, предотвращая реальную физическую виктимизацию несовершеннолетнего.

Во-вторых, специальная цель является обязательным элементом субъективной стороны и выполняет важнейшую разграничительную функцию. Она служит критерием, отделяющим уголовно наказуемый груминг от социально приемлемого или допустимого общения взрослого с ребенком в интернете (например, общения учителя с учеником, родственника с ребенком и т. д.). Доказывание этой цели должно производиться на основе совокупности объективных данных: детального анализа логики и динамики переписки (постепенная или резкая сексуализация беседы), изучения передаваемого контента (отправка материалов эротического или порнографического характера), фиксации настойчивых предложений о личной встрече, требований сохранения тайны общения от родителей. Криминализация самого процесса манипулятивного воздействия направлена на защиту психической целостности и безопасности несовершеннолетнего, что подтверждается общественным мнением, оценивающим такое психологическое насилие как сопоставимое по степени опасности с физическим воздействием.

На основании изложенного возможна следующая редакция статьи:

Статья 135.1. Онлайн-груминг

1 Установление совершеннолетним лицом доверительных, эмоционально зависимых отношений с несовершеннолетним с использованием сети «Интернет», средств мобильной связи, социальных сетей, мессенджеров, игровых платформ или иных информационно-телекоммуникационных сетей, совершенное в целях последующего склонения этого несовершеннолетнего к действиям сексуального характера, наказывается обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, либо ограничением свободы на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок.

2 То же деяние, совершенное:

а) в отношении заведомо несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста;

б) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

в) с использованием своего служебного положения;

г) лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, – наказывается лишением свободы на срок до шести лет с лишением права занимать

определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет.

3 Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они совершены в отношении двух или более несовершеннолетних, наказываются лишением свободы на срок до восьми лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пятнадцати лет.

Примечание. Под установлением доверительных отношений в целях, указанных в настоящей статье, понимаются систематические действия, направленные на преодоление естественной осторожности и психологических барьеров несовершеннолетнего, которые могут включать постоянное общение с выражением ложной заботы и понимания, обсуждение интимных тем и проблем, оказание виртуальной или материальной помощи (перевод денег, пополнение счета в игре), комплименты, требования сохранения тайны общения, давление с целью получения фотографий, видеоизображений интимного характера или организации личной встречи, но не ограничиваются этим.

Для единообразного применения новой статьи и ее связи с другими нормами целесообразно дополнить действующее Постановление Пленума ВС РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» следующими разъяснениями:

1 О толковании понятия «установление доверительных отношений» (онлайн-груминг). В Постановление Пленума следует включить разъяснение, раскрывающее содержание этого ключевого признака, по аналогии с предлагаемым примечанием к ст. 135.1 УК РФ.

2 О моменте окончания преступления. Необходимо закрепить правило, что состав преступления, предусмотренный ст. 135.1 УК РФ, является формальным и считается оконченным с момента фактического установления виновным указанных доверительных отношений с несовершеннолетним, при условии доказанности его специального умысла на последующее склонение потерпевшего к действиям сексуального характера.

3 О квалификации по совокупности. Требуется разъяснить, что если в процессе или после осуществления онлайн-груминга совершаются действия, образующие самостоятельный состав иного преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних (например, склонение к

действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ), половое сношение с лицом, не достигшим 16-летнего возраста (ст. 134 УК РФ), развратные действия (ст. 135 УК РФ)), то содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений (ст. 135.1 УК РФ и соответствующей статье за последующее оконченное посягательство).

Опыт зарубежных стран демонстрирует альтернативные, проактивные подходы к криминализации груминга, направленные на пресечение преступных намерений на самой ранней стадии. В Великобритании раздел 15 Закона о сексуальных преступлениях 2003 г. (Section 15 of the Sexual Offences Act 2003) криминализирует деяние, связанное с организацией или совершением поездки для того, чтобы увидеться с ребенком, после обговаривания встречи, если доказана цель совершения сексуальных правонарушений. Норма рассматривает путь преступника к жертве как оконченный состав преступления, за что предусмотрено лишение свободы. В США нет закона о груминге, но есть ст. 2422 Свода законов, которая запрещает использовать любые средства коммуникации для склонения несовершеннолетних к поведению интимного характера. Наказание по статье суровое – большие сроки лишения свободы. У американских интернет-платформ есть особенность – на них возлагается обязанность сообщать о подозрительной активности и материалах сексуальной эксплуатации в национальный центр.

В заключение, введение в Уголовный кодекс РФ статьи 135.1 «Онлайн-груминг» является необходимым для устранения существующего пробела в законодательстве. Проведенный анализ показал, что эффективно бороться с онлайн-грумингом можно только комплексным подходом. Сюда входит не только усовершенствование законодательства, но и повышение цифровой грамотности подростков. Лишь такой способ поможет реально защитить детей от цифровых угроз и позволит безопасно развиваться в современном обществе.

Библиографический список

1 Алексеева Е. А. Основные тенденции развития Уголовного законодательства России / Е. А. Алексеева // Уголовная политика : ценностные приоритеты и новеллы законодательства. – Тюмень : ТюмГУ-Press, 2025. – С. 67–74.

2 Алексеева Е. А. Состояние преступлений в сфере компьютерной информации: проблемы и перспективы / Е. А. Алексеева // Национальные экосистемы : сборник научных трудов по итогам проведения I–III Международных научно-практических конференций. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2023. – С. 634–642.

3 Бальмонд С. Долгий путь к насилию: что такое груминг и как его распознать / С. Бальмонд // Forbes. – 2023. – URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/538483-dolgij-put-k-nasiliu-cto-takoe-gruming-i-kak-ego-raspoznat> (дата обращения: 09.12.2025).

4 Взрослые и дети в интернете: аналитический отчет / Kaspersky. – 2023. – 15 с. – URL: https://kids.kaspersky.ru/files/13443_Brochure_KidsSecurity_2023.pdf (дата обращения: 09.12.2025).

5 Груминг: как манипуляторы обретают контроль над детьми // L!FE : медиаплатформа. – URL: <https://lmedianews.ru/gruming> (дата обращения: 09.12.2025).

6 Клементьева Е. Мы все держали в тайне»: экс-участница «Ранеток» Женья Огурцова – о насилии в группе / Е. Клементьева // Афиша Daily. – 2021. – 6 июля. – URL: <https://daily.afisha.ru/relationship/20222-my-vse-derzhali-v-tayne-eks-uchastnica-ranetok-zhenya-ogurcova-o-nasilii-v-gruppe/> (дата обращения: 09.12.2025).

7 Койчубекова А. А. Онлайн-груминг как новая форма сексуального насилия над детьми: правовая реакция и пробелы в законодательстве Республики Казахстан / А. А. Койчубекова, А. Р. Енсебаева // Проблемы права. – 2025. – № 1. – С. 45–52. – URL: <https://example.com/journal.pdf> (дата обращения: 09.12.2025).

8 Мазур А. А. Социально-криминологическое исследование интернет-груминга / А. А. Мазур // Вестник Российского университета кооперации. – 2020. – № 1 (39). – С. 101–105.

9 Онлайн-груминг // Википедия : свободная энциклопедия. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Онлайн-груминг> (дата обращения: 09.12.2025).

10 Онлайн-груминг: как защитить подростка // Официальный сайт Собрания представителей сельского поселения Большая Черниговка. – URL: https://b-chern05.samgd.ru/activity/gku_so_glavnoe_upravlenie_socialnoj_zashhity_nasel/259683/ (дата обращения: 09.12.2025).

О. Н. Крынецкая, А. Р. Салихова

Научный руководитель: канд. юр. наук, доц. О. В. Кузнецова

СОЦИАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ДЛЯ ЧЛЕНОВ СЕМЬИ УЧАСТНИКОВ СВО И ПРИРАВНЕННЫХ К НИМ ЛИЦ

Аннотация. В статье исследуется эволюция законодательства о поддержке участников СВО и их семей, начиная с мобилизованных лиц и постепенно распространяясь на контрактников, добровольцев и иные приравненные категории. Детально рассматривается формализованное понятие «члена семьи» в контексте различных льгот и выплат. Проводится сравнительный анализ федеральных и региональных норм (на примере законодательства Челябинской области), выявляющий дополнительные меры поддержки на местном уровне. В работе также обозначены системные проблемы в реализации гарантий, такие как дифференциация статусов, административные барьеры, дефицит комплексной реабилитации и недостаточная информированность получателей.

Ключевые слова: специальная военная операция (СВО), участники СВО, члены семьи, социальные гарантии, меры поддержки, льготы, выплаты, реабилитация, правовое регулирование.

Деятельность, связанная с прохождением военной службы во время проведения активных боевых действий, несет повышенную опасность для жизни и здоровья военнослужащих. Поэтому государство, в рамках реализации своей социальной функции, берет на себя материальные обязательства, связанные с поддержанием необходимого уровня жизни военных и их семей.

Семьи военнослужащих нуждаются в поддержке и защите не только со стороны государства, но также и со стороны гражданского общества, включая волонтерские организации. Необходимость в социальной поддержке военнослужащих и их семей обусловлена несколькими факторами. Во-первых, особый публично-правовой статус военнослужащего как субъекта, обеспечивающего оборону и безопасность государства, формирует завышенные социальные ожидания в отношении стандартов его поведения и

качества жизни, что требует соответствующей компенсации со стороны общества. Во-вторых, реализация профессиональных рисков зачастую приводит к критической ситуации – утрате кормильца, что влечет за собой резкое снижение социально-экономической устойчивости семьи. В данном контексте роль государственных и негосударственных социальных служб приобретает ключевое значение, выступая в качестве механизма, нивелирующего негативные последствия и отвечающего современным вызовам в сфере социального обеспечения.

С самого начала проведения специальной военной операции поддержка военнослужащих и их семей находится на особом контроле у государства. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» льготы полагались только тем, кто был мобилизован. Затем постепенно особые выплаты и льготы распространялись на военнослужащих-контрактников и добровольцев, принимающих участие в СВО. На данном этапе поднимается вопрос о том, какие лица могут быть приравнены к участникам СВО. Основные категории граждан, относящиеся к участникам СВО:

1 Добровольцы – граждане, заключившие контракт о добровольном содействии выполнению задач, возложенных на ВС РФ или войска национальной гвардии РФ. Их участие в боевых действиях регулируется Федеральным законом от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе».

2 Сотрудники иных государственных органов – лица, выполняющие задачи в зоне СВО по служебным обязанностям: сотрудники ФСБ, Росгвардии, полиции и других силовых структур. Их участие в боевых действиях регулируется Федеральным законом от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», Федеральным законом от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», Федеральным законом от 03.04.1995 № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» и иными ведомственными актами.

Указом Президента РФ от 31.07.2024 № 644 «О единовременной денежной выплате военнослужащим, проходящим военную службу по контракту в ВС РФ» установлена единовременная денежная выплата в размере 400 тыс. руб. В соответствии со ст. 3 Федерального закона от 07.11.2011 № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им

отдельных выплат», контрактникам, в том числе поступившим на военную службу из запаса, производится выплата подъемного пособия в размере одного оклада денежного содержания военнослужащего и одной четвертой оклада на каждого члена семьи.

Помимо основных категорий, правоприменительная практика и дальнейшее развитие законодательства выявили потребность в распространении мер социальной поддержки на дополнительные группы лиц, чья деятельность непосредственно связана с обеспечением специальной военной операции. К ним можно отнести работников оборонно-промышленного комплекса и иных лиц, выполняющих задачи в зоне СВО. Речь идет о гражданских специалистах, обеспечивающих ремонт вооружения и военной техники, логистику, строительство инфраструктуры и другие функции в районах проведения операции. Рассматривался законопроект под номером 501367-8, предполагавший изменение статьи 7 закона «О ветеранах», был направлен на закрепление статуса ветерана труда за лицами, работавшими в оборонно-промышленном комплексе во время специальной военной операции. Но данная законодательная инициатива была отклонена.

Также волонтеры, осуществляющие гуманитарную и иную поддержку в зоне СВО. Деятельность негосударственных, общественных и волонтерских организаций приобрела масштабный характер. Добровольцы, занимающиеся доставкой гуманитарных грузов, эвакуацией населения, оказанием психологической помощи, также подвергаются повышенным рискам. Вопросы их социального обеспечения, страхования и медицинской помощи в случае ранения остаются в значительной степени в сфере ответственности самих организаций и благотворителей, что указывает на пробел в системном государственном регулировании.

Законодательное определение круга членов семьи участников специальной военной операции имеет ключевое значение для реализации их права на социальные гарантии и меры поддержки. Исчерпывающий перечень лиц, относимых к членам семьи, устанавливается нормативными актами применительно к каждой конкретной выплате или льготе.

На основе анализа нормативно-правовой базы, в частности положений Федерального закона «О статусе военнослужащих» и смежных актов, к числу членов семьи участника СВО относятся следующие категории граждан: супруг или супруга, состоящие в официально зарегистрированном браке, несовершеннолетние дети (включая усыновленных и находящихся

под опекой или попечительством), совершеннолетние дети в возрасте до 23 лет, обучающиеся по очной форме в образовательных учреждениях, совершеннолетние дети, признанные инвалидами до достижения ими возраста 18 лет, нетрудоспособные родители и усыновители (пенсионеры, инвалиды), нетрудоспособные бабушка и дедушка при условии, что они воспитывали и содержали военнослужащего не менее трех лет в связи с отсутствием родителей, выступая в качестве официальных опекунов, нетрудоспособные отчим и мачеха, если они воспитывали и содержали военнослужащего не менее пяти лет до достижения им совершеннолетия, лица, фактически осуществлявшие воспитание (фактические воспитатели) при аналогичных условиях – не менее пяти лет содержания до совершеннолетия.

В отдельных исключительных случаях, предусмотренных указами Президента РФ (например, Указ № 355 от 06.06.2022), право на получение отдельных выплат может быть распространено на братьев и сестер (как полнородных, так и неполнородных) при отсутствии у участника СВО перечисленных выше членов семьи.

Возможность распространения социальных гарантий на иных лиц законодательством также предусмотрена, но осуществляется исключительно на основании специальных указов Президента Российской Федерации.

Таким образом, понятие «член семьи» в контексте поддержки участников СВО является формализованным и зависит от цели предоставления конкретной меры. При обращении за льготами необходимо сверяться с условиями, установленными для каждого вида поддержки в соответствующем нормативном правовом акте.

Как отмечается в исследованиях, система социальных гарантий участникам СВО и членам их семей представляет собой динамично развивающийся комплекс мер, формирующийся в режиме реального времени [6, с. 75–79].

Изначально сфокусированная на мобилизованных гражданах, она была последовательно распространена на контрактников, добровольцев, а также на членов их семей.

Авторы научных статей по данной теме выделяют основные направления социальной поддержки, которые условно можно разделить на несколько блоков:

Во-первых, финансовые (денежные) выплаты. Данный блок включает как единовременные, так и регулярные выплаты. К единовременным относятся, например, выплаты при заключении контракта (400 тыс. руб. по Указу Президента № 644 от 31.07.2024), подъемное пособие, выплаты в случае ранения (до 3 млн руб.) или гибели (страховые и «президентские» выплаты, совокупно составляющие значительные суммы). Регулярные выплаты включают ежемесячное довольствие, социальные выплаты (158 тыс. руб.), а также компенсации и пособия семьям в случае потери кормильца или установления инвалидности [5, с. 138–146].

В связи с тем, что все участники СВО приравниваются по статусу к ветеранам боевых действий (согласно ст. 3 ФЗ от 12.01.1995 № 5-ФЗ «О ветеранах» – далее Закон о ветеранах), они вправе пользоваться льготами, установленными для ветеранов боевых действий, в том числе льготами в сфере ЖКХ. Ключевыми мерами являются компенсация 50 % расходов на оплату жилья и коммунальных услуг, возможность получения жилищных субсидий, сохранение ипотечных каникул, а также списание ипотечной задолженности в случае гибели или инвалидности I группы заемщика. Особое внимание уделяется обеспечению жильем семей погибших военнослужащих.

Во-вторых, трудовые гарантии. Законодательство гарантирует сохранение рабочего места за мобилизованным гражданином, включение периода участия в СВО в страховой стаж в двойном размере, а также предоставление дополнительных трудовых льгот членам семей (ограничение сверхурочной работы, командировок, преимущественное право остаться на работе при сокращении для родителей детей до 18 лет).

В третьих, гарантии в сфере образования и здравоохранения. Участники СВО и члены их семей имеют право на бесплатное профессиональное обучение и переобучение, первоочередной прием в образовательные организации, квоты на бюджетные места в вузах для детей¹. В медицинской сфере закреплено право на внеочередное оказание медицинской помощи, реабилитацию, протезирование и обеспечение техническими средствами реабилитации².

¹ Ст. 71 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 15.10.2025) «Об образовании в Российской Федерации».

² Федеральный закон от 12.01.1995 № 5-ФЗ (ред. от 27.10.2025) «О ветеранах»

Федеральные гарантии дополняются Единым региональным стандартом поддержки, который включает до 20 наиболее востребованных мер, таких как льготы по транспортному налогу, бесплатная психологическая помощь семьям, льготное питание для детей в школах, бесплатные кружки и секции, а также льготные путевки в детские лагеря.

На региональном уровне, в дополнение к общегосударственным мерам поддержки, был разработан и принят собственный нормативный акт, устанавливающий особые гарантии для отдельных категорий граждан, пострадавших в ходе специальной военной операции. Например, Закон Челябинской области № 623-ЗО от 29.06.2022 «О дополнительных мерах социальной поддержки отдельных категорий граждан...» вводит несколько принципиальных отличий по сравнению с федеральной системой.

Во-первых, расширение круга получателей поддержки за счет включения гражданского персонала. Если федеральное законодательство преимущественно ориентировано на военнослужащих, их семьи и добровольцев, то региональный закон предоставляет право на единовременную выплату в размере 300 000 рублей лицам, командированным для выполнения задач по обеспечению жизнедеятельности населения и восстановлению инфраструктуры (п. 1 ч. 1 ст. 1, п. 1 ч. 1 ст. 2), а также волонтерам (п. 2 ч. 1 ст. 1, п. 1 ч. 1 ст. 2), получившим ранение в период проведения СВО. Для данной категории на федеральном уровне аналогичные целевые выплаты, как правило, не предусмотрены.

Во-вторых, установлен повышенный размер финансовой помощи для семей погибших военнослужащих при определенных условиях. Согласно п. 4 ч. 1 ст. 2 указанного закона, членам семьи (супругу, родителям, детям независимо от возраста – ч. 3 ст. 1) предоставляется единовременная выплата в 1 000 000 рублей, распределяемая между ними в равных долях. Важным условием является то, что данная выплата назначается в случае, если ранее этим лицам не предоставлялись выплаты за счет областного бюджета в связи с гибелью военнослужащего. Таким образом, закон создает дополнительный финансовый буфер для наиболее уязвимой категории.

В-третьих, сформулированы особые правила определения получателей помощи среди членов семей погибших. Закон дифференцирует состав семьи в зависимости от статуса погибшего. Для семей командированных лиц и волонтеров круг членов семьи ограничен супругом, родителями, детьми до 18 лет, детьми-инвалидами и детьми до 23 лет, обучающимися

очно (ч. 3 ст. 1). В то же время для семей погибших военнослужащих закон устанавливает более широкий состав, включая детей без возрастных ограничений. Данный подход отражает специфику регулирования на региональном уровне.

Несмотря на формирование всеобъемлющей системы поддержки, в научной литературе и экспертных оценках отмечается ряд системных проблем, затрудняющих ее реализацию.

1 Проблема правового равенства и унификации статусов. Существуют различия в объеме выплат и льгот для разных категорий участников СВО (мобилизованные, контрактники, добровольцы), что порождает ощущение социальной несправедливости [7].

Требуется дальнейшая гармонизация законодательства для обеспечения единых стандартов поддержки для лиц, выполняющих сопоставимые задачи в равных условиях риска.

2 Организационно-административные барьеры. К ним относятся сложность и длительность процедур оформления льгот, получения статуса ветерана боевых действий или инвалида, сбора необходимых документов. Необходима дальнейшая цифровизация услуг и создание прозрачных межведомственных механизмов взаимодействия.

3 Дефицит комплексной реабилитации. Актуальной остается проблема обеспечения не только медицинской, но и полноценной социально-психологической и профессиональной реабилитации участников СВО, особенно получивших ранения. Существующая сеть реабилитационных учреждений требует расширения и модернизации.

4 Недостаточность адаптационных механизмов. Возвращение к гражданской жизни, повторная интеграция в трудовые коллективы, преодоление психологического стресса требуют развития системы сопровождаемого посттравматического восстановления, включающей юридическую, психологическую и карьерную поддержку.

5 Недостаточная осведомленность ветеранов специальной военной операции о всех мерах адаптации военнослужащих после участия в боевых действиях. Отсутствие единого, понятного для ветеранов СВО и их семей источника информации обо всех существующих мерах помощи создает ситуацию, когда ветераны не могут получить достаточную информацию о мерах поддержки.

В качестве перспективных направлений развития системы исследователи предлагают:

1 Введение адресных ежемесячных пособий, гарантирующих социально приемлемый уровень дохода для наиболее уязвимых категорий (семьи погибших, инвалиды I группы).

2 Расширение жилищных программ, включая субсидирование ипотечных ставок или частичное погашение ипотеки государством для вернувшихся участников СВО, не имеющих инвалидности.

3 Создание системы стимулирования работодателей к трудоустройству ветеранов СВО, в том числе через установление квот, налоговые льготы и субсидии на оборудование рабочих мест.

4 Консолидацию всех мер поддержки в рамках национального проекта или специальной государственной программы, что позволит обеспечить программно-целевое финансирование, комплексный мониторинг и повышение эффективности управления.

5 Создание единого буклета для ветеранов, который содержал бы полную информацию о всех мерах поддержки и центрах реабилитации для военнослужащих.

Таким образом, формирование системы социальной защиты участников СВО и их семей является непрерывным процессом, сочетающим оперативное реагирование на возникающие вызовы и стратегическое планирование. Устранение выявленных правовых и административных пробелов, а также переход от разрозненных мер к целостной программе поддержки на протяжении всего жизненного цикла – от мобилизации до реабилитации и социальной интеграции – представляется ключевым условием выполнения государством своих социальных обязательств перед защитниками Отечества.

Библиографический список

1 О воинской обязанности и военной службе : федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ (последняя редакция) : принят Государственной Думой 6 марта 1998 года : одобрен Советом Федерации 12 марта 1998 года. – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18260/ (дата обращения 02.11.2025).

2 Об образовании в Российской Федерации : федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (последняя редакция) : принят Государственной Думой 21 декабря 2012 года : одобрен Советом Федерации 26 декабря 2012 года. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения 02.11.2025).

3 О ветеранах : федеральный закон от 12.01.1995 № 5-ФЗ (последняя редакция) : Принят Государственной Думой 16 декабря 1994 года. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5490/6e24082b0e98e57a0d005f9c20016b1393e16380/ (дата обращения 05.11.2025).

4 О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат : федеральный закон от 07.11.2011 № 306-ФЗ (последняя редакция) : принят Государственной Думой 21 октября 2011 года : одобрен Советом Федерации 26 октября 2011 года. – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121273/ (дата обращения 04.11.2015).

5 Бобков В. Н. О социальных гарантиях участников специальной военной операции и членов их семей / В. Н. Бобков, Е. В. Одинцова, Т. В. Чащина // Социально-трудовые исследования. – 2024. – Т. 54. – № 1. – С. 138–146.

6 Рыбалка Е. А. Меры социальной поддержки участникам СВО и членам их семей: проблемы и перспективы их реализации / Е. А. Рыбалка // Юрист-Правоведь. – 2024. – № 3 (110). – С. 75–79.

7 Проблемы правового регулирования труда и социальной адаптации ветеранов специальной военной операции // Научный лидер. – 2025. – № 23 (224).

М. А. Лапунов

Научный руководитель: канд. юр. наук, доц. А. Я. Неверов

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОХОЖДЕНИЯ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В данной научной работе проводятся изучение и анализ основных правовых законов и других нормативно-правовых актов, которые регулируют военную службу в России. Рассматриваются основные регулирующие акты общественных отношений, связанных с военной службой, включая Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе», а также другие законы, которые регулируют призыв, контрактную службу и права военнослужащих. Уделяется внимание также правам и обязанностям военнослужащих. Акцентируется внимание на проблемах несовершенства правовой базы о военной службе. Освещаются элементы военной дисциплины, социальных гарантий. Исследование показывает, что правовые основы не только эффективно регулируют общественные правоотношения, но и защищают права военнослужащих и разрешают служебные конфликты.

Ключевые слова: военная служба, воинская обязанность, призыв, контрактная служба, военнослужащие, правовое регулирование, социальная защита, военное право, закон о воинской обязанности, воинская дисциплина.

Регулирование вопросов военной службы в Российской Федерации осуществляется посредством совокупности нормативных правовых актов, которые определяют порядок ее прохождения, а также права и обязанности призывников и военнослужащих. Данные основы закреплены в Конституции РФ и Федеральном законе «О воинской обязанности и военной службе», а также в других нормативных-правовых актах. В Российской Федерации прохождение военной службы является обязанностью граждан мужского пола в возрасте от 18 до 30 лет [1]. Закон регламентирует порядок призыва, сроки службы, основания для отсрочек и освобождений, а также социальные гарантии и защиту от дискриминации.

По теме существуют основополагающие проблемы, например, продвижение военнослужащих по карьере, юридическая ответственность военнослужащих и т. д. В данной научной статье отдельно хотелось бы выделить и разобрать такую проблему, как несовершенство правовых основ, регулирующих подсудность некоторых административных дел военнослужащих. Кроме того, есть ряд других нормативных актов, которые дополняют и уточняют положения Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», например, Конституция РФ, а именно ст. 59, закрепляет обязанность защиты Родины – защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации [2], Указ Президента РФ о призыве на военную службу, а точнее Указ Президента РФ от 16 сентября 1999 г. № 1237 «Вопросы прохождения военной службы» (с изменениями и дополнениями), приказы Министерства обороны.

Срочная служба – это обязательная подготовка для мужчин определенного возраста. Обычно длится от 12 до 24 месяцев, в зависимости от рода войск. Главная задача – дать военнослужащему базовые навыки и подготовить к обороне страны. Контрактная служба является добровольной для тех, кто хочет стать профессионалом. Контрактники получают зарплату, социальные гарантии, проходят углубленную подготовку, работают с техникой и выполняют сложные задачи. Альтернативная служба – для тех, кто отказывается от оружия по убеждениям. Она длится дольше срочной и проходит в медицине, образовании или других сферах, полезных обществу. Данный вид службы является особенным, так как для нее военно-обязанному требуется предоставить весомые доказательства.

Разберем особенности призыва на военную службу в РФ. В первую очередь рассмотрим условия и порядок призыва. В России обязательный призыв касается мужчин в возрасте от 18 до 30 лет, проводится два раза в год: весенний (1 апреля – 15 июля) и осенний (1 октября – 31 декабря). В 2026 году вступили в силу изменения, и военный призыв будет осуществляться круглый год. Военкомат уведомляет призывников, проводит медицинское освидетельствование и проверку по социальным основаниям. Служба в армии длится обычно 12 месяцев [1].

Категории призывников устанавливаются Постановлением Правительства РФ от 04.07.2013 № 565 (ред. от 29.08.2025) «Об утверждении Положения о военно-врачебной экспертизе». А – годен к военной службе;

Б – годен к военной службе с незначительными ограничениями; В – ограниченно годен к военной службе; Г – временно не годен к военной службе; Д – не годен к военной службе [3].

Регулирование освобождения и отсрочки закреплено в ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», а именно в ст. 23. Освобождение от призыва возможно навсегда при наличии серьезных медицинских показаний, инвалидности или других весомых причин (например, уход за больным родственником). Отсрочка предусмотрена для студентов очной формы обучения (на время учебы), молодых отцов (если у призывника есть ребенок до 3 лет), по социальным и семейным причинам (например, уход за инвалидом). Отсрочка дается сроком обычно на один год и может продлеваться. Важно, что отсрочка не отменяет обязанности пройти службу позже.

Воинская дисциплина – основа службы. Она требует от солдата и офицера точного и своевременного исполнения приказов, соблюдения уставов и правил. Военнослужащий обязан поддерживать порядок, уважать старших по званию, бережно относиться к военной собственности и строго соблюдать распорядок дня. Воинская дисциплина является одним из столпов общественных отношений в армии. Нарушение дисциплины влечет за собой ответственность, вплоть до уголовной. Понятие воинской дисциплины и ее общие положения зафиксированы в Указе Президента РФ от 10.11.2007 № 1495 (ред. от 24.06.2025).

В Федеральном законе «О статусе военнослужащих», а именно в статье 3, зафиксированы такие гарантии, как пенсии и пособия по выслуге лет, прохождение медицинских обследований в военных госпиталях и другие виды льгот. Проблемные ситуации возникают, когда, например, у военнослужащего развивается болезнь во время военной службы. Если из-за этого заболевания ему, скажем, присвоят инвалидность, на военнослужащего возлагается обязанность доказать, что именно во время прохождения военной службы у него началось ухудшение заболевания, что достаточно сложно, так как если на первом госпитале и вышестоящем госпитале военнослужащему откажут в признании полученного заболевания во время военной службы, то ему придется обратиться в суд. Тут и возникает проблема трактования подсудности данного вопроса, так как исковое заявление пишется на обжалование решения военного госпиталя. Можно предположить, что это исковое заявление должно рассматриваться в административном

производстве, так как военные госпитали являются государственными учреждениями, но также тут обжалуются материальные права, что является одним из признаков для рассмотрения в гражданском судопроизводстве. Сам вопрос не должен возникать вообще, так как необходима общая судебная практика. Но вышеуказанную ситуацию суды трактовали по-разному, и такие административные иски рассматривались в судах общей юрисдикции.

Предлагаем следующий путь решения. В законе требуется четко определить подсудность данных дел, так как на практике есть расхождения в ее трактовке. По нашему мнению, данные вопросы должны решаться именно военными судами, и это требуется четко прописать в законе. Военный суд имеет больше инструментов и опыта в решении вопросов военнослужащих.

Важность правовых основ военной службы в РФ нельзя приуменьшать, так как данная сфера связана с дисциплиной, риском и специфическими условиями труда. В настоящее время тема является крайне актуальной и требует пристального внимания со стороны научного сообщества.

Библиографический список

1 О воинской обязанности и военной службе : федер. закон от 28.03.1998, № 53-ФЗ (ред. от 04.11.2014), (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.11.2025).

2 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

3 Об утверждении Положения о военно-врачебной экспертизе : постановление Правительства РФ от 04.07.2013 № 565 (ред. от 29.08.2025).

УДК 343.6

Л. В. Ловцова

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доц. Е. А. Алексеева

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СТАЛКИНГА

Аннотация. В статье проводится комплексный уголовно-правовой анализ сталкинга как социально опасного деяния, представляющего систематическую угрозу личной свободе, психологической неприкосновенности личности.

Ключевые слова: сталкинг, сталкер, жертва, преступление.

Под сталкингом в уголовно-правовой и криминологической литературе понимается навязчивое, систематическое преследование одного человека другим.

В период стремительного развития цифровых технологий и социальных сетей также повышается уровень преступлений с использованием сети Интернет [2]. Данная тенденция свойственна и сталкингу. Так, согласно данным «Лаборатории Касперского», выяснилось, что среди населения Российской Федерации более 15 % граждан являлись жертвой онлайн-слежки, 35 % опрошенных сталкивались с различными формами насилия, в том числе финансового, цифрового или психологического, со стороны сталкера, который является бывшим или текущим романтическим партнером.

Кроме этого, эксперты по кибербезопасности «Лаборатории Касперского» выявили, что за первые десять месяцев 2024 г. количество пользователей Android-устройств в России, столкнувшихся со сталкерскими программами, выросло на четверть по сравнению с аналогичным периодом 2023 года. Используя такие программы, недоброжелатели могут скрыто отслеживать мобильное средство жертвы [5].

При этом уголовное законодательство Российской Федерации устанавливает уголовную ответственность за насильственные преступления, совершенные способом как физического, так и психологического воздействия в отношении личности.

Наравне с вышеизложенным, стоит отметить, что законодатель устанавливает уголовно-правовые способы защиты личности, однако, проанализировав нормы Уголовного кодекса Российской Федерации, совершенно справедливо можно отметить, что привлечь stalkera к уголовной ответственности весьма проблематично. Основная сложность заключается в том, что действия stalkera, как правило, носят систематический и навязчивый характер, но зачастую не попадают под конкретные составы преступлений. Например, преследование и цифровая слежка редко содержат прямую угрозу, достаточную для квалификации по ст. 119 УК РФ, а количество сбора личной информации часто является недостаточным для доказывания нарушения неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ). Даже в случае тяжких последствий, таких как доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ), крайне сложно установить причинно-следственную связь между конкретными действиями преследователя и решением жертвы.

Обращаясь к зарубежному опыту уголовно-правового регулирования, можно увидеть, что в уголовном праве США stalking был признан впервые как самостоятельный состав преступления.

Так, уголовный закон Калифорнии запретил «преднамеренные, неоднократные преследования и домогательства». В научной доктрине под преследованием понимаются целенаправленные и осознанные действия индивида, ориентированные на определенное лицо и вызывающие у последнего интенсивные переживания: серьезную тревогу, беспокойство [3].

Ключевым квалифицирующим признаком данного деяния является отсутствие у виновного какой-либо правомерной цели.

В соответствии с Уголовным кодексом Румынии, под преследованием понимается систематическое совершение лицом действий при отсутствии правомерных оснований.

К числу таких действий относятся организация слежки за человеком, осуществление телефонных звонков и ведение переписки через SMS-сообщения, что вызывает у жертвы устойчивое состояние тревоги.

Возбуждение уголовного производства по данному составу преступления возможно исключительно после поступления заявления от лица, подвергшегося преследованию.

Установленная санкция за совершение данного деяния предусматривает меры наказания: лишение свободы продолжительностью от одного до трех месяцев либо денежное взыскание в виде штрафа.

В марте Германия признала stalking преступлением и определила его как преследование с помощью разнообразных видов связи, которые используют личные данные, а также иные действия, которые наносят значительный ущерб образу жизни жертвы. Наказание варьировалось от штрафа до лишения свободы до трех лет.

Продолжая говорить о stalking, стоит отметить причины его возникновения.

Зачастую stalker начинает преследовать на почве безответных чувств или после расставания с партнером с целью возобновить общение или же с чувством мести.

Подобные действия могут проявляться не только через эмоции, но и в стремлении вызвать у жертвы чувства страха с целью управлять ею и самоутверждения.

В некоторых случаях поведение преследователя исходит из психических нарушений. Stalker может постоянно иметь навязчивые мысли и действия, которые проявляются в стремлении контролировать жертву, что характеризует наличие психического расстройства, такого как «обсессивно-компульсивное расстройство».

Непонимание личностных границ и неумение появлять социальный контакт также способствуют развитию stalking. Такое искаженное восприятие часто возникает из личных ожиданий, фантазий или отсутствия навыка вести диалог [4].

Некоторые преследователи могут некорректно показывать дружелюбие как романтический интерес, что приводит к навязчивым и нежелательным формам общения.

Исходя из вышесказанного, следует выделить систему мер предупреждения stalking.

Обращаясь к зарубежному опыту борьбы со stalking, можно отметить несколько решений, которые помогают в данной проблеме.

Согласно данным Национальной статистической службы Великобритании (март 2024 г.), за последний год около 1,5 млн жителей Англии старше 16 лет столкнулись со stalking. При повторных случаях преследования пострадавшим рекомендуется обращаться в полицию для получения защитного ордера. Этот документ запрещает stalkeru приближаться к местам нахождения жертвы, осуществлять любые контакты, упоминать жертву в социальных сетях. Дополнительно суд может обязать нарушителя

пройти психологическую реабилитацию, лечение от зависимостей и регулярно отмечаться в полиции.

С декабря 2024 г. полиция обязана информировать жертв о личности stalkера при цифровом stalking с использованием фальшивых аккаунтов.

В 2024 г. в Германии было зафиксировано свыше 23 тысяч случаев stalking при этом с 2018 г. наблюдается устойчивый рост подобных преступлений.

Действующее законодательство предусматривает за систематическое преследование, существенно нарушающее образ жизни преследуемого человека, санкции в виде штрафа или лишения свободы на срок до трех лет.

Отягчающим обстоятельством является создание реальной угрозы жизни или здоровью жертвы и ее близким, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы от трех месяцев до пяти лет. При наступлении смерти потерпевшего или его родственников предусмотрено лишение свободы сроком от 1 до 10 лет [7].

В последние годы в отечественном законодательстве просматривается тенденция по усилению мер уголовно-правовой защиты прав личности [1], в рамках которой следует снести изменения, криминализирующие stalking.

Предлагается включить в гл. 19 раздела VII УК РФ ст. 137.1 «Stalking»:

1 Stalking (преследование) – форма навязчивого систематического внимания одного человека (или группы лиц) к другому человеку против воли последнего, выражающееся в повторяющихся попытках установления любых контактов, физической близости, состоящее из многочисленных действий, таких как отслеживание лица, ненадлежащее использование личных данных, совершение звонков, отправка сообщений по почте и в социальных сетях, подарков, а также в ряде иных действий, совершенных любыми способами и средствами, не сопряженными с насилием или угрозой его применения, если эти действия вызывают у лица оправданный обстоятельствами страх и за свою безопасность и (или) за безопасность близких и (или) наносят существенный ущерб повседневному образу жизни, наказываются штрафом в размере до двухсот тысяч рублей с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо ограничением свободы на срок до трех лет [6].

2 То же деяние, совершенное с насилием либо угрозой его применения, наказывается лишением свободы на срок от трех до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет или без такового.

Библиографический список

1 Алексеева Е. А. Основные тенденции развития Уголовного законодательства России / Е. А. Алексеева // Уголовная политика: ценностные приоритеты и новеллы законодательства : сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. – Тюмень : ТюмГУ-Press, 2025. – С. 67–74.

2 Алексеева Е. А. Состояние преступлений в сфере компьютерной информации: проблемы и перспективы / Е. А. Алексеева // Национальные экосистемы : сборник научных трудов по итогам проведения I–III Международных научно-практических конференций. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2023. – С. 634–642.

3 Алешина А. В. Преследование (сталкинг) в России и за рубежом: ретроперспектива и современное состояние / А. В. Алешина // Вестник Воронежского института МВД России. – 2023. – № 4. – С. 305–309.

4 Байдрахманова А. К. Психология сталкинга: понимание и причины / А. К. Байдрахманова, А. А. Амангельды // Научные высказывания. – 2024. – № 7 (54). – С. 46–49.

5 Соловьева И. В. В Госдуму внесли законопроект о борьбе со сталкингом / И. В. Соловьева // Эксперт. – 2024. – URL: <https://expert.ru/news> (дата обращения 01.12.2025).

6 Степенко А. В. Сталкинг как уголовное преступление в Российской Федерации / А. В. Степенко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. – № 4. – С. 194–196.

7 Что такое сталкинг и как с ним борется государство // РБК Тренды. – 2024. – URL <https://trends.rbc.ru> (дата обращения: 06.12.2025).

Р. Р. Маистеев

Научный руководитель: канд. юр. наук, доц. С. А. Попова

**ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОДСЛЕДСТВЕННОСТИ
И ЮРИСДИКЦИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ
О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА:
ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА
И СОВРЕМЕННЫЕ КОЛЛИЗИИ**

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ проблем определения подследственности и юрисдикции по уголовным делам о терроризме. Рассматривается историческая эволюция соответствующих правил в России. Выявляются ключевые коллизии, в частности, в разграничении компетенции между военными и территориальными следственными органами и квалификации смежных составов преступлений. По результатам анализа предлагаются меры по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: подследственность, юрисдикция, терроризм, экстремизм, уголовный процесс.

Актуальность проблематики определения подследственности по делам о преступлениях террористического характера подтверждается данными современной судебной статистики. Согласно исследованию, проведенному для «Первого отдела» К. В. Парубцем, за первые шесть месяцев 2025 года военные суды России вынесли как минимум 597 приговоров по таким делам, а фигурантами стали 659 человек. [4] При этом наблюдается усложнение квалификации, когда в отношении одного лица применяется сочетание нескольких «террористических» статей Уголовного кодекса РФ, а также расширение субъектного состава преступлений, в том числе за счет привлечения к ответственности несовершеннолетних. Эти факторы обнажают системные проблемы в разграничении подследственности, корни которых уходят глубоко в историю отечественного уголовного процесса. Общая тенденция к снижению числа уголовных дел, поступающих в суды

(в 2024 году их число снизилось на 9,9 % по сравнению с 2023 годом и составило 651,3 тыс.) [3], лишь подчеркивает особую значимость и специфику категории террористических дел, объем которых остается стабильно высоким, что требует особого внимания к процедурным препятствиям, связанным с их расследованием.

Исторический анализ показывает, что вопросы расследования преступлений, посягающих на основы государственного строя и безопасность, всегда находились в центре внимания законодателя. В Российской империи расследование особо опасных государственных преступлений зачастую осуществлялось не в общем порядке, а поручалось специально созданным органам или находилось в ведении жандармских управлений, что создавало прецедент особого, внесудебного или квазисудебного подхода. Генезис российских следственных органов демонстрирует сложный путь эволюции от административно-судебной модели, через смешанную и полицейскую, к современной полицентрической [5, с. 302]. Следствие в Древней Руси изначально носило состязательный (обвинительный) характер и осуществлялось общиной, князем или вечем. Для общины была характерна общинная модель организации, при которой расследованием преступлений, включая выполнение следственных действий (в современном их понимании), занималась вся община в производстве «гонения следа». В Московском государстве для потребностей розыскного следствия формировался специальный штат помощников судей – будущих следователей. Из судебных агентов, входивших в судебный штат наместников и волостелей, обязанности, наиболее характерные для следователей, исполняли недельщики и доводчики. Согласно статье 69 Судебника 1550 года, доводчик при судье-тиуне выполнял функции судебного следователя – «доводчиково слово» фактически представляло собой обвинительный акт [1, с. 54]. В советский период, особенно во время массовых репрессий 1930–1950-х годов, практика расследования «контрреволюционных преступлений» была окончательно выведена из сферы общего правового поля и сосредоточена в руках органов НКВД. Этот исторический опыт демонстрирует системную опасность концентрации расследования дел о преступлениях против государства в руках одного силового ведомства при отсутствии действенного судебного контроля, наследие которого в виде тенденции к закрытости продолжает влиять на правоприменение. Как справедливо отмечается в научной литера-

туре, системность в уголовном судопроизводстве является не только обозначаемым, но реально существующим качеством, что означает наличие связей и отношений между структурными элементами этой системы, и преобразования отдельных структурных частей должны строиться на основе имеющихся между ними взаимосвязей [5, с. 304].

Современная система подследственности, закрепленная в ст. 151 УПК РФ, формально представляет собой более сбалансированную модель, распределяющую расследование преступлений террористической направленности между Следственным комитетом РФ и органами федеральной безопасности. Однако на практике это разграничение порождает множество коллизий. Действующий УПК РФ закрепляет такие виды подследственности, как предметный (родовой), территориальный (местный), персональный (личный), альтернативный (смешанный) и по связи уголовных дел [7]. Ключевой проблемой является разграничение компетенции между территориальными следственными органами СК России и органами предварительного следствия ФСБ России. Действующий УПК РФ закрепляет различные виды подследственности. Ключевой проблемой в сфере преступлений террористического характера является разграничение компетенции между территориальными органами СК России, ФСБ России и МВД России. Согласно п. 2 ч. 2 ст. 151 УПК РФ, следователи ФСБ расследуют дела о преступлениях, предусмотренных ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 275, 276, 277, 360, 361 УК РФ. П. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ относит эти же составы (например, ст.ст. 205-205.5, 206, 208) к подследственности следователей СК России. При этом следователи МВД (п. 3 ч. 2 ст. 151 УПК РФ) также уполномочены расследовать дела о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 205, 206, 208-210.1. На практике это разграничение зачастую размыто, что приводит к ведомственным спорам. Эволюция института подследственности демонстрирует переход от жестко централизованных исторических моделей к современной полицентрической, которая, однако, не решила, а в некоторых аспектах и усугубила проблему ведомственной координации. Если в исторической ретроспективе основной конфликт заключался в отделении судебно-следственных функций от административной власти, то сегодня основной вызов связан с разграничением компетенции внутри самой системы правоохранительных органов.

Одной из наиболее острых современных коллизий является квалификационный «сдвиг», когда действия обвиняемых переквалифицируются из

одной статьи в другую, что влечет и изменение подследственности. Ярким примером служит массовая практика квалификации атак на военкоматы или поджогов инфраструктуры. Изначально такие действия могли бы быть квалифицированы как хулиганство (ст. 213 УК РФ) или умышленное уничтожение имущества (ст. 167 УК РФ), подследственные следователям МВД. Однако, как показывает анализ судебной практики, в подавляющем большинстве случаев они получают квалификацию как террористический акт (ст. 205 УК РФ) или диверсия (ст. 281 УК РФ) [6], что автоматически переводит расследование в ведение СК России и влечет применение гораздо более строгих мер пресечения [2, с. 194]. Статистически этот тренд подтверждается: в 2025 году военные суды вынесли 33 обвинительных приговора по статье 205 УК РФ («теракт»), при этом значительная часть фигурантов подобных дел обвинялась именно в поджогах или повреждении имущества военкоматов и административных зданий. Подобный «сдвиг» не только меняет ведомственную подследственность, но и коренным образом меняет правовое положение обвиняемого, помещая его в поле действия более репрессивных норм [4].

Одновременно с этим наблюдается тенденция к смешению составов «терроризм» и «экстремизм». Так, в 2025 году самой популярной статьей, инкриминируемой по политическим мотивам, стали призывы к терроризму (ст. 205.2 УК РФ), которые часто вменяются за посты в социальных сетях, связанные с упоминанием организаций, признанных террористическими. При этом следственными органами не всегда проводится четкое разграничение между собственно террористической деятельностью, направленной на дестабилизацию общества через насилие, и экстремистской деятельностью, что приводит к ошибкам в определении подследственности, поскольку, например, организация экстремистского сообщества (ст. 282.2 УК РФ) также расследуется следователями СК России, но имеет иную правовую природу. Этот тренд развивается на фоне общего роста доли обвинительных приговоров по стране, которая в 2024 году составила 78,69 % от общего числа подсудимых [3].

Значительную проблему представляет «конкуренция» статей и ведомственная разобщенность. Зачастую одни и те же действия могут содержать признаки нескольких преступлений. Например, финансирование организации, признанной террористической (ст. 205.1 УК РФ), может одновременно

рассматриваться как осуществление деятельности нежелательной организации (ст. 284.1 УК РФ). Поскольку эти составы относятся к подследственности разных ведомств (СК России и ФСБ России соответственно), возникает конкуренция и ведомственные трения на стадии возбуждения уголовного дела. Отсутствие четких межведомственных инструкций по разрешению таких коллизий приводит к затягиванию процесса возбуждения дела и утрате доказательств. Уголовно-процессуальный закон предусматривает в подобных случаях применение признака связи дел (ч. 6 ст. 151 УПК РФ), согласно которому предварительное следствие производится следователями того органа, к чьей подследственности относится преступление, в связи с которым возбуждено соответствующее уголовное дело [7]. Однако на практике применение этого правила остается дискреционным и зависит скорее от ведомственной договоренности, чем от четких правовых критериев. Эта проблема усугубляется в условиях снижения общего числа уголовных дел, передаваемых в суд, что, по мнению экспертов, может свидетельствовать о работе «фильтров» на досудебных стадиях, но в случае с терроризмом приводит к концентрации наиболее сложных и резонансных дел в руках ограниченного круга следователей [2, с. 198].

Принятые в начале 2025 году законодательные изменения, в частности снижение возраста уголовной ответственности за диверсию и терроризм до 14 лет, создают дополнительную нагрузку на систему военных судов и следователей СК России, требуя от них специальных знаний в области подростковой психологии, которыми они в полной мере могут не обладать. Это свидетельствует о том, что современный законодатель, решая сиюминутные задачи по усилению борьбы с терроризмом, не всегда учитывает системные возможности и исторически сложившуюся компетенцию органов предварительного расследования. Как отмечают эксперты, тенденция к снижению количества уголовных дел наблюдается уже много лет, и новые законодательные инициативы лишь корректируют, но не меняют кардинально эту ситуацию. В условиях, когда суды присяжных в 2024 году рассмотрели 1219 дел и вынесли 290 оправдательных вердиктов (практически каждый четвертый случай), а в апелляции были отменены 189 из 290 оправдательных приговоров, вопрос о правильном определении подследственности на начальном этапе расследования становится ключевым для обеспечения законности и обоснованности всего последующего судопроизводства [3].

В заключение следует констатировать, что коллизии в определении подследственности по делам о преступлениях террористического характера носят системный характер и имеют глубокие исторические корни. Несмотря на формальное закрепление в УПК РФ сложной системы признаков подследственности (предметного, персонального, альтернативного и по связи дел), на практике сохраняются серьезные проблемы, ведущие к нарушению разумных сроков уголовного судопроизводства и ущемлению прав обвиняемых. Для системного решения проблем определения подследственности предлагаются следующие конкретные законодательные инициативы: дополнить ч. 2 ст. 151 УПК РФ положением об отнесении к подследственности ФСБ России преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей и требующих проведения оперативно-разыскных мероприятий ее исключительной компетенции; утвердить совместный приказ СК России, ФСБ России и МВД России об инструкции по разрешению споров о подследственности с созданием постоянно действующей межведомственной рабочей группы; внести в ст. 163 УПК РФ норму об обязательном создании совместных следственно-оперативных групп по делам о терроризме с четким распределением полномочий между следователем СК России и оперативным сотрудником ФСБ России; ввести в УПК РФ новую главу 16.1, устанавливающую рассмотрение ходатайств об избрании мер пресечения и производстве следственных действий по данной категории дел коллегией из трех судей верховного суда республики, краевого или областного суда. Данные меры создадут комплексный правовой механизм, обеспечивающий эффективное противодействие терроризму при безусловном соблюдении принципов верховенства права.

Библиографический список

1 Костенко К. А. К вопросу об истории возникновения первых специализированных органов следствия в России / К. А. Костенко // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2022. – № 2 (32). – С. 53–58.

2 Намазов Э. С. Поджоги военкоматов и административных зданий, совершенные на территории Российской Федерации: уголовно-правовая квалификация террористических актов / Э. С. Намазов // Правопорядок: история, теория, практика. – 2024. – № 4 (43). – С. 191–200.

3 Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=5258> (дата обращения: 20.11.2025).

4 Парубец К. В. Пять приговоров каждый день. Новые данные о том, как в России судят по террористическим статьям / К. В. Парубец // Первый отдел. – URL: <https://vdsvpgat---zaqgksqa-bsccljbcrq-ez.a.run.app/story/terrorism-2025/> (дата обращения: 20.11.2025).

5 Строганова, О. В. Особенности развития следственных органов Российской Федерации / О. В. Строганова // Молодой ученый. – 2020. – № 25 (315). – С. 302–305.

6 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

7 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025) // СПС КонсультантПлюс.

Д. М. Меньщикова

НЕДОСТОЙНЫЕ НАСЛЕДНИКИ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ОПТИМИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. Статья посвящена современным проблемам применения норм о недостойных наследниках в условиях роста конфликтности наследственных дел. Особое внимание уделено влиянию повышенной смертности военнослужащих в период СВО, что привело к увеличению нагрузки на нотариальные органы и суды. Анализируются основания признания наследников недостойными, выявляются новые формы недобросовестного поведения, характерные для современных условий. В работе обосновывается необходимость реформирования правового регулирования и создания федерального реестра недостойных наследников. Предлагаются направления законодательной оптимизации.

Ключевые слова: недостойный наследник, реестр недостойных наследников, СВО, нотариат, судебная практика.

В последние годы институт недостойных наследников вновь оказался в центре внимания правоприменителей. Рост числа наследственных дел, связанных со смертью граждан при исполнении обязанностей в условиях проведения специальной военной операции (СВО), привел к резкому увеличению нагрузки на нотариальные органы и суды. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, количество споров, связанных с применением положений о недостойных наследниках, значительно возросло по сравнению с доковидным периодом. Так, в 2019 г. было рассмотрено 530 дел, в 2020 г. – 477 дел, в 2021 г. – 579 дел, в 2022 г. – 770 дел, в 2023 г. – 727 дел, в 2024 г. – 709 дел [3]. При этом число дел, связанных с применением последствий института недостойных наследников существенно выше. Усложнился и характер конфликтов: появился целый спектр новых злоупотреблений, включая сокрытие информации о гибели военнослужащего, давление на членов семьи, использование уязвимости родственников погибших. Все это требует переосмысления существующих

правовых механизмов и разработки дополнительных гарантий добросовестности наследственных процедур.

Институт недостойных наследников восходит к римскому праву (*exheredatio*), где предусматривались меры по исключению из наследования лиц, совершивших действия против наследодателя [2].

В 1906 г. группа отечественных ученых-цивилистов подготовила проект нового Гражданского уложения. Уложение вводило ранее неизвестный российскому наследственному праву институт отстранения от наследования по недостойности [1].

Последствия признания наследника недостойным абсолютны: он исключается из всех оснований наследования и теряет право на обязательную долю. Все полученное имущество подлежит возврату как неосновательное обогащение.

Судебная статистика показывает устойчивый рост числа споров, связанных с применением ст. 1117 ГК РФ. Особое влияние на это оказали события, связанные с проведением СВО: увеличилось количество наследственных дел, открывающихся после гибели военнослужащих, что привело к всплеску злоупотреблений.

Наиболее распространенные новые формы злоупотреблений:

- Соккрытие информации о смерти. Один из родственников умышленно не сообщает о гибели военнослужащего, стремясь единолично вступить в наследство.

- Подделка документов. Обнаруживаются случаи предоставления подложных завещаний или документов о родстве.

- Создание препятствий для других наследников. Недопуск в жилые помещения, сокрытие вещей или документов погибшего, препятствование подаче заявлений нотариусу.

В целом судебная практика демонстрирует усложнение доказательства недостойности и необходимость системных решений.

Ключевым недостатком действующего регулирования является его реактивность: механизм запускается только по инициативе заинтересованного лица, на которого возложена обязанность доказывания. Суды и нотариусы лишены инструмента автоматической проверки наличия статуса недостойного наследника.

Для устранения этих проблем автором статьи предлагается создание Федерального реестра недостойных наследников, который должен фиксировать все вступившие в силу судебные решения о признании граждан недостойными наследования. Целью создания Федерального реестра недостойных наследников является автоматизация проверки при открытии наследственных дел.

В настоящее время нотариус при открытии наследственного дела не обладает инструментами для автоматической проверки, был ли гражданин ранее признан недостойным наследником. Он действует исключительно на основании предоставленных сторонами документов и собственных запросов, что затрудняет оперативность установления правовых фактов.

Создание реестра позволит: мгновенно определять наличие судебного акта о признании лица недостойным; исключить необходимость направления повторяющихся запросов в суды; ускорить процедуру оформления наследства. Таким образом, нотариальные действия будут совершаться на основе единой базы данных, обеспечивающей достоверность и полноту сведений.

Создание данного реестра исключит повторные злоупотребления. Отсутствие централизованной системы учета приводит к ситуации, когда одно и то же лицо может неоднократно участвовать в разных наследственных делах, скрывая факт признания его недостойным в прошлом. По замыслу автора, предотвращение подобных ситуаций будет обеспечено за счет создания реестра, который, во-первых, обеспечивает незамедлительное внесение данных после вступления судебного решения в силу, во-вторых, минимизирует возможность скрыть статус «недостойного наследника» при вступлении в наследство, в-третьих, обеспечит автоматическое оповещение нотариуса о том, какие права ограничены у того или иного лица. Это наиболее актуально в условиях увеличения числа наследственных дел, связанных со смертью военнослужащего в период СВО, где практика показывает рост злоупотреблений и попыток эксплуатировать юридическую неграмотность членов семей погибших.

Автор считает, что ведение данного реестра должно привести к уменьшению нагрузки на суды. Российская судебная система перегружена исками о признании наследников недостойными. Большая часть этих дел возникает из-за невозможности установить сведения о предыдущих судеб-

ных актах. Реестр недостойных наследников позволит уменьшить количество обращений в суды; облегчит доказывание в делах (поскольку нотариус и стороны смогут ссылаться на реестр). Это приведет к разгрузке судов и более эффективному распределению ресурсов правосудия.

Автор статьи считает, что необходимы законодательные изменения, а именно корректировка ст. 1117 Гражданского кодекса Российской Федерации. Для введения реестра требуется внести изменения в действующую норму, закрепив: обязательность внесения сведений о признании лица недостойным в федеральную информационную систему; порядок межведомственного взаимодействия между судами и оператором реестра; правовые последствия установления такого статуса (например, автоматическое исключение лица из числа наследников при каждом новом наследственном производстве); возможность нотариуса использовать данные реестра как официальное доказательство. Кроме того, необходимо конкретизировать, какие судебные решения подлежат включению – только акты о признании недостойным или также решения о восстановлении наследственных прав (если такое будет предусмотрено).

Для учета последствий ведения реестра недостойных наследников в контексте лишения родительских прав в статью 69 Семейного кодекса РФ целесообразно внести следующие изменения. Лишение родительских прав по основаниям, предусмотренным пунктами 1, 4 или 6 настоящей статьи, является в соответствии с гражданским законодательством основанием для признания наследника недостойным (статья 1117 Гражданского кодекса Российской Федерации) и влечет за собой внесение сведений о таком лице в федеральный государственный реестр недостойных наследников в порядке, установленном федеральным законом. Восстановление в родительских правах в установленном законом порядке является основанием для исключения соответствующих сведений из указанного реестра. Основная цель – создать прямую нормативную связь между фактом лишения родительских прав по определенным основаниям и автоматическим возникновением последствий в сфере наследственного права.

В связи с этим в статье аргументируется тезис о необходимости разработки и принятия самостоятельного Федерального закона «О федеральном государственном реестре недостойных наследников». Такой закон должен стать системообразующим актом, который закрепит целостную правовую модель реестра – от определения его оператора и порядка наполнения

данными до установления правовых последствий внесения записи и механизмов ее оспаривания.

Принятие специального федерального законодательства, регламентирующего создание и функционирование федерального государственного реестра недостойных наследников, актуализируется необходимостью комплексного регулирования организационных, технических и правовых основ данной информационной системы. Ключевые параметры, подлежащие закреплению в соответствующем законе, включают:

Статус и правовой режим реестра. Закон должен детерминировать реестр как государственную информационную систему, установив его назначение, правовой режим данных, а также порядок их хранения, обработки и защиты.

Определение оператора. Наиболее обоснованным является наделение функциями оператора Федеральной нотариальной палаты, обладающей подтвержденным опытом администрирования государственных реестров и эксплуатации защищенных информационных систем.

Процедура внесения сведений. Необходимо установить обязанность судов направлять в реестр данные о вступивших в законную силу решениях о признании наследника недостойным в определенный срок. Внесение информации оператором должно осуществляться автоматически после процедуры верификации корректности полученных данных.

Режим доступа к информации. Целесообразно предусмотреть закрытый характер реестра с предоставлением права доступа строго определенному кругу субъектов (нотариусам, судам, органам дознания) исключительно в рамках их компетенции.

Обработка персональных данных. Требуется установление специального порядка обработки персональных данных, сопоставимого с режимами действующих государственных реестров (таких как ЕГРН, ЕИС нотариата), что обеспечит необходимый уровень защиты конфиденциальной информации.

Правовые последствия включения в реестр. Внесение сведений о лице должно приобрести значение самостоятельного юридического факта, влекущего обязанность нотариуса исключить данное лицо из состава наследников без дополнительного судебного решения. Данные реестра при этом получают статус допустимого доказательства в случае возникновения споров.

Механизм обжалования. Законодательство должно гарантировать возможность обжалования факта внесения сведений в реестр для лица, полагающего, что судебное решение является незаконным или его исполнение неправомерно.

Внедрение централизованного федерального реестра недостойных наследников в качестве государственной информационной системы формирует качественно новый механизм регулирования наследственных отношений. Основными ожидаемыми результатами являются снижение количества судебных, по данной категории споров, прекращение повторных попыток недобросовестного наследования, а также уменьшение случаев нарушения закона в условиях специальной военной операции. Следовательно, внедрение реестра будет способствовать не только уменьшению спорных моментов наследственных отношений, но и позволит быстрее адаптироваться к новым реалиям.

Современный этап развития наследственного права характеризуется ростом недобросовестного поведения наследников. СВО стала катализатором, который увеличил поток наследственных дел и усилил нагрузку на нотариат и суды. Практика показывает, что текущий механизм признания наследников недостойными требует трансформации.

Внедрение Федерального реестра недостойных наследников будет способствовать открытости наследственных отношений, а также снижению незаконных действий со стороны наследников.

Библиографический список

1 Абраменков М. С. Наследственное право России в 1835–1917 гг. / М. С. Абраменков. – URL: <https://center-bereg.ru/b4610.html> (дата обращения: 10.11.2025).

2 Абраменков М. С. Наследственное право : учебник для бакалавриата и магистратуры / М. С. Абраменков, А. Г. Сараев ; отв. ред. В. А. Белов; рецензенты А. Н. Латыев, Т. П. Подшивалов. – Москва : Юрайт, 2019. – 346 с.

3 Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: <https://cdep.ru/> (дата обращения: 10.12.2025).

А. К. Муканова

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доц. Е. А. Алексеева

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ДЕТЕЙ ОТ ГРУМИНГА

Аннотация. Статья посвящена уголовно-правовым проблемам защиты несовершеннолетних от груминга – целенаправленного установления доверительных отношений взрослым человеком с целью последующей сексуальной эксплуатации ребенка. Анализ действующих норм Уголовного кодекса Российской Федерации показывает, что они не в полной мере отвечают современным вызовам киберпреступности. На основе изучения зарубежного опыта автор обосновывает необходимость введения в отечественное законодательство самостоятельного состава преступления. В качестве ключевого механизма совершенствования уголовно-правовой защиты автором предлагается введение в Уголовный кодекс РФ ст. 135.1 «Груминг несовершеннолетнего». Разработанная конструкция позволит эффективно документировать деяние уже на ранних стадиях и реально защищать права детей в цифровой среде.

Ключевые слова: уголовно-правовая защита, груминг, несовершеннолетние, киберпреступность, состав преступления.

Термин «груминг» (от английского «grooming» – ухаживание) в уголовно-правовой доктрине понимается как действия взрослого по установлению эмоциональной связи с ребенком с целью его последующей сексуальной эксплуатации. Такое поведение может происходить как в реальной жизни, так и, что особенно опасно сегодня, в онлайн-пространстве.

Онлайн-груминг представляет собой многостадийный процесс установления доверительных отношений совершеннолетним лицом с несовершеннолетним с использованием информационно-телекоммуникационных сетей для последующей сексуальной эксплуатации. Криминологи справедливо относят его к особой форме опосредованной киберпространством преступной деятельности, посягающей на половую неприкосновенность детей [6].

Механизм груминга обычно включает несколько последовательных стадий: поиск и селекцию потенциальной жертвы в социальных сетях и онлайн-играх с учетом визуальной привлекательности и психологической уязвимости, установление первичного контакта (часто с помощью возрастной маскировки или ложной профессиональной принадлежности), формирование эмоциональной привязанности через демонстрацию ложной заботы, постепенную сексуализацию общения под видом «просвещения» и, наконец, переход к прямым действиям сексуального характера [9].

Эволюция преступности в эпоху цифровизации ставит перед правовой системой и правоохранительными органами принципиально новые задачи [3]. Традиционные составы преступлений и методы борьбы, рассчитанные на «классические» способы посягательства, зачастую оказываются малоэффективными в условиях, когда весь процесс подготовки и развития преступления происходит в виртуальной среде. Чтобы выработать действительно работающие профилактические и уголовно-правовые меры, нужно сначала ясно понимать масштабы и специфику IT-преступлений, особенно тех их форм, которые направлены против несовершеннолетних. Основные показатели этой угрозы отражены в следующих цифрах.

По данным статистики МВД в 2024 г. в России было зарегистрировано более 765 тысяч преступлений, совершенных с использованием информационных технологий, из них 649 тысяч — через интернет. Эти данные указывают на то, что интернет стал основной средой для совершения противоправных деяний [8].

Груминг является частным случаем киберпреступности. На фоне более 3,5 тысяч зарегистрированных преступлений по с. 242 УК РФ (изготовление порнографических материалов) существует высокая вероятность того, что для части этих материалов жертвами становились несовершеннолетние. Контакт с ними зачастую устанавливается через интернет методом груминга.

Отсутствие в УК РФ специальной нормы, которая бы криминализовала именно стадию установления доверительных отношений с несовершеннолетним в целях сексуальной эксплуатации, оставляет «предпреступную» фазу практически безнаказанной. Именно поэтому многие случаи груминга сегодня квалифицируются лишь по смежным статьям (133, 135 УК РФ) и только тогда, когда уже совершены более очевидные действия.

Данные, полученные «Лабораторией Касперского» в ходе исследования, свидетельствуют о широком распространении среди российских несовершеннолетних (79 %) практики получения предложений о добавлении в «друзья» в социальных сетях от незнакомых лиц.

Каждый пятый такой запрос (23 %) исходил от взрослого пользователя, причем максимальные показатели зафиксированы для младшей возрастной группы (7–10 лет). Около половины опрошенных детей (49 %) используют социальные сети именно для расширения круга общения, а 36 % из них не исключают последующие личные встречи с лицом, с которым знакомство было инициировано в онлайн пространстве [10].

Проведенное автором анкетирование 29 несовершеннолетних подтвердило высокую распространенность рискованных моделей поведения в интернет-пространстве. Так, 65,5 % респондентов указали, что познакомились с новыми людьми через игровые серверы и социальные сети, при этом 37,9 % опрошенных сталкивались с случаями установления контакта со взрослыми с подозрительными целями [11].

Особую общественную опасность представляет латентный характер данного преступления. Анализ судебной практики показывает, что несовершеннолетние потерпевшие очень часто просто не осознают противоправности действий взрослого и воспринимают их как проявление особых доверительных, почти дружеских отношений [4]. При интерпретации результатов проведенного исследования необходимо учитывать ряд методологических ограничений. Главным из них является фактор социальной желательности. Несмотря на то, что анкетирование «Безопасность в цифровой среде: твой опыт и мнение» проводилось анонимно, нельзя полностью исключать, что часть респондентов могла давать заведомо ложные или искаженные ответы. Причинами могли являться сомнения в том, что их ответы действительно не станут известны учителям или родителям, стыд и чувство вины, желание выглядеть «грамотными» и «осторожными» в глазах исследователя.

Таким образом, полученные в ходе анкетирования цифры могут не отражать реальную картину в полной мере, а являться ее «скорректированной» версией со стороны самих респондентов. Это говорит о том, что проблема груминга может иметь еще более скрытый и латентный характер, чем удалось показать результатам данного исследования.

Действующее уголовное законодательство Российской Федерации не содержит специального состава преступления, который устанавливал бы ответственность за онлайн-груминг как самостоятельный вид преступной деятельности. В результате действия преступников квалифицируются фрагментарно преступников по смежным составам [7].

Сложившаяся правоприменительная практика демонстрирует, что действия лиц, занимающихся грумингом, чаще всего квалифицируются по ст. 133 и ст. 135 Уголовного кодекса Российской Федерации. Однако такая квалификация оказывается неполной, поскольку эти нормы не охватывают начальные стадии преступной деятельности – установление доверительного контакта и психологическое воздействие на жертву.

Проблема усугубляется тем, что уголовная ответственность по действующим нормам наступает лишь при доказанности совершения конкретных действий развратного характера или склонения к таковым. При этом сам процесс умышленного установления отношений с несовершеннолетним в целях его последующей сексуальной эксплуатации остается за пределами уголовно-правового запрета.

Анализ судебной практики показывает, что действия, составляющие содержание онлайн-груминга, получают довольно разнородную уголовно-правовую оценку. Так, в Приговоре Раменского городского суда Московской области от 19 декабря 2023 г. по делу № 1-84/2023¹, суд установил факт длительной психологической обработки потерпевшей: виновный установил контакт через социальную сеть «ВКонтакте», использовал возрастную маскировку, формировал эмоциональную привязанность и получал от нее фотоматериалы интимного характера. Тем не менее, уголовная ответственность была возложена лишь на финальные действия обвиняемого, квалифицированные по ст. 133 УК РФ. Проблема усугубляется тем, что уголовная ответственность по действующим нормам наступает лишь при доказанности совершения конкретных действий развратного характера или склонения к таковым. В частности, Апелляционное определение Московского городского суда по делу № 10-3839/23 демонстрирует, что пере-квалификация действий с п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ на ч. 2 ст. 135 УК РФ

¹ Приговор Раменского городского суда Московской области от 19 декабря 2023 г. по делу № 1-84/2023. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/m9PSro1qZd64> (дата обращения: 03.11.2025).

была осуществлена вследствие отсутствия доказательств осведомленности подсудимого о возрасте потерпевшей.

Аналогичная проблематика квалификации прослеживается в Апелляционном определении Калужского областного суда по делу № 22-1037/2018, где действия были переквалифицированы на ч. 2 ст. 135 УК РФ в связи с отсутствием надлежаще собранных доказательств о беспомощном состоянии потерпевших. Судебная коллегия пересмотрела квалификацию преступления в сторону смягчения. Мотивацией такого решения послужила недоказанность факта нахождения потерпевших в беспомощном состоянии.

Особого внимания заслуживает практика Верховного Суда Российской Федерации, выраженная в Постановлении Президиума от 25 сентября 2024 г. N 11-П24пр¹. Несмотря на изменение назначенного наказания, связанное с процессуальными нарушениями, существо квалификации по ст. 131 УК РФ не подвергалось сомнению, что подтверждает отсутствие в правоприменительной практике специального подхода к оценке действий, образующих груминг.

Таким образом, существующая система квалификации уже не соответствует реальным вызовам цифровой виктимизации несовершеннолетних. Отсутствие специального состава преступления, который бы напрямую криминализировал онлайн-груминг, приводит к тому, что правоохранительные органы не могут дать адекватную уголовно-правовую оценку общественно опасным действиям на самых ранних стадиях, и это требует скорейшего законодательного решения проблемы. При этом последние изменения отечественного уголовного законодательства свидетельствуют о смене тренда на смягчение уголовной репрессии [1] и его разворота на усиление защиты интересов несовершеннолетних и ужесточении наказаний за преступления в их отношении [2].

Анализ зарубежного уголовного законодательства показывает, что в мире уже сложился достаточно единый подход к криминализации онлайн-груминга как самостоятельного состава преступления. В странах англосаксонской правовой системы приняты специальные нормы, которые устанав-

¹ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 25 сентября 2024 г. № 11-П24пр : Кодексы и законы РФ. – URL: <https://ukrfkod.ru/pract/postanovlenie-prezidiuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-25092024-n-11p24pr/> (дата обращения: 03.11.2025).

ливают ответственность именно за сам факт установления контакта с несовершеннолетним через информационно-телекоммуникационные сети с целью совершения сексуальных действий [7].

В Европейских государствах наблюдается последовательная имплементация положений Лансаротской конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений. Германское уголовное законодательство содержит состав «контакты, направленные на совершение сексуальных действий» (§ 176 StGB), который охватывает установление связи с лицом, не достигшим 16 лет, посредством телекоммуникационных средств¹. Аналогичные нормы присутствуют в уголовных кодексах Франции, Польши и других стран Европейского союза.

Сравнительный анализ позволяет выделить две основные модели криминализации. Первая модель, характерная для Великобритании, предусматривает ответственность за сам факт установления контакта с несовершеннолетним в интернет-пространстве с сексуальными намерениями². Вторая модель, применяемая в Германии, акцентирует внимание на совершении конкретных действий, направленных на склонение к сексуальной активности [5].

Особого внимания заслуживает опыт законодательного регулирования в странах СНГ. Статья 121-1 Уголовного кодекса Республики Казахстан представляет собой специфическую норму, криминализирующую совершение развратных действий сексуального характера в отношении лица, не достигшего 16-летнего возраста. В диспозицию статьи включены не только прямые прикосновения, но и склонение к подобным действиям, осуществляемое посредством телекоммуникационных сетей и интернета³.

Изучение зарубежного опыта доказывает необходимость разработки специализированной нормы, которая бы регулировала противодействие онлайн-грумингу. Ключевым требованием здесь является учет особенностей совершения преступления в цифровой среде и специфики доказывания вины. Российской Федерации представляется целесообразным ориентиро-

¹ Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений (Ратифицирована Федеральным законом РФ от 7 мая 2013 г. № 76-ФЗ). – URL: <https://docs.cntd.ru/document/499039123> (дата обращения: 20.11.2025).

² *Sexual Offences Act 2003*. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2003/42/contents> (дата обращения: 20.11.2025).

³ Уголовный кодекс Республики Казахстан (с изменениями и дополнениями по состоянию на 16.09.2025 г.). – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 02.12.2025).

ваться на приведенный в статье зарубежный опыт при проектировании законодательных норм, направленных на борьбу с рассматриваемой категорией преступлений.

На основании проведенного сравнительного анализа отечественной и зарубежной практики автор считает необходимым внести в Уголовный кодекс Российской Федерации статью 135.1 «Грумминг несовершеннолетнего».

Диспозиция нормы должна охватывать установление доверительных отношений совершеннолетним лицом с лицом, заведомо не достигшим шестнадцатилетнего возраста, с использованием информационно-телекоммуникационных сетей в целях совершения в отношении него действий сексуального характера.

Объективная сторона состава преступления должна включать комплекс действий, направленных на психологическое воздействие на несовершеннолетнего. Квалифицирующими признаками предлагается признать совершение деяния в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста; группой лиц по предварительному сговору; с использованием шантажа, угроз или обмана; лицом, имеющим судимость за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних.

Особенностью предлагаемого состава является криминализация процесса установления доверительных отношений, что позволит пресекать преступную деятельность на ранних стадиях. Как показывает анализ судебной практики, существующие составы преступлений не позволяют эффективно противодействовать груммингу до момента реального причинения вреда половой неприкосновенности несовершеннолетнего.

В примечании к статье следует закрепить легальное определение грумминга как «установления доверительных отношений с несовершеннолетним с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая социальные сети, мессенджеры и онлайн-игры, в целях последующего совершения в отношении него действий сексуального характера».

С учетом вышеизложенного представляется возможной следующая редакция:

Статья 135.1. Грумминг несовершеннолетнего

1 Установление совершеннолетним лицом доверительных отношений с лицом, заведомо не достигшим шестнадцатилетнего возраста, в целях по-

следующего совершения в отношении него действий сексуального характера, – наказывается ограничением свободы на срок от одного года до трех лет, либо принудительными работами на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет, либо лишением свободы на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет.

2 То же деяние, совершенное:

а) в отношении лица, заведомо не достигшего четырнадцатилетнего возраста;

б) группой лиц по предварительному сговору;

в) с использованием шантажа, угроз или обмана;

г) лицом, имеющим судимость за преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетних;

д) с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет», социальные сети, мессенджеры или онлайн-игры), – наказывается лишением свободы на срок от трех до шести лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет.

Примечание. Под установлением доверительных отношений в целях настоящей статьи понимаются действия, направленные на формирование у несовершеннолетнего чувства эмоциональной привязанности, доверия или зависимости, включая демонстрацию ложной заботы и внимания, обсуждение личных проблем несовершеннолетнего, установление контроля, обмен сообщениями интимного характера, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, а также иные способы психологического воздействия.

Введение специального состава создаст правовые основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий на стадии подготовки к преступлению и позволит значительно повысить уровень эффективности предупреждения сексуальных преступлений против несовершеннолетних в цифровой среде.

Проведенное исследование позволило всесторонне рассмотреть проблему уголовно-правовой защиты несовершеннолетних от груминга и сформулировать конкретные предложения по совершенствованию законодательства.

Установлено, что онлайн-груминг представляет собой серьезную угрозу половой неприкосновенности несовершеннолетних в цифровой среде.

Выявлены существенные пробелы в действующем уголовном законодательстве Российской Федерации. Отсутствие специального состава преступления, криминализирующего груминг, приводит к фрагментарной квалификации действий преступников по смежным составам и не позволяет эффективно противодействовать этому виду преступной деятельности уже на ранних стадиях. Анализ судебной практики продемонстрировал, что существующие нормы УК РФ не охватывают многостадийный процесс психологической обработки несовершеннолетних.

Сравнительно-правовое исследование зарубежного опыта показало наличие устоявшихся моделей криминализации груминга в странах Европы и СНГ. Изучение законодательства Германии, Великобритании, Казахстана и других государств позволило выявить эффективные подходы к конструированию составов преступлений, связанных с онлайн-грумингом.

На основе проведенного анализа автор разработал и обосновал проект законодательной инициативы по внесению в Уголовный кодекс Российской Федерации новой статьи 135.1 «Груминг несовершеннолетнего». Предлагаемая конструкция состава преступления включает:

- четкое определение объективной стороны, охватывающей установление доверительных отношений с использованием информационно-телекоммуникационных сетей;
- систему квалифицирующих признаков, учитывающих повышенную общественную опасность отдельных видов груминга;
- легальное определение понятия «установление доверительных отношений» в примечании к статье.

Введение специального состава преступления даст правоохранительным органам возможность эффективно документировать деяние уже на стадии подготовки, пресекать преступную деятельность на ранних этапах и обеспечивать реальную уголовно-правовую охрану прав и интересов несовершеннолетних в цифровой среде. Перспективы дальнейшего исследования проблемы видятся в разработке методических рекомендаций по расследованию преступлений, связанных с онлайн-грумингом, а также в создании комплексной системы профилактики данного вида киберпреступности.

Библиографический список

1 Алексеева Е. А. Либерализация и гуманизация уголовного законодательства Российской Федерации / Е. А. Алексеева, А. К. Фомичева // Российский конституционализм: история, настоящее и будущее. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2020. – С. 367–372.

2 Алексеева Е. А. Основные тенденции развития Уголовного законодательства России / Е. А. Алексеева // Уголовная политика: ценностные приоритеты и новеллы законодательства. – Тюмень : ТюмГУ-Press, 2025. – С. 67–74.

3 Алексеева Е. А. Состояние преступлений в сфере компьютерной информации: проблемы и перспективы / Е. А. Алексеева // Национальные экосистемы : сборник научных трудов по итогам проведения I–III Международных научно-практических конференций. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2023. – С. 634–642.

4 Берестовой А. Н. О понятии и характеристике преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних в киберпространстве / А. Н. Берестовой, П. В. Цветков // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 4 (100). – С. 105–111.

5 Джакишева Х. М. Опыт Германии по профилактике вовлечения несовершеннолетних в совершение уголовных правонарушений посредством сети Интернет / Х. М. Джакишева // Вестник науки. – 2024. – № 7 (76). – Т. 4. – С. 84–91.

6 Дозорцева Е. Г. Сексуальный онлайн груминг как объект психологического исследования / Е. Г. Дозорцева, А. С. Медведева // Психология и право. – 2019. – Т. 9. – № 2. – С. 248–256.

7 Кочкина М. С. Онлайн-груминг как криминологическая проблема: сущность и профилактика / М. С. Кочкина // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. – 2025. – № 1 (70). – С. 78–84.

8 Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года. МВД России. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/...> (дата обращения: 03.11.2025).

9 Медведева А. С. Характеристики онлайн груминга как вида сексуальной эксплуатации несовершеннолетних (по результатам анализа переписок взрослых и детей в сети Интернет) / А. С. Медведева, Е. Г. Дозорцева // Психология и право. – 2019. – Т. 9. – № 4. – С. 161–173.

10 Почти четверть заявок в друзья дети получают от взрослых пользователей // Kaspersky Daily. – 2022. – 15 августа. – URL: <https://share.google/e4qM3JoZVSP9MTKde> (дата обращения: 03.12.2025).

11 Что такое груминг детей и как за него наказывают в России : Энциклопедия // Секрет фирмы. – 2025. – 24 марта. – URL: <https://share.google/tgSqElz4J65yc7F16> (дата обращения: 03.12.2025).

В. Р. Рахимова, Р. И. Хайруллин

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доц. А. Г. Маркелов

**ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ
ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ПЕРИОДЫ ОТДЕЛЬНЫХ ВОЕННЫХ
КОНФЛИКТОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ В ПЕРИОД
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ПРОВЕДЕНИЯ
СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ (СВО)**

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей уголовно-процессуального доказывания преступлений, совершенных в периоды отдельных военных конфликтов, включая Великую Отечественную войну и специальную военную операцию (СВО). Рассматриваются изменения в порядке уголовно-процессуального доказывания преступлений, совершенных в особых обстоятельствах вооруженного конфликта. Анализируются ключевые аспекты установления истины и обеспечения доказательственной базы в делах о преступлениях, совершенных в период Великой Отечественной войны и в современных условиях специальной военной операции. Исследование призвано выявить сходства и различия в подходах уголовно-процессуального доказывания в различные периоды отдельных военных конфликтов.

Ключевые слова: доказывание вины, уголовный процесс, сбор доказательств, Великая Отечественная война, специальная военная операция (СВО).

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. внесла серьезные изменения в регулирование вопросов уголовно-процессуального доказывания. Период Великой Отечественной войны имеет значительную особенность, которая заключается в том, что нормы уголовного-правового характера содержались не только в УПК РСФСР, но и в иных подзаконных актах, например, указах Верховного Совета СССР, постановлениях Государственного Комитета Обороны [1, с. 25].

Для уголовно-правовой политики периода Великой Отечественной войны была свойственна массовая криминализация преступных деяний, которая была связана с появлением новых общественно опасных форм поведения, таких как распространение ложной информации. Итогом данного явления стало появление Указа Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1941 года, который привлекал к уголовной ответственности лиц, распространяющих ложные слухи, вызывающих панику среди населения, в военное время. Согласно статистическим данным, только за первые четыре месяца военные трибуналы осудили 1423 человека [2, с. 9]. До начала Великой Отечественной войны основными источниками уголовно-процессуального права служили: Конституция СССР, УПК РСФСР 1923 года, Закон о судеустройстве СССР 1938 года, Положение «О военных трибуналах и военной прокуратуре» 1926 года. Эти документы обеспечивали эффективное функционирование военно-судебных органов в мирное время. Однако начало войны привело к фундаментальным изменениям условий деятельности всего советского государства, в том числе изменений в уголовно-процессуальном законодательстве. Уже в первые дни войны было введено новое положение, регламентирующее подсудность военных трибуналов, передавая им на рассмотрение наиболее тяжкие преступления военного времени, независимо от субъекта, совершившего преступление, если оно совершено в зоне, находящейся на военном положении [3, с. 104]. При разбирательстве уголовных дел против офицерского состава присутствие солдат и сержантов в суде было нежелательным, аналогичная ситуация была при рассмотрении дел сержантов – суд старались освободить от присутствия рядовых военнослужащих. Особое значение по время Великой Отечественной войны имеет практика применения ст. 461 УПК РСФСР, которая допускала отсрочку исполнения приговоров. Согласно примечанию 2 к ст. 28 УПК РСФСР, в военное время судьи могли направлять осужденных военнослужащих, наказанных лишением свободы без лишения политических прав, непосредственно на фронтовые участки действующей армии. Суды, осознав целесообразность такого подхода, применительно к ситуации в стране, стали все чаще реализовывать указанную норму закона. 15 января 1942 года секретариат Президиума Верховного Совета СССР издал инструкцию, регламентирующую процедуру снятия судимости с военнослужащих, проявивших героизм в сражениях с немецкими захватчиками. Со-

гласно документу, решение о снятии судимости могло инициироваться командирами частей или кораблей, а утверждение осуществлялось военным советом фронта, флота или отдельной армии от лица Президиума Верховного Совета СССР. Однако данная инструкция не применялась к военнослужащим, которые были освобождены от наказания на основании примечания 2 к статье 28 УК РСФСР. Это несоответствие было исправлено только 26 февраля 1942 года специальным Указом Президиума Верховного Совета СССР. Указ установил, что военнослужащие, осужденные с отсрочкой исполнения приговора по примечанию 2 к статье 28 УК РСФСР и впоследствии освобожденные от наказания военным трибуналом за стойкую защиту Родины, считались не имеющими судимости. Это обстоятельство должно было быть отражено в определении суда об освобождении от наказания. Из-за специфики условий военного времени стало сложно рассматривать вопросы освобождения от наказания теми судами, которые ранее выносили приговор военнослужащим. Для решения этой проблемы Пленум Верховного суда СССР 26 июня 1942 года постановил, что освобождение от наказания или его смягчение возможно посредством соответствующего военного трибунала по местонахождению воинской части, где проходит службу осужденный военнослужащий. Если же наказание было назначено непосредственно Верховным судом СССР, то изменение меры ответственности допускалось исключительно решением самого Верховного суда СССР [4, с. 26]. За годы Великой Отечественной войны судебными инстанциями было вынесено обвинительных приговоров в отношении почти миллиона военнослужащих (около 994 тысяч человек). Это составило приблизительно 3 % от общей численности мобилизованных в вооруженные силы Советского Союза в указанный временной промежуток. Из указанных осужденных примерно 400 тысяч были отправлены обратно на фронт с условием отложенного исполнения приговора до завершения боевых действий [5, с. 87].

Во время Великой Отечественной войны процесс доказывания виновности военнослужащих происходил в особых условиях, обусловленных военной обстановкой и необходимостью быстрого реагирования. Военное положение существенно повлияло на порядок расследования преступлений и судебные разбирательства. Закон предусматривал создание особых органов правосудия – военных трибуналов, которые рассматривали дела военнору-

жащих. Такие суды обладали широким спектром полномочий и действовали оперативно, учитывая необходимость быстрого реагирования на преступления. Досудебное следствие велось по упрощенной процедуре, организовывалось преимущественно силами самих военнослужащих и контролировалось военной прокуратурой, которая применяла сокращенные сроки и облегченную форму оформления материалов дел. Первым этапом уголовного процесса было возбуждение уголовного дела в отношении военнослужащего. Следствие могло начинаться на основании показаний сослуживцев, командиров подразделений, документов разведки либо результатов оперативно-розыскных мероприятий контрразведки («СМЕРШ»). Доказательствами, согласно ст. 69 УПК РСФСР, признавались любые фактические данные, которые устанавливаются допросом свидетелей, осмотром места происшествия, получением объяснений от подозреваемого, проведением обыска и изъятия вещественных доказательств. В УПК РСФСР четко не сгруппировано в одну статью то, какие именно данные допускаются в качестве доказательств. Например, доказательства могли включать протоколы осмотра мест происшествий, рапорты начальников частей и командиров, показания сослуживцев, письма и личные вещи подозреваемого, фотографии и фотодокументы. Особенности процедуры сбора доказательств:

1) допросы подозреваемых проводились следователями, вопросы ставились четко и конкретно, без предварительного длительного изучения личности допрашиваемого. Зафиксированные показания могли использоваться судом в качестве основного доказательства вины. Особенность состояла в том, что признание собственной вины рассматривалось как весомый аргумент в пользу вынесения обвинительного приговора.

2) экспертиза проводилась преимущественно силами военно-медицинских учреждений, что было не запрещено согласно ст. 78 УПК РСФСР, в которой говорилось, что в качестве эксперта могла быть вызвано любое лицо, обладающее необходимыми знаниями для вынесения заключения.

3) органы контрразведки использовали методы оперативной разработки, слежки, скрытого наблюдения и проверочных экспериментов и, информация, добытая таким путем, также относилась к доказательствам.

4) предварительное следствие длилось крайне ограниченное время, поскольку оперативность рассмотрения дел имела приоритет перед формальностью процедур. Следователь мог самостоятельно устанавливать

круг подлежащих исследованию обстоятельств и фиксировать полученные данные.

Суд, прокурор, следователь, а также лицо, производящее дознание, оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием. Данная норма оценки доказательств содержалась с ст.71 УПК РСФСР. Проверка доказательств проводилась путем сопоставления собранных материалов, повторных допросов участников события, назначения судебных экспертиз. Особое внимание уделялось проверке фактов самооговоров и ложных показаний. Часто использовались специальные проверки посредством наблюдения за поведением арестованных лиц и контроля переписки. Таким образом, процесс сбора, оценки и проверки доказательств имел строгий характер, направленный на быстрое выявление истины и справедливое наказание преступников, нарушивших закон в условиях тяжелейших испытаний военного времени [6, с. 111].

Вопросы соблюдения формы доказательств также подвергались значительному упрощению, что с одной стороны позволяло быстрее завершать расследование, а с другой ставило под сомнения сами доказательства. Время, которое выделялось на рассмотрение одного дела, было ограничено, собственно говоря, как и ресурсы, поэтому нередко применялись косвенные доказательства для более быстрого завершения процесса. Военные трибуналы зачастую использовали два вида косвенных доказательств: показания свидетелей и обстоятельства дела. Свидетельские показания являлись важным источником сведений о действиях обвиняемого, его связях с неприятелем и иных обстоятельствах, подтверждающих вину. Значительную же роль в формировании доказательной базы играло мнение командиров и товарищей по службе, что с одной стороны способствовало укреплению дисциплины и коллективной ответственности среди военнослужащих, а с другой влияло на объективность процесса доказывания. Использование косвенных доказательств в военных судах периода Великой Отечественной войны обеспечивало быстрое рассмотрение дел, позволяя оперативно пресекать угрозу государству. Вместе с тем оно нередко сопровождалось нарушениями прав человека и судебными ошибками.

Опыт изменений в уголовном процессе во время Великой Отечественной войны оказал влияния и на современность. Специальная военная опе-

рация (СВО), начавшаяся 24 февраля 2022 год, также повлияла на уголовный процесс, поскольку участие граждан в боевых действиях стало являться, например, основанием для приостановления судебных разбирательств. Эти изменения касаются как мобилизованных, так и добровольцев, служащих по контракту о добровольном содействии выполнению задач вооруженных сил РФ. В марте 2024 года Федеральным законом №64-ФЗ в УПК РФ была введена новая статья 28.2, предусматривающая возможность прекращения уголовного преследования лиц, участвующих в специальной военной операции (СВО). Данная норма действует в отношении всех категорий обвиняемых и подозреваемых, за исключением тех, кто обвиняется или подозревается в совершении преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Согласно ч. 2 ст. 28.2 УПК РФ, прекращение уголовного преследования возможно в нескольких случаях: во-первых, если участник СВО получает государственную награду, во-вторых, в связи с увольнением по достижению предельного возраста пребывания на военной службе, в-третьих, при медицинском установлении непригодности к дальнейшей военной службе по состоянию здоровья, и, в-четвертых, по окончании мобилизации. Эти основания могут служить поводом для принятия решения о прекращении уголовного преследования, которое принимается органом предварительного расследования, следователем или дознавателем при наличии соответствующего согласия руководителя следственного органа и прокуратуры соответственно. Изменениями, внесенными Федеральным законом от 2 октября 2024 года №340-ФЗ, предусмотрено расширение полномочий суда в рамках судебного разбирательства. Теперь суд имеет право по ходатайству командования воинской части приостановить производство по уголовному делу в отношении лица, участвующего в специальной военной операции, а также принять решение о прекращении уголовного преследования по основаниям, указанным в введенной статье 28.2 УПК РФ [7, с. 29].

Однако важно подчеркнуть, что такое прекращение уголовного преследования носит исключительно процессуально-технический характер, не является реабилитирующим актом. Лицо сохраняет право выразить несогласие с данным решением и требовать продолжения рассмотрения своего дела в обычном порядке, если оно убеждено в собственной невиновности. В случае отказа от такого решения органы предварительного расследования обязаны продолжить расследование дела и довести его до конца.

Федеральным законом от 2 октября 2024 года №340-ФЗ введен новый механизм, позволяющий приостанавливать уголовные дела в отношении лиц, призванных на военную службу, по инициативе командования воинской части. Приостановление уголовного дела в отношении участников специальной военной операции должно контролироваться председателем городского суда. Для проверки текущего местонахождения фигурантов необходимо систематически запрашивать соответствующую информацию в местных военных комиссариатах. Такие запросы позволяют выяснить, вернулись ли участники из зоны проведения операции, что существенно влияет на дальнейшее движение дела. Также одной из часто используемых норм становится право участников специальной военной операции подать ходатайство о рассмотрении их уголовных дел заочно в соответствии с положением ч. 4 ст. 247 УПК РФ. Зачастую подобные дела завершаются постановлением о прекращении уголовного преследования.

Процесс доказывания по уголовным делам военнослужащих в период специальной военной операции обладает уникальными особенностями, связанными с особыми условиями оперативно-служебной деятельности, влиянием факторов риска и стрессовых ситуаций. Исследование показывает, что основными проблемами являются трудности с обеспечением необходимого объема доказательств, недостаточная осведомленность судей о специфике военных действий и особенностях поведения военных в экстремальных условиях. Одной из главных проблем является сбор и оценка доказательств. Если уголовно-наказуемое преступление совершено в зоне военных действий, имеется сложность в сборе вещественных доказательств и осмотре местности вследствие непосредственной угрозы жизни. Однако, зачастую применяются современные технологии, упрощающие сбор таких доказательств, например, дистанционные системы видеонаблюдения и спутниковые снимки, которые становятся необходимым инструментом для восстановления картины произошедшего события. Виды источников доказательств в уголовном процессе перечислены в ч. 2 ст.74 УПК РФ и включают следующие категории сведений:

1) Показания подозреваемого, представляющие собой устные высказывания лица, подозреваемого в совершении преступления, в ходе досудебного производства (ст. 76 УПК РФ).

2) Показания обвиняемого-сведения лица в ходе досудебного производства, привлеченного в качестве обвиняемого по уголовному делу. Признание своей вины может быть положено в основу обвинения лишь в случае подтверждения доказательствами его виновности (ст. 77 УПК РФ).

3) Показания потерпевшего – свидетельства гражданина, признанного потерпевшим по делу, касательно обстоятельств совершения преступления и иных юридически значимых моментов. Потерпевший вправе давать показания по любым обстоятельствам, имеющим значение для уголовного дела, включая информацию о характере взаимоотношений с подозреваемым или обвиняемым лицом (ст. 78 УПК РФ).

4) Показания свидетеля – объяснение лица, располагающего информацией о преступлении, а также о личности подозреваемого или обвиняемого лица, а также потерпевшего лица и своих взаимоотношениях с указанными лицами (ст. 79 УПК РФ).

5) Заключение и показания эксперта и специалиста – выводы, предоставляемые компетентным лицом, имеющие значение для уголовного дела. Заключение эксперта и специалиста предоставляются в письменном виде и содержать выводы по вопросам, поставленным перед указанными лицами (ст. 80 УПК РФ).

6) Вещественными доказательствами являются любые объекты материального мира, сохранившие следы преступления или иным образом способные подтвердить значимую информацию о преступлении (ст. 81 УПК РФ). Процессуальная характеристика вещественных доказательств включает в себя четыре основных элемента: сам материальный объект, представляющий интерес для уголовного дела; протокол следственного действия, в результате которого этот объект был обнаружен; протокол осмотра самого предмета; постановление следователя о признании о официальном включении данного объекта в число вещественных доказательств по уголовному делу [8, с. 106].

7) Протоколы следственных и судебных действий – официально зафиксированные процессуальные документы, которые являются результатом проведения следственных действий и судебного заседания и допускаются в качестве доказательств (ст. 83 УПК РФ).

8) Иные документы, которые представляют из себя документы, имеющие отношение к делу. Например, письма, записи, фотографии, чертежи и другие носители информации (ст. 84 УПК РФ).

Уголовное дело возбуждается по факту выявления признаков преступления, в данном случае командование части обязано уведомить военную прокуратуру. После поступления данного уведомления проводится предварительная проверка, по результатам которой принимается решение о возбуждении уголовного дела. Расследованием занимаются военные следователи Следственного комитета РФ. Именно они проводят следственные действия, направленные на установление всех обстоятельств дела. Оценка доказательств осуществляется с соблюдением принципов объективности, полноты и всесторонности. Военный прокурор, судья или следователь оценивают каждое доказательство, учитывая, согласно ст.88 УПК РФ, допустимость доказательств (собраны законным путем), относимость доказательств (имеют прямое отношение к обстоятельствам дела) и достоверность доказательств. Проверка доказательств осуществляется дознавателем, следователем, прокурором и судом посредством их сравнения с прочими доказательствами, выяснения происхождения каждого доказательства, а также посредством получения дополнительных доказательств, подтверждающих или опровергающих исследуемое сведение (ст. 87 УПК РФ).

Другая проблема кроется в психологической нагрузке, испытываемой военнослужащими, находящимися в зонах военных действий. Необходимо учитывать психологическое состояние военнослужащих при оценке их показаний, поскольку травмирующие переживания могут искажать восприятие действительности и влиять на точность воспоминаний. Исследование также подчеркивает важность взаимодействия с представителями командования и соответствующими службами Министерства обороны для обеспечения прозрачности и объективности в ходе судебного разбирательства. Показания непосредственных начальников подразделения подозреваемого или обвиняемого зачастую играют важную роль, так как именно они дают характеристику военнослужащего, помогающую выявить склонность конкретного лица к совершению противоправных действий. Судом принимаются любые доказательства по уголовному делу, на основе которых устанавливается наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу (ст. 74 УПК РФ). Это говорит о том, что для лиц, несущих военную службу в зоне СВО, нет каких-то дополнительных видов доказательств, которые можно было бы приобщить к делу, то есть, по общему правилу, судом принимаются только прямые доказательства.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны были введены специальные законы, направленные на борьбу с новыми видами преступлений, такими как распространение ложных слухов, нарушение дисциплины и саботаж. Нормативная база криминализовала многие деяния, связанные с военной службой, но при этом ускорила судебное разбирательство. В указанный период особое внимание уделялось быстрому и эффективному решению дел. Военные трибуналы работали по упрощенной схеме, используя минимальное количество свидетельских показаний и вещественных доказательств. Большое значение придавалось обстоятельствам дела, таким как обнаружение военнослужащего вне своей части без документов, что автоматически считалось признаком дезертирства. В настоящее же время основой уголовного судопроизводства является Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Структура доказательств и общая логика расследования и в современное время остаются схожи с периодом Великой Отечественной войны, но существуют принципиальные отличия, отражающие эволюцию процесса доказывания. Так, ранее, в условиях военного времени, особое внимание уделялось оперативности и жесткой дисциплине, в то время как современный УПК стремится обеспечить баланс между эффективностью и защитой прав участников уголовного судопроизводства. Ключевыми изменениями стали расширение и уточнение перечня допустимых доказательств, развитие норм оценки доказательств, укрепление института судебной экспертизы. Вместе с тем сохраняется общий подход к оценке доказательств по внутренним убеждениям, выработанный еще в советское время, дополненный современными гарантиями справедливости и прозрачности процесса, в том числе в отношении военнослужащих. Также современная практика показывает, что в систему доказывания все чаще внедряются современные технологии, которые делают процесс доказывания более полным и справедливым, хотя и создают некоторые сложности. Федеральные законы, принятые в последние годы, вводят дополнения, позволяющие прекратить уголовное преследование в отношении участников СВО. Дополнительные поправки расширяют полномочия суда в ситуациях, связанных с участием граждан в спецоперации. Несмотря на схожесть подходов, современная система отличается большей гибкостью и адаптирована к современным реалиям.

Библиографический список

1 Степанова И. Б. Особенности уголовно-правовой политики в годы Великой Отечественной войны / И. Б. Степанова, О. В. Соколова // Право и практика. – 2024. – № 4. – С. 25–30.

2 Иванов А. Л. Уголовное законодательство в годы Великой Отечественной войны / А. Л. Иванов // Вестник Академии Следственного комитета РФ. – 2015. – № 2 (4). – С. 9–21.

3 Тимофеев М. И. Применение норм уголовно-процессуального права в деятельности военных трибуналов в условиях военного времени / М. И. Тимофеев // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2013. – № 7. – С. 103–107.

4 Лысенко С. Г. Судопроизводство военными трибуналами в годы Великой Отечественной войны / С. Г. Лысенко // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – № 2 (62). – С. 24–27.

5 Андроников В. М. Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях, военных конфликтах : статистическое исследование / В. М. Андроников, П. Д. Буриков, В. В. Гуркин ; под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. – Москва : Воениздат, 1993. – 416 с.

6 Ефимовских В. Л. История российской юстиции : учеб. пособие / В. Л. Ефимовских, Л. Ю. Мхитарян. – Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2021. – 124 с.

7 Беляев М. В. Особенности рассмотрения уголовных дел в отношении участников СВО: практика Республики Татарстан / М. В. Беляев, О. В. Качалова // Уголовный процесс. – 2024. – № 1. – С. 26–30.

8 Маркелов А. Г. Уголовный процесс России: учебник / А. Г. Маркелов ; под ред. М. П. Полякова. – Москва : Директ-Медиа, 2023. – 560 с.

9 Лысенков С. Г. Правовой статус военнослужащих в период Великой Отечественной войны : Историко-правовое исследование : 12.00.01 Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / С. Г. Лысенков. – Санкт-Петербург, 2005. – 54 с.

10 Титов В. В. К вопросу о совершенствовании системы наказаний и применении военными судами мер уголовного наказания в военное время / В. В. Титов // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2021. – № 8.

УДК 343.98

С. И. Тихонов

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доц. Е. А. Алексеева

ЮВЕНАЛЬНАЯ ВИКТИМОЛОГИЯ

Аннотация. Статья посвящена исследованию ювенальной виктимологии как перспективного направления криминологической науки. Основное внимание уделено специфике виктимности несовершеннолетних, детерминированной возрастными, психологическими и социальными факторами. На примере случаев семейно-бытового насилия раскрываются ключевые виды насилия над детьми и его последствия. Обосновывается необходимость комплексного подхода к профилактике виктимизации подростков, включая создание позитивного информационного контента, организацию досуга и развитие системы дополнительного образования.

Ключевые слова: ювенальная виктимология, несовершеннолетние, семейно-бытовое насилие, виктимное поведение.

Долгие годы в круг научных криминологических исследований виктимология не входила. Традиционная модель криминологии, включавшая изучение преступности, ее причин, личности преступника и мер профилактики, была пересмотрена в середине прошлого столетия. Инициированный Б. Мендельсоном, Г. Гентингом и Р. Гассером новый подход предполагал, что эффективное и междисциплинарное исследование проблемы возможно лишь через призму изучения жертвы преступления, что и стало основой для формирования отдельного научного направления [11].

Сам термин «виктимология» в широком смысле слова представляет собой учение о жертве. Ее предметом выступает комплексное исследование лиц, пострадавших от преступлений, несчастных случаев, природных катастроф и т. д. Основное внимание в этой области уделяется анализу причин и условий, приводящих к возникновению виктимных ситуаций, специфику поведения жертвы, также разрабатываются теоретические модели для прогнозирования виктимности и формируются превентивные меры, направленные на защиту потенциально уязвимых лиц.

Криминологическая виктимология фокусируется на исследовании жертв преступлений, интерпретируя это понятие значительно шире, нежели уголовно-процессуальное право в ст. 42 УПК РФ [16]. Опираясь на международно-правовые нормы [7], она определяет жертву как любое лицо, которому преступлением причинен прямой или косвенный вред.

Вопрос о круге лиц, признаваемых жертвами преступления, остается в криминологии дискуссионным. Часть исследователей расширяет это понятие, включая в него юридические лица, которым был причинен имущественный или репутационный ущерб [9]. В противовес этой позиции приверженцы классической трактовки, такие как Н. Ф. Кузнецова [10], настаивают на том, что статус жертвы может принадлежать исключительно физическому лицу. Поскольку виктимность организации является производной от решений и действий конкретных людей, именно традиционный подход видится наиболее аргументированным.

Отечественная криминология не обладает целостной концепцией виктимологии. Ученые предлагают ее разделение на отдельные ветви, такие как криминальная виктимология, виктимология травмы (изучающая жертв некриминального травматизма), виктимология катастроф и бедствий, виктимология насилия и виктимология, анализирующая вовлечение в деструктивные культы [15]. При этом следует отметить, что предложенная классификация не претендует на полноту и может быть расширена.

Отдельной значимой областью виктимологии является ювенальная, сфокусированная на анализе причин и характера преступлений, где несовершеннолетние выступают в качестве жертв [6]. Основная причина выделения данного направления – высокая степень виктимности молодежи, что объясняется их возрастными особенностями (незрелость психики, физическая уязвимость, доверчивость) и социальной несамостоятельностью, требующей защиты от взрослых. В ситуации, когда эта защита отсутствует, подростки зачастую становятся крайне уязвимыми и легко попадают в роль жертв преступления.

Следовательно, ювенальная виктимология специализируется на преступлениях с несовершеннолетними жертвами и факторах их виктимизации. Она включает в себя превентивные меры государственных и общественных структур по снижению виктимизации, предупреждению несчастных случаев и преступлений против детей. Данный подход корректен, так

как психологические особенности подростков – доверчивость, внушаемость, неспособность конструктивно разрешать конфликты – непосредственно влияют на виктимность. Эти характеристики и объясняют повышенную уязвимость и высокий риск стать жертвой для данной социально-демографической группы.

Центральное место в виктимологии занимает понятие виктимности, под которой понимается свойство личности, повышающее вероятность оказаться жертвой криминального деяния [1]. Эта предрасположенность имеет социальную природу и относительный характер, а также реализуется в рамках конкретной жизненной ситуации. Важно подчеркнуть, преступление рассматривается как продукт динамического взаимодействия трех элементов: преступника, жертвы и ситуации, понимаемой как совокупность условий до, в момент и после совершения противоправного деяния.

Виктимность как категория имеет широкий смысл и структурно состоит из четырех компонентов: индивидуальная (личностные качества, повышающие риск причинения вреда), видовая (риск стать жертвой определенных преступлений, например, кражи, мошенничество), групповая (уязвимость, характерная для конкретных социальных групп, куда между прочим и входят несовершеннолетние) и массовая (объективная реальность, при которой часть общества регулярно страдает от преступлений из-за своей виктимности, формируя общую картину пострадавших).

Специфика криминальной виктимности коренится преимущественно в опасном поведении и деформированных личностных чертах индивида, а не в его пассивной уязвимости. Виктимологические факторы – это совокупность личностных и поведенческих характеристик, которые формируют жертву и в определенной среде способствуют ее виктимизации. У несовершеннолетних эти факторы обусловлены рядом социально-психологических качеств, среди которых ведущая роль принадлежит индивидуальным свойствам личности. Современная классификация ювенальной виктимности включает такие факторы: микросоциальные (прежде всего, нарушения в отношениях между родителями и детьми), макросоциальные (экономическая конъюнктура и общее социальное благополучие определяют материальный статус и бытовые условия семей, влияние СМИ на формирование образа мира), а также психологические и ситуационные. В научной литературе нет единого мнения о ключевых детерминантах виктимизации несовершеннолетних. Если Ю. А. Беляева видит их в половозрастных характеристиках и

стрессовой виктимности [4], то К. А. Волков центральным фактором называет семейное неблагополучие [5]. Подтверждением серьезности данной проблемы служат данные за 2024 год: около двух тысяч детей и подростков пострадали от преступных посягательств со стороны членов собственной семьи [18].

Виктимологические факторы, повышающие уязвимость несовершеннолетних, многочисленны и не поддаются исчерпывающему перечислению. Следовательно, любой из них может способствовать виктимизации, что диктует необходимость в каждом отдельном случае устанавливать индивидуальный комплекс причин.

В настоящее время проблема насилия, особенно в форме семейно-бытового над детьми, становится все более острой. В юридической и социологической науке семейно-бытовое насилие трактуется как преднамеренные противоправные действия, посягающие на охраняемые законом блага личности. Эти действия возникают в контексте бытовых споров и конфликтов между лицами, связанными семейными или родственными узами [17]. Насилие над детьми в семейной среде имеет сложную структуру и классифицируется по различным основаниям. Одна из распространенных типологий, предложенная М. В. Кармановым, включает три ключевые категории: физическое, психологическое (эмоциональное) и сексуальное насилие [8]. А. С. Свечникова, в свою очередь, расширяет классификацию, вводя понятия экономического и медицинского насилия. Под первым подразумевается лишение ребенка базовых потребностей необходимых для жизни, под вторым – как не оказание должной медицинской помощи, так и преднамеренное причинение вреда здоровью через передозировку или развитие зависимости [14].

Насильственные действия в отношении несовершеннолетних неизбежно наносят серьезный ущерб их развитию и жизни. Последствия проявляются в форме глубоких психологических травм, потери самооценки, телесных повреждений и, в наиболее трагичных случаях, гибели. Согласно официальной статистике Следственного комитета РФ, за 2024 год жертвами преступлений стали 1082 несовершеннолетних, что демонстрирует рост показателя на 10 % по сравнению с предыдущим годом. Общее число несовершеннолетних, признанных потерпевшими, приблизилось к 17 тысячам, из которых 266 детей были младше 1 года, 831 – в возрасте 1–5 лет, 2600 – от 6 до 10 лет, свыше 6 тысяч – 11–14 лет и 7 тысяч – подростки

старше 14 лет [3]. Длительное воздействие жестокости формирует у пострадавшего защитную агрессию, направленную на источник угрозы. В детском возрасте подобные травмы приводят к глубокой социальной дезадаптации, которая выражается в неспособности выстраивать здоровые отношения, и становятся фоном для возникновения устойчивых психоэмоциональных и психосоматических патологий. Частичная декриминализация ст. 116 УК РФ и введение ст. 116.1 УК РФ с административной преюдицией в 2016 г. также не способствовали профилактике семейно-бытового насилия, и несмотря на ужесточение уголовной ответственности за преступления против семьи и несовершеннолетних (ст. 150, 151, 151.1 УК РФ) в 2024 г. проблемы виктимизации несовершеннолетних в родительской семье остаются нерешенными [2].

В качестве ключевого критерия исследования было выбрано семейно-бытовое насилие, поскольку именно эта категория аккумулирует все рассмотренные выше формы насильственных действий и отличается высокой степенью распространенности. Яркой иллюстрацией служит уголовное дело № 1-273/2021 [13], в котором обвиняемая, мать малолетнего ребенка, злоупотребив своей властью и осознавая беспомощность и полную зависимость дочери, систематически подвергала ее истязаниям. Мотивацией послужили личная неприязнь к активности ребенка и его проблемам со здоровьем, а также нежелание обеспечивать надлежащий уход и медицинскую помощь. Под предлогом воспитательных мер обвиняемая умышленно наносила потерпевшей побои руками и различными предметами. Кроме того, в число насильственных действий входило привязывание ребенка к кровати с использованием подручных средств, что лишало его свободы передвижения и доступа к пище и воде на срок до трех суток, при этом другим членам семьи запрещалось освобождать девочку.

Следующий эпизод семейно-бытового насилия сексуального характера раскрыт в материалах уголовного дела № 22-191/2018. Обвиняемый Г. (сожитель матери потерпевшей), находясь в алкогольном опьянении, после возвращения Ю. из школы вознамерился совершить над ней насильственные действия сексуального характера. Преодолевая оказываемое сопротивление, он забаррикадировал выход из квартиры, использовал физическое насилие, чтобы обездвижить жертву, и, удерживая ее, совершил изнасилование [12].

Следовательно, процесс становления виктимности в подростковом возрасте связан с демонстрацией виктимного поведения, которое является совокупностью выработанных физических, психологических и социальных характеристик, повышающих уязвимость индивида перед преступными посягательствами. Критическим элементом в этой связи выступают возрастные специфики пубертатного периода. Психическое развитие в промежуточной фазе между детством и зрелостью (10–14 лет) отличается стремительным становлением когнитивных функций. Данный процесс обеспечивает подростку способность к абстрактному мышлению, что, в свою очередь, порождает обостренную потребность в коммуникации. Параллельно осуществляется психосексуальное развитие, суть которого заключается в финальном становлении половой идентичности и соответствующих поведенческих установок. Таким образом, подростковая виктимность определяется взаимодействием нескольких факторов: особенностей психосексуального созревания, индивидуальной психической организации и социально-личностных характеристик.

Резюмируя, исследование факторов ювенальной виктимности, форм жестокого обращения с детьми, а также моделей виктимного поведения дает возможность не только диагностировать риски для общества, но и выработать стратегию превенции. В эпоху цифровых технологий требуется целенаправленная работа по производству востребованного среди подростков интернет-контента, который бы в доступной форме утверждал базовые гражданские ценности и этические нормы. Параллельно необходимо решать задачи их занятости, увеличивая вовлеченность в систему дополнительного образования и спортивную деятельность.

Библиографический список

1 Алексеева Е. А. Криминологическая характеристика отдельных видов преступности / Е. А. Алексеева. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2021. – 124 с.

2 Алексеева Е. А. Основные тенденции развития Уголовного законодательства России / Е. А. Алексеева // Уголовная политика : ценностные приоритеты и новеллы законодательства. – Тюмень : ТюмГУ-Press, 2025. – С. 67–74.

3 Анализ преступности несовершеннолетних в России за 2024 год // Школа безопасности. – URL: <https://info.shkola-sb.ru/index.php/>

samoobrazovanie/dlya-tekh-kto-khochet-uznat/2428-analiz-prestupnosti-nesovershennoletnikh-v-rossii-za-2024-god (дата обращения: 19.11.2025).

4 Беляева Ю. А. Виктимологическая характеристика личности оставшихся без попечения родителей несовершеннолетних, подвергнутых сексуальному насилию / Ю. А. Беляева // Вестник Владимирского юридического института. – 2015. – № 2 (35). – С. 52–53.

5 Волков К. А. Преступления против несовершеннолетних: вопросы, требующие решения / К. А. Волков // Вопросы ювенальной юстиции. – 2014. – № 3. – С. 4–7.

6 Галушко Д. М. Ювенальная виктимология: криминологические и социально-психологические проблемы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д. М. Галушко. – Москва, 2003. – 24 с.

7 Декларация основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью : принята резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г. // ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/power.shtml (дата обращения: 19.11.2025).

8 Карманов М. В. Насилие над детьми как особый объект статистического исследования / М. В. Карманов // Статистика и экономика. – 2017. – № 2. – С. 55–61.

9 Криминология : краткий учебный курс / под ред. А. И. Долгова. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2025. – 368 с.

10 Кудрявцев В. Н. Причины преступности в России : криминологический анализ / В. Н. Кудрявцев, В. Е. Эминов. – Москва : Норма, 2006. – 110 с.

11 Майоров А. В. Виктимология: вчера, сегодня, завтра / А. В. Майоров // Виктимология. – 2016. – № 1 (1). – С. 7–11.

12 Приговор Копейского городского суда Челябинской области № 1-220/2018 от 27 февраля 2018 г. по делу № 1-220/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 19.11.2025).

1 Приговор Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатского края № 1-273/2021 от 29 марта 2021 г. по делу № 1-273/2021 // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/NW6o8D4r6IVu/> (дата обращения: 19.11.2025).

14 Свечникова А. С. Феномен насилия над детьми в семье / А. С. Свечникова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9, Исследования молодых ученых. – 2008. – № 7. – С. 16–19.

15 Тарасова Л. Е. Основы виктимологии : учебно-методическое пособие / Л. Е. Тарасова. – Саратов, 2014. – 52 с.

16 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 01.02.2025). – Москва : Эксмо, 2025. – 320 с.

17 Шикула И. Р. Семейно-бытовое насилие в отношении женщин: проблемные вопросы виктимологической профилактики / И. Р. Шикула // Российский следователь. – 2014. – № 6. – С. 30–35.

18 Бастрыкин: около 2 тыс. детей пострадали от насилия в семье в 2024 году // Коммерсантъ. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7624744> (дата обращения: 19.11.2025).

В. Е. Томчук

Научный руководитель: ст. преподаватель А. М. Бянкина

К ВОПРОСУ О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГ И ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ ЮРИДИЧЕСКИМ ЛИЦАМ

Аннотация. Автором проводится анализ института нематериальных благ юридического лица в российском цивилистическом законодательстве. Все еще отсутствует какой-либо общий системный подход по данному вопросу. Имеющиеся противоречия определяют необходимость совершенствования норм действующего цивилистического законодательства и обобщения правоприменительных подходов.

Ключевые слова: нематериальные блага, личные неимущественные права, юридические лица, репутационный вред.

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) не содержит дефиниции понятия нематериальных благ, ограничиваясь открытым перечнем нематериальных благ и указанием на их признаки.

Согласно ГК РФ нематериальные блага являются объектами гражданских прав и как следствие выступают объектами личных неимущественных прав.

Для раскрытия понятия нематериальных благ необходимо обратиться к доктрине гражданского права.

Т. Н. Палькиной, например, указывается, что «нематериальные блага – неимущественные ценности, являющиеся естественными по своему происхождению, имеющие нематериальный характер, обладающие признаками неотчуждаемости и непередаваемости, являющиеся объектом регулирования и защиты личных неимущественных прав» [3, с. 5].

В диссертации Р. П. Тимешова отмечается, что «нематериальные блага – это духовные социальные ценности, которые не имеют имущественного содержания, тесно связаны с личностью, автономностью, индивидуальностью, состоянием жизни и здоровья гражданина, и являются объ-

ектами личных неимущественных прав, реализуемых в рамках личных неимущественных гражданских правоотношений на основе конституционного статуса личной свободы» [5, с. 7].

При исследовании природы нематериальных благ закономерно возникает вопрос об их принадлежности юридическим лицам. Косвенный ответ на данный вопрос содержится в законодательстве.

Так, в соответствии п.11 ст.152 ГК РФ правила о защите деловой репутации гражданина, за исключением положений о компенсации морального вреда, соответственно применяются к защите деловой репутации юридического лица. Исходя из данной нормы можно сделать вывод о том, что юридическое лицо может обладать таким нематериальным благом, как деловая репутация.

Вместе с тем, в юридической науке существует точка зрения, согласно которой у юридического лица не может быть никаких личных неимущественных прав, поскольку даже деловая репутация юридического лица полностью обусловлена его участием в отношениях имущественного характера. Данная точка зрения, которой, в частности, придерживаются такие авторы, как Е. А. Суханов [4], А. Х. Ульбашев [6], основана на подходе к определению сущности юридического лица, заключающемся в обособлении, персонификации имущества.

Логика данного подхода состоит в том, что юридическое лицо является персонифицированным имуществом, а у имущества не может быть нематериальной составляющей, следовательно, юридическое лицо не может обладать личными неимущественными правами, все права юридического лица имеют имущественный, экономический характер. Из данного утверждения следует, что юридическое лицо не может обладать нематериальными благами, если не имеет личных неимущественных прав.

Однако резюмируем, что деловая репутация в соответствии с нормами гражданского законодательства отнесена к числу нематериальных благ и юридические лица могут ею обладать [например, см. 13]. Следствием вышеизложенного утверждения выступает противоречие.

Данное противоречие связано с тем, что деловая репутация является специфическим видом нематериальных благ. В общем смысле деловая репутация юридического лица понимается в качестве общественной оценки или мнения о достоинствах и недостатках организации, относящейся к ее предпринимательской деятельности. Это благо является нематериальным

активом организации, имеет денежную стоимость и оказывает воздействие на положение организации на рынке [2]. Она непосредственно связана с предпринимательской деятельностью / имущественными отношениями. Кроме того, деловая репутация, как уже отмечалось в рамках настоящей работы, может быть предметом концессионных правоотношений, и, к примеру, быть вкладом в рамках договора простого товарищества. Исходя из данных характерных черт деловой репутации, некоторые авторы, в частности А. Х. Ульбашев [6], полагают, что право юридического лица на деловую репутацию не может считаться неимущественным, поскольку оно непосредственно связано с имуществом.

Однако Я. В. Вольвач, к примеру, полагает, что это очень обобщенный подход, указывая, что при определении правовой сущности должен быть вместе с выводом о персонификации имущества и вывод о персонификации деятельности [10, с. 105].

Вместе с тем, в науке гражданского права существует иная точка зрения, в рамках которой авторы полагают, что юридическим лицам могут принадлежать нематериальные блага.

Так, в диссертации Т. А. Борычевой [1] отмечается, что юридическим лицам могут принадлежать нематериальные блага, но с определенными особенностями, среди которых можно выделить следующие:

1 Нематериальные блага юридического лица неразрывно связаны с имущественными отношениями ввиду специфики сущности юридического лица.

2 Нематериальные блага юридического лица не имеют рыночной стоимости, но могут быть оценены и получить денежный эквивалент.

3 Нематериальные блага юридического лица непосредственно влияют на получение данным лицом прибыли, в результате чего такие нематериальные блага причисляются к нематериальным активам юридического лица и могут становиться объектами гражданского оборота.

4 Нематериальные блага юридического лица необходимы для его индивидуализации, а также для обеспечения функционирования юридического лица.

По мнению Т. А. Борычевой, «нематериальное благо юридического лица – это объект гражданского права, содержанием которого является совокупность сведений (данных), позволяющих не только идентифицировать юридическое лицо, но и положительно характеризовать его как участника

гражданского оборота, и тем самым способствующих эффективной предпринимательской или иной приносящей доход деятельности этого юридического лица» [1, с 49–50].

Также стоит отметить, что помимо ссылки на деловую репутацию юридических лиц в нормах гражданского законодательства имеется еще одно косвенное указание на принадлежность нематериальных благ юридическим лицам. В частности, нормами ГК РФ определено, что юридическое лицо может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности. Понятие «гражданские права» является обобщающим и включает в себя имущественные / личные неимущественные права. Стоит отметить, что до внесения изменений в ст. 48 ГК РФ путем принятия Федерального закона № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации», в данной статье имелось прямое указание на принадлежность юридическому лицу имущественных и личных неимущественных прав.

Российское гражданское законодательство и правоприменительная практика обоюдно признают такое нематериальное благо как деловая репутация. При этом в доктрине права остается спорным вопрос: влияет ли распространение сведений в отношении учредителей, единоличного исполнительного органа юридического лица на репутацию самого юридического лица и наоборот [см. 11, с. 172, 12].

Анализируя системно нормы ГК РФ можно увидеть и иные присущие юридическим лицам блага, к примеру, товарные знаки, фирменное наименование и прочее. При этом у юридических лиц существует возможность наличия индивидуализирующих благ и благ, которые обеспечивают автономию субъекта [см. 7]. Это в свою очередь говорит о том, что в настоящее время присутствует необходимость в пересмотре позиций гражданского законодательства в отношении данных объектов с целью его совершенствования. Многие вопросы требуют как теоретических, так и практических исследований и общего системного подхода в исследуемом вопросе, который до настоящего времени отсутствует.

Определенную систематизацию приводит в своей работе Т. А. Нуждин, по содержанию разграничивая нематериальные блага юри-

дических лиц на блага, являющиеся средством индивидуализации; блага защитно-информационные; блага, связанные с результатами интеллектуальной деятельности и блага репутационные [8, с. 77; 13].

Современности свойственен процесс коммодификации личных неимущественных прав физических лиц. Юридические лица в данном случае не исключение, для них также типично. Это в очередной раз подтверждает необходимость пересмотра норм действующего законодательства и правоприменительной практики. В этом направлении можно использовать эффективную практику международного опыта правовой защиты исследуемых объектов [9, с. 102].

Подводя итоги вышеуказанному полагаем, можно сделать вывод, что отдельные виды нематериальных благ и личных неимущественных прав юридическим лицам принадлежать могут. Необходимы последующие теоретические и практические исследования, и как следствие – изменения норм действующего гражданского законодательства.

Библиографический список

1 Борычева Т. А. Гражданско-правовая охрана нематериальных благ юридических лиц : дис. ... канд. юрид. наук / Т. А. Борычева. – Москва, 2017. – 206 с.

2 Бухарова И. В. К вопросу о защите деловой репутации юридического лица в арбитражном суде / И. В. Бухарова // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2020. – № 6 (121). – С. 76–78 // Elibrary.ru. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42900610> (дата обращения: 19.10.2025).

3 Палькина Т. Н. Личные неимущественные права по гражданскому и семейному законодательству РФ и зарубежных стран (на примере США и Германии) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Т. Н. Палькина. – Москва, 2011. – 31 с.

4 Российское гражданское право : учебник : в 2 т. / В. С. Ем, И. А. Зенин, Н. В. Козлова [и др.] ; отв. ред. Е. А. Суханов. – 2-е изд., стереотип. – Москва : Статут, 2011. – 958 с. // Консультант Плюс. – URL: <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=17160&rnd=OuIUWw#hZQX2zUMNDTBaWHr> (дата обращения: 08.10.2025).

5 Тимешов Р. П. Нематериальные блага в гражданском праве и их защита : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Р. П. Тимешов. – Краснодар, 2010. – 25 с.

6 Ульбашев А. Х. К вопросу о неотчуждаемости и непередаваемости личных прав / А. Х. Ульбашев // Российский юридический журнал. – 2018. – № 2 (119). – С. 100–104 // Elibrary.ru. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35155927> (дата обращения: 18.10.2025).

7 Козырева У. С. К вопросу о праве юридического лица на нематериальные блага / У. С. Козырева // Управление социально-экономическим развитием: инновационный и стратегический подходы : материалы Национальной научно-практической конференции, Гатчина, 22 декабря 2023 года. – Гатчина : Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2024. – С. 380–382.

8 Нуждин Т. А. Регламентация нематериальных благ юридического лица в отечественном гражданском праве (историко-правовой анализ) / Т. А. Нуждин // Гражданин и право. – 2009. – № 7. – С. 67–77.

9 Купцов И. М. Коммодификация личных неимущественных прав: правовые, этические и технологические вызовы цифровой эпохи / И. М. Купцов // Молодой исследователь 2025 : сборник статей XI Международной научно-практической конференции, Пенза, 20 мая 2025 года. – Пенза : Наука и Просвещение, 2025. – С. 101–104.

10 Вольвач Я. В. Правовые подходы к определению признаков категории «личное» в обязательстве по оказанию услуг применительно к юридическому лицу / Я. В. Вольвач // Вестник МГЭИ. – 2021. – № 4. – С. 103–126.

11 Селина А. А. Влияние распространенных порочащих сведений в отношении руководителя юридического лица на репутацию самого юридического лица / А. А. Селина // Материалы 54-й Международной научной студенческой конференции МНСК-2016: Государство и право, Новосибирск, 16–20 апреля 2016 года. – Новосибирск : Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2016. – С. 172–173.

12 Воронин Д. Б. Репутационный вред юридического лица: стоимость компенсации / Д. Б. Воронин, М. В. Криони // Экономика и безопасность. – 2025. – № 4. – С. 224–228.

13. Тимерханов А. А. Деловая репутация юридического лица: дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Тимерханов. – Москва, 2013. – 176 с.

14 Маштаков К. М. Защита деловой репутации и других нематериальных благ юридических лиц / К. М. Маштаков // Актуальные проблемы частного правового регулирования общественных отношений : сб. материалов Всерос. научно-теорет. конф. (Ростов-на-Дону, 2018). – Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского юридического ин-та МВД РФ, 2018. – С. 9–19.

Д. А. Фахрутдинова

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доц. А. Г. Маркелов

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ДИВЕРСИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕТОДИКИ
РАССЛЕДОВАНИЯ И ЕЕ АДАПТАЦИЯ
К ВЫЗОВАМ СОВРЕМЕННОСТИ**

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу развития методик расследования диверсий на протяжении истории и их приспособления к актуальным угрозам. Рассматривается эволюция диверсии от традиционного акта материального разрушения до сложной гибридной угрозы, которая нацелена на уязвимые информационные и экономические системы. Выявляются системные проблемы, существующие в правовом регулировании и организации предварительного расследования диверсий. На основе изучения современных научных подходов предлагаются новые методы расследования, включая проактивные оперативно-розыскные модели и усиление роли судебных экспертиз. Формулируются конкретные предложения по совершенствованию практической деятельности правоохранительных органов.

Ключевые слова: диверсия, расследование, методика, противодействие, историческая трансформация

Актуальность темы противодействия диверсионной деятельности в современных геополитических условиях не подлежит сомнению. Диверсия перестала быть исключительно актом физического разрушения объекта в военное время, трансформировавшись в многогранный инструмент гибридного воздействия, направленный на подрыв экономической безопасности, обороноспособности и социально-политической стабильности государства [2, с. 167]. Современная диверсионная деятельность характеризуется высокой степенью латентности, использованием цифровых технологий, сложностью доказывания умысла и разграничения со смежными составами преступлений, такими как терроризм и бандитизм [4, с. 171]. В этой

связи исторический анализ эволюции методики расследования данных преступлений и ее адаптация к новым реалиям представляется своевременной и практически значимой научной задачей.

Исторически диверсия понималась как акт насильственного разрушения или повреждения предприятий, путей сообщения, средств связи с целью ослабления государства [3, с. 45]. В работах В. П. Емельянова подчеркивается, что в советский период доминировал подход к диверсии как к преступлению, посягающему на основы государственного управления извне, что обуславливало соответствующие методы расследования, сфокусированные на установлении связи подозреваемого с иностранными спецслужбами и доказывании факта физического воздействия на объект [3, с. 67].

Методика расследования была реактивной и основывалась на классических следственных действиях: осмотре места происшествия, назначении судебных экспертиз (взрывотехнической, пожарно-технической), допросах свидетелей. Ключевой задачей было установление способа совершения преступления и лица, его непосредственно исполнившего.

Кардинальная трансформация понятия диверсии произошла с принятием Уголовного кодекса РФ 1996 года и его последующими изменениями. Как справедливо отмечает Л. В. Иванова, законодательное закрепление диверсии как преступления против основ конституционного строя и безопасности государства (ст. 281 УК РФ) и параллельно введение статей о компьютерной информации (гл. 28 УК РФ) потребовало пересмотра традиционных подходов [5, с. 52]. Диверсией теперь может быть признано не только физическое разрушение завода, но и вывод из строя информационной системы критически важного объекта.

С. В. Иванцов и С. В. Борисов констатируют, что современная диверсия все чаще носит «бесконтактный» характер, а ее исполнители могут находиться за тысячи километров от объекта посягательства [6, с. 79]. Это требует от следователя и оперативных работников владения совершенно новыми компетенциями в области киберкриминалистики и цифрового следования.

Современная диверсионная деятельность характеризуется рядом особенностей, создающих значительные сложности для органов предварительного расследования.

Во-первых, это **сложность разграничения со смежными составами преступлений**. В. П. Емельянов указывает, что ключевым отличием диверсии от терроризма является направленность умысла: при терроризме – на устрашение населения и воздействие на власть, при диверсии – на ослабление экономической и оборонной мощи государства [4, с. 172]. Однако на практике, особенно при атаках на объекты жизнеобеспечения, это разграничение становится крайне затруднительным.

Во-вторых, **транснациональный и сетевой характер** диверсионных сообществ. Т. М. Лопатина обращает внимание на усложнение структуры диверсионной деятельности, где выделяются организаторы, вербовщики, исполнители, технические специалисты и лица, обеспечивающие финансирование [9, с. 26]. Изучение столь сложной и масштабной сети нуждается в активном взаимодействии ведомств разных стран. Однако подобное сотрудничество нередко осложняется юридическими и административными препятствиями.

В-третьих, **уязвимость объектов транспортной инфраструктуры**. В. М. Корякин подчеркивает, что транспорт остается одной из ключевых мишеней для диверсантов, а его защита требует комплексного подхода, сочетающего оперативно-розыскные мероприятия и меры технической укреплённости [8, с. 41].

В-четвертых, **пробелы в уголовно-правовой квалификации**. В. В. Шрагер и Е. И. Попова отмечают дискуссионность вопросов квалификации действий по содействию диверсионной деятельности, особенно когда они не связаны с непосредственным исполнением диверсии, а представляют собой подготовку к ней или создание условий [10, с. 344].

Для успешного противостояния новым вызовам, методике расследования следует модернизировать, интегрируя в нее проактивные подходы и современные технологические решения.

1 Проактивная оперативно-розыскная модель, то есть вместо реагирования на уже совершенную диверсию, необходимо смещение акцента на предупреждение и пресечение. Это включает мониторинг закрытых сегментов интернета, где вербуются исполнители и планируются акции, а также проведение оперативных комбинаций по выявлению и нейтрализации диверсионных групп на ранних стадиях их формирования.

2 Усиление роли судебных экспертиз. В. В. Биликсин справедливо утверждает, что «в условиях развития цифровых технологий возрастает

значение таких видов судебных экспертиз, как компьютерно-техническая, видео- и аудиотехническая, экспертиза источников информации в сети Интернет» [1, с. 161]. Осмотр места происшествия теперь должен включать не только фиксацию физических следов, но и изъятие и исследование всех электронных носителей информации, к которым имел доступ предполагаемый диверсант.

3 Создание межведомственных следственно-оперативных групп (СОГ). Расследование диверсий не может быть эффективным в рамках одного ведомства. Необходимо создание постоянно действующих следственно-оперативных групп, включающих специалистов из ФСБ, МВД, СКР, Роскомнадзора, а также экспертов по кибербезопасности и защите критической инфраструктуры. Это позволяет консолидировать ресурсы и компетенции.

4 Сравнительно-правовой анализ и гармонизация законодательства. Е. А. Игнатенко, анализируя опыт стран СНГ, приходит к выводу о необходимости сближения национальных законодательств в части определения диверсии и мер противодействия ей для более эффективного международного сотрудничества [7, с. 248].

На основе проведенного анализа предлагаются следующие меры практического характера:

1 Разработка и внедрение единой методики для эффективного расследования диверсий, совершаемых с применением информационных технологий. Данная методика должна содержать алгоритмы работы с цифровыми доказательствами, особенности назначения комплексных компьютерно-технических экспертиз и взаимодействия с провайдерами.

2 Создание Единого банка данных криминалистически значимых признаков диверсионной деятельности, включая привычный способ совершения преступлений диверсионными группами, используемое программное обеспечение и технические средства. Это позволит осуществлять криминалистический учет и способствовать раскрытию серийных преступлений.

3 Совершенствование профессиональной подготовки следователей и оперативных работников за счет внедрения специализированных курсов по киберкриминалистике, основам защиты критической инфраструктуры и международному сотрудничеству в сфере противодействия диверсиям.

4 Закрепление на законодательном уровне обязанности собственников критически важных объектов внедрять системы протоколирования

всех действий в их информационных системах, что существенно облегчит последующий сбор доказательств в случае кибератаки, квалифицируемой как диверсия.

Эволюция методик расследования диверсий отражает ее переход от узкоспециализированного, реактивного подхода к более широкой и превосходящей системе противодействия, способной противостоять вызовам гибридной эпохи. В современном мире диверсия выходит за рамки традиционных представлений, охватывая не только взрывы и физическое разрушение, но и киберугрозы, а также подрыв экономической безопасности. Для успешной адаптации методики расследования необходимы не только технические обновления в сфере следствия, но и комплексные изменения в уголовном праве, межведомственной координации и международном партнерстве. Практическая реализация предложенных мер позволит существенно усилить защиту национальной безопасности России от современных диверсионных угроз.

Библиографический список

1 Биликсин В. В. Актуальные аспекты проведения следственных действий при расследовании диверсий / В. В. Биликсин // Актуальные проблемы деятельности правоохранительных органов Российской Федерации : материалы Всерос. науч.-практич. конф. (Самара, 28 марта 2024 г.) / редкол.: С. В. Владимиров [и др.]. – Чебоксары : ИД «Среда», 2024. – С. 160–162.

2 Глазырин С. И. Преступления диверсионной направленности: новый подход в области обеспечения экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации на современном этапе / С. И. Глазырин // Правопорядок: история, теория, практика. – 2024. – № 1 (40). – С. 167–171.

3 Емельянов В. П. Терроризм и преступления террористической направленности / В. П. Емельянов. – Харьков : Рубикон, 1997. – 176 с.

4 Емельянов В. П. Терроризм, бандитизм, диверсия: вопросы разграничения / В. П. Емельянов // Законность. – 2023. – № 3 (219). – С. 171–173.

5 Иванова Л. В. Уголовно-правовое противодействие диверсионной деятельности / Л. В. Иванова // Новеллы законодательства криминального

цикла и их отражение в уголовно-правовых науках : материалы Международного научно-практического круглого стола, г. Тюмень, 28 февраля 2023 г. – Тюмень : ТюмГУ-Press, 2023. С. 51–55.

6 Иванцов С. В. Актуальные вопросы уголовно-правового противодействия диверсионной деятельности / С. В. Иванцов, С. В. Борисов // Вестник Московского университета МВД России. – 2024. – № 3. – С. 78–84.

7 Игнатенко Е. А. Противодействие преступлениям диверсионной направленности: сравнительно-правовой анализ законодательства стран СНГ / Е. А. Игнатенко // Практика осуществления правосудия и правоохранительной деятельности в контексте функционирования национальной правовой системы : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию Ин-та переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорус. гос. ун-та, Минск, 5–6 сент. 2024 г. – Минск : РИВШ, 2024. – С. 247–249.

8 Корякин В. М. Противодействие диверсионной деятельности на объектах транспортной инфраструктуры как составная часть обеспечения транспортной безопасности / В. М. Корякин // Транспортное право и безопасность. – 2023. – № 2 (46). – С. 39–48.

9 Лопатина Т. М. Уголовная ответственность за содействие диверсионной деятельности и организацию диверсионного сообщества или участие в нем / Т. М. Лопатина // Российский следователь. – 2023. – № 11. – С. 25–29.

10 Шрагер В. В. Диверсионная деятельность: вопросы уголовно-правовой квалификации / В. В. Шрагер, Е. И. Попова // Вестник науки. – 2024. – № 10 (91). – Т. 4. – С. 341–351.

В. В. Чебыкин

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доц. А. Н. Глебов

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОРУЖИИ В РОССИИ И ШВЕЙЦАРИИ

Аннотация. В статье проводится краткий сравнительно-правовой анализ законодательного регулирования оборота оружия в России и Швейцарии. Указаны основные отличия двух национальных систем.

Ключевые слова: сравнительное правоведение, правовое регулирование, законодательство об оружии, гражданское оружие, Швейцария, Россия.

В Российской Федерации основным законом, который регулирует правоотношения, связанные с оружием, является Федеральный закон «Об оружии», в Швейцарии таким законом является «Bundesgesetz über Waffen, Waffenzubehör und Munition». В обоих государствах имеются и другие акты, которые регулируют оборот оружия и отдельные вопросы, связанные с этим, но в этом небольшом исследовании будут разбираться именно два законодательных акта, которые были указаны выше.

Первым отличием можно назвать проявления принципа федерализма в законодательстве Швейцарии. В указанном выше законе прямо указывается, что кантоны имеют возможность выбирать исключения для каких-либо правил, указанных в нем. Например, в статье 4 указано «Кантоны могут предоставлять исключения из запретов...», в статье 7 – «Кантоны могут в порядке исключения разрешать...», в статье 20 – «Кантоны могут предоставлять исключения». Федеральный закон «Об оружии» дает подобное в ст. 13, где указано, что орган представительный власти субъекта может понизить возраст для получения права на владения определенным видом оружия не более чем на два года, но это не идет в сравнение с тем, что предоставляет субъектам федерации в Швейцарии.

Вторым важным отличием являются обобщенные формулировки для условий, которые не позволяют владеть оружием. К примеру, в ст. 8

«Bundesgesetz über Waffen, Waffenzubehör und Munition» указано, что к лицам, не имеющим права на получение разрешения на приобретение огнестрельного оружия, относятся в том числе те, наличие у которых оружия порождает предположение, что они подвергают опасности себя или других, используя это оружие. Тогда как в отечественном законодательстве указаны более конкретные требования, такие как:

1 Имеющие снятую или непогашенную судимость за различные преступления (п. 3.1 – 3.4 ст. 13).

2 Два и более раза осужденным за совершение преступления (п. 3.5 ст. 13).

3 Не имеющие места жительства (п. 6 ст. 13).

Также п. 6 ст. 13 указано основание: «...имеется заключение о наличии опасности нарушения прав и свобод граждан, угрозы государственной или общественной безопасности». Это чем-то похоже на формулировку, указанную в законодательстве Швейцарии, лишь за тем исключением, что в нашем законодательстве это заключение делается силовыми структурами. Законодательство Швейцарской Конфедерации более гибкое в этом плане из-за наличия лишь обобщенной формулировки. Одинаковые основания могут по-разному оцениваться для каждого отдельного человека.

Важно заметить, что гибкость законодательства Швейцарии может выражаться также в том, что Федеральный совет имеет дополнительные полномочия по регулированию оборота оружия, к примеру в статье 10, посвященной тому, какие оружия и их части может быть приобретены без лицензии, указано: «Федеральный совет может устанавливать дополнительные исключения или ограничивать сферу ... для иностранных граждан, не имеющих вида на жительство в Швейцарии», в некоторых статьях дана более простая формулировка: «Федеральный совет уточняет условия более подробно». Это позволяет регулировать правоотношения, не внося изменения в сам законодательный акт.

В отечественном законодательстве же гибкость проявляется или в выборе порядка или формы правительством, или иными органами власти, которым в соответствии законом «Об оружии» дано такое право.

Третьим важным отличием является расширенный список оружия, которое можно приобретать без лицензии. В соответствии со ст. 10, это «однорядные и многоствольные охотничьи винтовки, а также копии однозарядных дульнозарядных ружей» и «ручные многорядные винтовки,

утвержденные Федеральным советом, которые широко используются в рамках внеармейской и спортивной стрельбы стрелковых клубов...». В России в списке оружия, которое можно приобрести без лицензии из огнестрельного оружия, сохраняется только охолощенное оружие. Также можно отметить, что в Швейцарии допускается владение оружием несовершеннолетними. Но речь идет лишь о спортивном оружии, и при условии, если это не порождает подозрения о том, что они могут подвергать себя или других опасности, используя это оружие, а также при условии, что они не «находятся под всеобщей опекой или представлены лицом, назначенным заранее».

Подводя итоги следует сказать, что законодательство Швейцарии, посвященное обороту оружия, является более либеральным, чем российское. Это подтверждают также и другие исследователи [1, с. 91; 2, с. 85]. Отечественное же законодательство значительно ограничивает право на оружие. Хотя следует отметить, что последние изменения законодательства направлены на некоторые послабления. Так, благодаря Федеральному закону от 15.12.2025 № 467-ФЗ теперь на соревнованиях можно использовать личное оружие, если оно подходит под определенные критерии, указывать несколько целей, для которых приобреталось оружие, а также другие нововведения. Это хоть и небольшое, но послабление, которое, по мнению автора, является необходимым. Автор считает, что создать максимально либеральное законодательство в области оборота оружия в России не получится в силу различных особенностей развития данного института, а также недостаточной развитости оружейной культуры в целом. Но это не означает, что не нужно стремиться к более либеральному законодательству в этом плане. Нужно развивать оружейную культуру и давать большему количеству людей, которые реально осознают ответственность, право на оружие и убирать совсем уж странные барьеры, как, например, указанные ранее требования в статье 13 ФЗ «Об оружии». Каждый случай должен рассматриваться более индивидуально, ведь далеко не все преступления свидетельствуют о том, что человек не способен понимать ответственность за оружие, а также реальную опасность, которое это оружие может представлять для других людей в случае его неправомерного использования.

Библиографический список

1 Антонова Н. Д. Влияние наличия огнестрельного оружия на частоту убийств и самоубийств / Н. Д. Антонова, А. В. Голенков. – Acta Medica Eurasica, 2022 – С. 91– 92.

2 Попов А. Ю. Опыт противодействия незаконному обороту оружия в некоторых зарубежных странах / А. Ю. Попов // Евразийская адвокатура. – 2023. – 85 с.

С. В. Шашков

Научный руководитель: ст. преподаватель М. М. Рябова

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: КЛЮЧЕВЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ И ПРОГРАММНЫЕ МЕРЫ

Аннотация. В статье анализируется одна из важнейших проблем современного общества, напрямую связанная с процессом сохранения исторической памяти. Проблема исторической памяти и ее сохранения становится наиболее актуальной задачей государства, стремящегося к формированию национальной идентичности, укреплению гражданского общества и обеспечению преемственности поколений. Рассматривая государственную политику в этой сфере, авторы выявляют, что она представляет собой комплекс мер, направленных на выявление, изучение, сохранение, популяризацию и защиту исторического наследия. Данные меры закрепляются как в законодательных актах, так и в различных государственных программах. В статье проводится анализ указанных нормативно-правовых документов и программных инициатив.

Ключевые слова: историческая память, законодательство, государственные программы, защита исторического наследия, программные меры.

Проблема исторической памяти неизменно привлекала внимание исследователей – как отечественных, так и зарубежных. Среди тех, кто внес существенный вклад в формирование полноценного понимания концепции исторической политики, можно выделить А. И. Миллера и О. Ю. Малинову. В научной литературе встречаются попытки дать определение этого явления: «Государственная политика в области исторического просвещения – совокупность действий, реализуемых субъектами государственной политики в области исторического просвещения, направленных на распространение в обществе достоверных и научно обоснованных исторических знаний, поддержку и развитие системы научного исторического знания, формирование личности на основе присущей российскому обществу системы ценностей и любви к Родине» [5]. Сама же историческая политика не

только инструмент правящей элиты, но и результат сложного взаимодействия различных общественных сил: гражданского общества, научных кругов, средств массовой информации и других участников общественного диалога. Кроме того, историческая политика включает в себя не только целенаправленные действия государства, но и более широкий спектр процессов формирования коллективной памяти – как формальных, так и неформальных. Нельзя умалять и роль исторической политики в консолидации общества. В определенных случаях государство может стремиться не столько к продвижению интересов элиты, сколько к формированию общего исторического сознания – такого, которое будет способствовать национальному единству.

При анализе государственной политики в сфере исторической памяти особое внимание следует уделить рассмотрению законодательства Российской Федерации. В ряде нормативно-правовых актов прослеживается идея о значимости культурного опыта и преемственности поколений. Как отмечает Л. В. Коробицына, культурный опыт, защита исторической памяти и правды, сохранение исторических ценностей и единства находят отражение в нормативно-правовых актах, принимаемых на различных уровнях. К таким актам относятся изменения, вносимые в Конституцию Российской Федерации, федеральные законы, указы Президента Российской Федерации, акты федеральных органов исполнительной власти [6].

В условиях современных геополитических вызовов проблема сохранения исторической памяти приобретает особую актуальность и значимость [10]. Это связано с тем, что историческая память служит фундаментом для формирования национальной идентичности. В условиях геополитического давления попытки искажения истории могут привести к размыванию национальной идентичности и ослаблению внутреннего единства и сплоченности общества. Кроме того, сохранение правдивой исторической памяти помогает противостоять внешним идеологическим воздействиям. При этом защита культурного наследия – памятников, традиций, языка – становится частью более широкой борьбы за суверенитет и культурную самобытность. Историческая память тесно связана с культурным наследием, и его защита в геополитическом контексте крайне важна.

Особое значение приобретает анализ государственной политики, направленной не только на сохранение исторической памяти, но и на обес-

печение преемственности в передаче культурного опыта последующим поколениям. Среди нормативно-правовых актов, отражающих данное направление, первостепенное значение имеет Конституция Российской Федерации.

Законодательство о сохранении исторической памяти в Российской Федерации включает положения Конституции РФ, федеральные законы, подзаконные акты и международные договоры. Цель – обеспечить защиту исторической правды, сохранить историческую преемственность и противодействовать попыткам фальсификации истории [3].

В преамбуле Конституции закреплено почитание памяти предков, что подчеркивает фундаментальность данного принципа для государственного устройства [5]. Дальнейшее развитие этого направления закреплено в Указе Президента РФ от 8 мая 2024 года № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» [12]. В данном нормативно-правовом акте государственная политика в области исторического просвещения определяется как совокупность целенаправленных действий. Также в Указе определяются субъекты государственной политики: органы публичной власти, научно-образовательные организации, академические и университетские центры. В условиях роста международной напряженности в Указе прямо указывается на такой феномен, как кризис национальной идентичности. Его основанием выступает уничтожение исторической памяти. Наряду с этим в документе актуализируется проблема неокOLONиализма и неоимпериализма. Таким образом, Указ отражает стремление повысить способность российского общества противостоять деструктивному идеологическому воздействию. Одним из проявлений такого воздействия являются попытки уничтожения исторического наследия. В ответ на это принимаются меры по его защите, которые находят отражение в нормативно-правовых актах различного уровня. Подтверждением данного тезиса служит Распоряжение Правительства РФ от 11 сентября 2024 года №2501-р «Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года» [9].

В контексте анализа государственной политики особое внимание следует уделить ряду указов Президента Российской Федерации, которые заложили основу для формирования определенного политического вектора. В частности, стоит выделить Указ Президента Российской Федерации

от 30 июля 2021 г. № 442, который стал предтечей последующего нормативно-правового акта – Указа Президента РФ от 8 мая 2024 г. № 314, – а также другие релевантные документы, демонстрирующие эволюцию законодательного регулирования в данной сфере. Изучение динамики законодательных актов позволяет проследить тенденцию к модификации или отмене тех положений, которые более не соответствуют актуальным требованиям и запросам общества. Ярким примером таких изменений служит Указ Президента Российской Федерации № 442. Согласно редакции Указа Президента Российской Федерации от 27 декабря 2024 г. № 1120, утратил силу пункт 2 указанного положения. Основанием для внесения изменений в нормативно-правовые акты стало несоответствие отдельных положений новым требованиям, закрепленным в последующих указах. В качестве иллюстрации можно привести цитату из одного из указов: «Межведомственная комиссия в своей деятельности руководствуется Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, указами и распоряжениями Президента Российской Федерации, а также настоящим Положением...» [13].

Проблема исторической памяти находит отражение не только в указах Президента и Конституции Российской Федерации, но и в федеральных законах. Именно в них раскрывается сущность понятия «историческая память», закрепляются принципы почитания, преемственности и увековечения исторического наследия на законодательном уровне. Одним из примеров является Федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 278-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». Из формулировки названия данного закона следует, что он продолжает следовать целям и задачам, обозначенным в более раннем нормативно-правовом акте – Федеральном законе от 19 мая 1995 года № 80-ФЗ [16]. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» направлен на сохранение памяти о защитниках Родины, заботу об участниках, ветеранах и жертвах войны. Наличие преемственности в законодательных актах свидетельствует о том, что на федеральном уровне сохраняется последовательный подход к вопросам сохранения исторической памяти. Это подтверждает важность данного направления в государственной политике и стремление к системному подходу в решении связанных с ним задач. Наряду с пробле-

мой исторической памяти остро встает вопрос об историческом и культурном наследии. Его защита реализуется в рамках государственной политики и четко регламентируется законодательством. В части 3 статьи 44 закрепляется обязанность граждан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры [10]. В частности, меры, направленные на защиту исторического наследия, закреплены в Уголовном кодексе Российской Федерации (ст. 243.2 «Незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания») [11].

Важным элементом государственной политики является также сфера воспитания. Под воспитанием следует понимать деятельность, направленную на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающегося, а также освоение социокультурных и духовно-нравственных ценностей. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [15] устанавливает правовые, организационные и экономические основы образования, а также основные принципы государственной политики в сфере образования, включая формирование представления учащихся об истории, географии, культуре и государственном устройстве России. В контексте сохранения исторической памяти особое внимание уделяется воспитанию гражданственности. Этот аспект изучения государственной политики стал основным лейтмотивом работы соавторов И. А. Поппа и И. С. Шахновича. Исследователи обосновали, что государственная политика в данной сфере обусловлена потребностью Российской Федерации в формировании гражданской идентичности [7]. После написания указанной работы в 2025 году были приняты новые программные меры, направленные на сохранение исторической памяти.

В законодательстве РФ также учитываются общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры. Например, в Указе Президента РФ № 809 указаны международные договоры, которые конкретизируют отдельные положения Стратегии национальной безопасности РФ [14].

Одним из ярких примеров таких мер является проект «Место памяти». Его реализуют Российское военно-историческое общество совместно с «Движением Первых». Цель проекта – актуализация информации о состоянии военно-исторических объектов на территории Российской Федерации,

стран – участников СНГ и стран дальнего зарубежья [8]. Еще одной значимой программной мерой стал Всероссийский конкурс инициатив по сохранению и защите исторической памяти. В настоящее время данная программа активно реализуется. Ее основная цель – поддержка проектов, направленных на сохранение и увековечивание исторической памяти, а также освещение ключевых этапов истории России [2].

Таким образом, анализ законодательных актов и программных мер позволяет сделать вывод о том, что проблема сохранения исторической памяти приобретает стратегическое значение и становится одним из ключевых направлений государственной политики Российской Федерации. Это находит свое отражение в ряде нормативно-правовых актов, принятых в последние годы. В рамках законодательства разрабатывается целый комплекс документов, которые акцентируют внимание на важности патриотического воспитания. Оно строится на фундаменте духовно-нравственных ценностей и направлено на защиту историко-культурного наследия и исторической памяти. Программные меры, принятые в последние годы, свидетельствуют о последовательном и системном подходе государства к решению задачи сохранения исторического наследия. Это отражает понимание важности исторической памяти как основы национальной идентичности и фактора консолидации общества в условиях современных международных вызовов. Таким образом, сохранение исторической памяти и историко-культурного наследия рассматривается не просто как задача культурного характера, но и как важнейший элемент государственной политики, способствующий укреплению суверенитета, единства и патриотизма в российском обществе.

Библиографический список

1 Бахлова О. В. Тема исторической памяти в дискурсе и практике политических партий: федеральный и региональный уровни / О. В. Бахлова, И. В. Бахлов ; Национальный исследовательский Мордовский государственный университет // Регионология. – 2023. – Т. 31. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tema-istoricheskoy-pamyati-v-diskurse-i-praktike-parlamentskih-partiy-rossii-federalnyy-i-regionalnyy-urovni/viewer> (дата обращения: 20.10.2025).

2 Всероссийский конкурс инициатив по сохранению и защите исторической памяти. Комитет по культуре и туризму Ленинградской области.

Дом народного творчества, Ленинградская область, 2025 год. – URL: <https://dnt47.ru/about/structure/rukovodstvo-dnt/> (дата обращения: 21.10.2025).

3 Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации, 2025 // Консультант Плюс: справочная правовая система. – URL: <https://legalacts.ru/> (дата обращения: 07.11.2025)

4 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020): ст. 44.3 // Консультант Плюс: справочная правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ccsa0bbf3250f82d26aa158e6325aa2b34775e8d/ (дата обращения: 07.11.2025).

5 Коробицына Л. В. Сохранение исторической памяти в современном российском обществе: к вопросу об актуальном законодательстве / Л. В. Коробицына // История: факты и символы. – 2023. – № 1 (34). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sohranenie-istoricheskoy-pamyati-v-sovremennom-rossiyskom-obschestve-k-voprosu-ob-aktualnom-zakonodatelstve/viewer> (дата обращения: 14.10.2025).

7 Попп И. А. Государственная политика по сохранению исторической памяти граждан Российской Федерации: нормативно-правовой аспект / И. А. Попп, И. С. Шахнович // Педагогическое образование в России. – 2018. – № 12. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-po-sohranenyu-istoricheskoy-pamyati-grazhdan-rossiyskoy-federatsii-normativno-pravovoy-aspekt/viewer> (дата обращения: 21.10.2025).

8 Проект «Место памяти»: объединение граждан для сохранения военно-исторического наследия, 2025 год. – URL: <https://proekty.er.ru/news/er-news-3524218> (дата обращения: 21.10.2025).

9 О Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г. : распоряжение Правительства Российской Федерации от 11 сентября 2024 г. № 2501-р. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410284259/>(дата обращения: 07.11.2025).

10 Рябова М. М. Актуальные вызовы и угрозы современной России (геополитический аспект) / М. М. Рябова // Актуальные проблемы развития России и мира: материалы для проведения научно-просветительских занятий : учебно-методическое пособие. – Орехово-Зуево : Государственный гуманитарно-технологический университет, 2025. – С. 78–95.

11 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Консультант Плюс: справочная правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/f693b70aea5be7642495767ff175fc5720198a87/ (дата обращения: 20.10.2025).

12 Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения : Указ Президента РФ от 08.05.2024 № 314. – URL: <https://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rf-ot-08052024-n-314-ob-utverzhdanii/> (дата обращения: 14.10.2025).

13 Вопросы Межведомственной комиссии по историческому просвещению : Указ Президента Российской Федерации от 27.12.2024 г. № 1120. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51508> (дата обращения: 19.10.2025).

14 Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?ref=svtv> (дата обращения: 07.11.2025).

15 Об образовании в Российской Федерации : федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (последняя редакция) // Консультант Плюс: справочная правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/(дата обращения: 07.11.2025).

16 «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной Войне 1941–1945 годов : федеральный закон от 19 мая 1995 г. 80-ФЗ. – URL: <https://base.garant.ru/1518946/> (дата обращения: 20.10.2025).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеева Елена Александровна, доцент кафедры «Уголовное право» ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», кандидат юридических наук, доцент, г. Курган

Белоусова Анастасия Владимировна, студент, ФГБОУ ВО «Ростовский филиал Российской таможенной академии», г. Ростов-на-Дону

Букрин Савелий Алексеевич, студент, ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», г. Курган

Ваганов Артем Михайлович, канд. юрид. наук, Ассоциация историков права, Курганское региональное отделение, г. Курган

Вершинина Лия Ринатовна, магистрант, ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», г. Курган

Гаврилов Артем Александрович, аспирант, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский Университет технологий управления и экономики», г. Санкт-Петербург

Горлова Светлана Вениаминовна, канд. юр. наук, доц., доцент кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», г. Челябинск

Горохов Иван Сергеевич, магистрант, ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», г. Курган

Греков Владислав Евгеньевич, магистрант, ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», г. Курган

Зинина Мария Александровна, магистрант, ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», кандидат юридических наук, доцент, г. Курган

Козлова Татьяна Сергеевна, студент, ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», г. Курган

Коробов Кирилл Викторович, студент, ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», г. Курган

Королев Павел Андреевич, доцент кафедры «История государства и права», канд. полит. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет», г. Тула

Крашенинина Карина Александровна, студент, ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет»

Криволапова Елизавета Дмитриевна, студент, ФГБОУ ВО «Тульский Государственный университет», г. Тула

Крынецкая Олеся Николаевна. студент, ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», г. Челябинск

Лапунов Матвей Алексеевич, секретарь судебного заседания, Курганский городской суд, г. Курган

Ловцова Любовь Васильевна, студент, ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», г. Курган

Маистеев Руслан Ренатович студент, Институт экономики (ИНЭК) ННГУ им. Лобачевского

Меньщикова Дарья Михайловна, ассистент кафедры, ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», г. Курган

Миронова Анна Николаевна, студент, ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», г. Курган

Муканова Анара Кайратбековна, студент, ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», г. Курган

Рахимова Вероника Рамисовна, студент, Казанский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», г. Казань

Салихова Азалия Рафилевна, студент, ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», г. Челябинск

Тихонов Степан Иванович, студент, ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», г. Курган

Томчук Виктор Егорович, магистрант ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита

Фахрутдинова Дарья Азатовна, студент, Казанский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», г. Казань

Чебыкин Вадим Вячеславович, магистрант ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», г. Курган

Шашков Сергей Валерьевич, студент, ГОУ ВО МО «Государственный гуманитарно-технологический университет», г. Орехово-Зуево

Хайруллин Р. И. – студент, Казанский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», г. Казань

СОДЕРЖАНИЕ

Алексеева Е. А.

БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: УРОКИ ПРОШЛОГО 3

Белоусова А. В.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
ТАМОЖЕННЫМИ ОРГАНАМИ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ... 10

Букрин С. А.

СОСТОЯНИЕ И ДЕТЕРМИНАЦИЯ ПРЕСТУПНОСТИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИИ 17

Ваганов А. М.

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЙ В ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ НАУКЕ СФЕРЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ КАТЕГОРИИ
«БЮРОКРАТИЯ» 22

Вершинина Л. Р.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА НЕЗАКОННУЮ БАНКОВСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РОССИИ
И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ..... 33

Гаврилов А. А.

РОЛЬ ЗЕМСКИХ СОБОРОВ В ЗАЩИТЕ ОТЕЧЕСТВА
В ПЕРИОД СМУТНОГО ВРЕМЕНИ XVII В. 42

Горлова С. В.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВ
УЧАСТНИКОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ 53

Горохов И. С.

РОЛЬ НЮРНБЕРГСКОГО ТРИБУНАЛА В ЭВОЛЮЦИИ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА: АНАЛИЗ ВЫЗОВОВ
НЕОФАШИЗМА В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ 65

Греков В. Е.

КОНТРОЛЬ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ КАК ЭЛЕМЕНТ
ИНФОРМАЦИОННОГО СУВЕРЕНИТЕТА ГОСУДАРСТВА 70

<i>Зинина М. А.</i>	
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ КАК СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ЯВЛЕНИЕ: ПОНЯТИЕ, ФУНКЦИИ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ.....	77
<i>Криволапова Е. Д., Королев П. А.</i>	
ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ УМАЛЕНИЮ ГЕРОИЗМА ЗАЩИТНИКОВ ОТЕЧЕСТВА.....	84
<i>Криволапова Е. Д., Королев П. А.</i>	
ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ НЕОФАШИЗМА ВОПРЕКИ ЕГО ОСУЖДЕНИЮ НА НЮРНБЕРГСКОМ ТРИБУНАЛЕ	87
<i>Козлова Т. С.</i>	
ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ НАЦИСТАМИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, И ПРОЯВЛЕНИЕ НЕОНАЦИЗМА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	91
<i>Коробов К. В.</i>	
МЕХАНИЗМЫ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПАМЯТНИКОВ И МЕМОРИАЛОВ ГЕРОЯМ ВОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	100
<i>Крашенинина К. А., Миронова А. Н.</i>	
ОНЛАЙН-ГРУМИНГ КАК УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ.....	108
<i>Крынецкая О. Н., Салихова А. Р.</i>	
СОЦИАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ДЛЯ ЧЛЕНОВ СЕМЬИ УЧАСТНИКОВ СВО И ПРИРАВНЕННЫХ К НИМ ЛИЦ	117
<i>Лапунов М. А.</i>	
ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОХОЖДЕНИЯ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	126
<i>Ловцова Л. В.</i>	
УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СТАЛКИНГА.....	130
<i>Маштейев Р. Р.</i>	
ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОДСЛЕДСТВЕННОСТИ И ЮРИСДИКЦИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННЫЕ КОЛЛИЗИИ.....	135

Меньщикова Д. М. НЕДОСТОЙНЫЕ НАСЛЕДНИКИ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ОПТИМИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ	142
Муканова А. К. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ДЕТЕЙ ОТ ГРУМИНГА	148
Рахимова В. Р., Хайруллин Р. И. ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ПЕРИОДЫ ОТДЕЛЬНЫХ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ПРОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ (СВО)....	159
Тихонов С. И. ЮВЕНАЛЬНАЯ ВИКТИМОЛОГИЯ.....	170
Томчук В. Е. К ВОПРОСУ О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГ И ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ ЮРИДИЧЕСКИМ ЛИЦАМ	178
Фахрутдинова Д. А. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ДИВЕРСИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ И ЕЕ АДАПТАЦИЯ К ВЫЗОВАМ СОВРЕМЕННОСТИ	185
Чебыкин В. В. СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОРУЖИИ В РОССИИ И ШВЕЙЦАРИИ.....	191
Шашков С. В. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: КЛЮЧЕВЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ И ПРОГРАММНЫЕ МЕРЫ	195

Научное издание

ЗАУРАЛЬСКИЕ ПРАВОВЫЕ ЧТЕНИЯ

**Материалы всероссийской научно-практической конференции,
посвященной 80-летию Победы в Великой Отечественной войне
и Году защитника Отечества**

«12» декабря 2025 года

Редактор В. А. Лисина

Библиотечно-издательский центр КГУ.
640020, г. Курган, ул. Советская, 63, стр. 4.
Курганский государственный университет.